

Дэвид Шапиро

НЕВРОТИЧЕСКИЕ СТИЛИ

Институт общегуманитарных исследований Москва, 1998

ББК 88 Ш 23

David Shapiro Neurotic Styles BasicBooks. New-York. 1965

Книга издана при участии издательства "Университетская книга", С.-Петербург, и Московского Центра Вальдорфской педагогики.

ОТ РЕДАКТОРА

Эта книга может заинтересовать всех, кто не утратил интереса к клинической психологии. Сегодня, когда из небытия вдруг возникло множество самых разных «психологий» (как будто эти разные психологии действительно существуют), книга доктора Шапиро все равно займет свою нишу, которая до сих пор пустовала. И внимательно прочитав и перечитав текст, вдумчивый и заинтересованный читатель обязательно поймет ее ценность. Дело в том, что, имея прямое отношение к клинической психологии, содержание включает в себя и элементы психоанализа, и определенные черты когнитивной психологии, и самые важные аспекты психологии личности.

Сегодня в разных сферах человеческой жизни и деятельности на первый план выходят вопросы, связанные с адаптацией человека к быстро меняющимся условиям окружающей действительности и с предсказуемостью его поведения в ситуациях, требующих принятия быстрого и правильного решения. Кроме того, стало уделяться повышенное внимание к способности человека действовать эффективно и бесконфликтно. Одним из условий поступления на престижную работу является «успешное» прохождение психологического тестирования. Однако лишь очень немногим профессионалам известно, что само по себе тестирование является формальной процедурой; последнее слово остается за специалистом, интерпретирующим результаты того или иного теста. И если методика попадает в руки «случайного» человека, с большой вероятностью можно ожидать любого произвола.

Я это пишу потому, что опытному клиническому психологу не требуется специальных методик для определения стиля невротического поведения. Автор этой книги, доктор Шапиро, дает возможность практикующим психологам научиться видеть «невротические стили» опытным глазом клинического психолога, и тогда результаты соответствующего теста могут послужить лишь формальным подтверждением обоснованного мнения специалиста.

Вместе с тем, эта книга может быть полезной для любого читателя, способного рефлексировать свои реакции. В ней, по сравнению с подавляющим большинством трудов, не только устанавливается связь особенностей эмоциональной сферы, сферы мышления и поведения человека, но и дается подробное объяснение этой связи. При этом вы не найдете ни одного догматического утверждения: любое положение находит свое обоснование в наличии универсальных психологических механизмов. Огромное достоинство книги заключается именно в том, что она понятна, что несмотря на определенную классификацию стилей, она не имеет ничего общего с навешиванием ярлыков, которое чаще всего свойственно людям, слабо ориентирующимся в психологии. Назвать — не значит объяснить и тем более не значит изменить. Имея дело с людьми, об этом приходится помнить постоянно.

Я уверен, что эта книга найдет своих читателей, в первую очередь тех, кто имел

дело с психологическими тестами. И многое из того, что не было понятно ранее, вдруг станет проще и яснее. А это значит, что вы встали на путь, ведущий к самопознанию. Путь этот длинный и трудный. Сойти с него просто. О том, что в таком случае происходит, как раз и написал доктор Шапиро.

В. Мершавка июль 1998 г.

ВВЕДЕНИЕ

Источником для этой книги послужили наблюдения определенных фактов патологических состояний и клинические заключения — они были сделаны задолго до того, как мне стало понятно, что такие заключения являются особой «точкой зрения». Но я написал эту книгу не для того, чтобы разъяснить эту точку зрения, а чтобы применять ее на практике. А это значит, что перед вами клиническая книга о неврозе и невротической деятельности, а это введение я пишу не ради теоретических дискуссий, а для того, чтобы помочь читателю лучше разобраться в последующих клинических главах. В последней главе я разберу более общие, теоретические аспекты, на которых основываются мои взгляды.

Мне хотелось бы объяснить, что подразумевается под словами «невротические стили». «Стиль» — это форма или способ деятельности в определенной сфере, и опознать его можно по конкретным действиям человека «Невротические стили» — это способы деятельности, характерные для разных невротических состояний. Здесь главным образом будут обсуждаться формы мышления и понимания, разновидности эмоциональных переживаний, субъективное восприятие вообще, а также деятельность, связанная с различными патологиями. Я не стремлюсь дать полное описание этих стилей или хотя бы их систематизировать, поскольку ограничения этой книги не позволяют затронуть множество интересных аспектов, например, разные стили движения тела. Но я надеюсь, по крайней мере, обозначить четыре основных невротических стиля: обсессивно-компульсивный (невроз навязчивых состояний), параноидальный, истерический и импульсивный.

Не всегда бывает легко определить модель или стиль деятельности. Рассматривая общение или действие, мы обычно обращаем внимание на их содержание, а чтобы понять модель, требуется иное, возможно, несколько более пассивное внимание. Однако, если удастся эту модель распознать, то нам открываются новые аспекты уже знакомых вещей, и мы узнаем нечто интересное и даже захватывающее.

Впервые меня заинтересовали стили человеческой деятельности (в особенности мышление и понимание), характерные для различных психопатологий, в процессе работы с психологическими тестами. В тестах, в особенности в тесте Роршаха, мышление и понимание являются основным материалом, позволяющим определять защитные механизмы, характерные черты и диагноз. Мне кажется, что способы мышления, которые обычно используют для диагностики защитных механизмов, синдромов, получения общей психологической картины, сами по себе являются очень важными психологическими структурами, куда более обширными, чем определяемые с их помощью характерные черты и механизмы. Например, если с помощью защитных механизмов и симптоматических характеристик навязчивых состояний идентифицировать стиль понимания и мышления, то этот стиль сам будет являться психологической структурой. Если же, как это часто бывает, небольшие вариации одного и того же стиля предполагают существование других, чаще всего, адаптивных черт, то в данном случае основной стиль можно считать основной матрицей, из которой происходят разные симптомы и защитные механизмы. Другими словами, способ

мышления может быть одним из факторов, определяющих *форму* симптомов, защитных механизмов и адаптивных черт.

Эти вопросы становятся особенно актуальными в связи с результатами психологических тестов, поскольку такие тесты очень хорошо подходят для выявления формальных свойств мышления и понимания. Но — это общие вопросы. Возможно ли описать формы функционирования: мышления, восприятия и поведения, характеризующие разные виды патологии и стили деятельности, которые образуют матрицу для отдельных черт и симптомов и формируют эти черты и симптомы в каждой конкретной личности?

В пользу такой концепции говорит человеческая склонность к обобщению, однако у нее существует и клиническое подтверждение. Каждый читатель, имеющий опыт клинической практики (да и любой чувствительный человек) может понять, что яркие патологические симптомы регулярно проявляются в контексте намерений, интересов и интеллектуальных склонностей, и даже в профессиональных и коммуникативных склонностях, с которыми связаны определенные симптомы и черты. Мы не удивимся, если узнаем, что у ученого или книголюба появился невроз навязчивости, или что женщина, проходящая психотерапию вследствие сильных эмоциональных взрывов, не интересуется наукой и математикой и ничего о них не знает. В таких случаях вы чувствуете, что природа симптома соответствует природе действий, склонностей и отсутствию склонностей, которые создают основу. Можно привести и другой пример: мы узнаем, что пациент в тяжелом параноидном состоянии, с запутанными и «систематизированными» галлюцинациями, ранее был либо человеком крайне одержимым, либо догматическим и компульсивным. И тогда между двумя этими состояниями мы можем обнаружить некое сходство, хотя, возможно, нам не удастся его ясно обосновать.

Такие сходства в деятельности человека невозможно объяснить проявлениями защитных механизмов или производными механизмов поведенческих; для такого объяснения они слишком обширны. Я бы сказал, что они являются составляющими личного стиля. Я не имею в виду, что какой-то один стиль может послужить описанием для всех сфер деятельности личности, но при этом стили могут дать картину общих аспектов деятельности (познания, эмоционального восприятия и т. п.); они могут быть организованы и между собой связаны.

Составляющие индивидуальной деятельности, например, соотношение между симптомами и адаптивными чертами, отражают стили, определяя формы симптомов и несимптомов, защищающих от импульсов и адаптивных проявлений этих импульсов. Они медленно меняются и служат гарантией не только сохранения индивидуального стиля, но и относительно долговременной стабильности.¹ Однако, следует отметить, что в настоящее время эти составляющие имеют всего лишь статус клинических наблюдений, и так будет до тех пор, пока не будут описаны объясняющие их формы деятельности.

Рассмотрение общих стилей деятельности в качестве матрицы для специфических черт и симптомов затрагивает две проблемы, поднятые психоанализом и до сих пор не нашедшие удовлетворительного решения. Первая проблема — это «выбор невроза»: то есть, исходя из каких факторов у человека вырабатываются именно такие симптомы; вторая проблема — проблема понимания характера. Они связаны между собой; их можно даже считать разными аспектами одной и той же проблемы. То есть склонность к определенным симптомам можно считать проблемой характера, а характер можно рассматривать как сумму основных относительно стабильных форм деятельности,

которые мы обсуждали. Но во время зарождения психоанализа на эти проблемы смотрели совершенно иначе.

Тогда основным направлением психоанализа было изучение инстинктивных механизмов и сбоев, которые в них случались. В этом же направлении шло изучение патологических симптомов. Изучали содержание симптома и частные формы деятельности, и проблема выбора невроза заключалась в поиске соответствия содержания симптома с психосексуальной фазой. Помимо этого искали причины конкретных психосексуальных фиксаций.

В чем заключается ограниченность такого понимания? В него хорошо укладываются некоторые аспекты невротических симптомов, зато другие аспекты невозможно проследить до начального толчка или конфликта.

В компульсивном мытье рук и в навязчивой идее о чистоте можно увидеть реакцию на анально-эротические импульсы. Но из специфического контекста сексуального конфликта трудно вывести интенсивность работы и прочей деятельности, моральные убеждения, связанные с этими симптомами, а также опору на саму реакцию (а, например, не на механизм подавления). Фрейд понимал, что невозможно решить проблему выбора симптома, опираясь только на либидозный конфликт и фиксацию. Он писал:

«Мы знаем, что нельзя полностью понять предысторию невроза, если акцентировать свое внимание лишь на стадии либидозного развития, не принимая в расчет стадию развития эго. Мы ограничимся «либидозным развитием, так как не имеем достаточно информации. В настоящее время нам известно очень немного...»²

До сих пор не нашли своего обобщения характерные формы деятельности и не была создана теория «характера», имея в виду определенный смысл этого понятия. Интерес раннего психоанализа к характеру, был скорее интересом к проявлениям инстинктивного содержания (ранние влечения, их сублимация и формирование на них защитной реакции), к специфическим чертам личности или набору этих черт.

Справедливо считается, что в работах Фрейда, Джонса и Абрахама содержатся предположения о том, что обобщенные в той или иной мере формы поведения не всегда привязаны к символическим проявлениям первичных (original) объектов: иногда в этих формах появляется стремление к адаптации. Иными словами, инстинктивные формы обобщаются в более широкий стиль деятельности. Однако это были всего лишь предположения и случайные идеи, и очевидно, что в основном они работали в ином направлении. В частности, концепция сублимации предполагала выход инстинктов за пределы первичного объекта, но в то время этот выход скорее означал смещение влечения от первичного объекта к объекту, который его заменял. Иными словами, в этих работах можно найти концепции определенных форм эго, тенденций и механизмов (например, сублимации и реакции), но при этом они не описывают основные модели деятельности, формирующие то, что мы называем характером.

Такое понятие характера появилось несколько позже, в анализе характера Вильгельма Райха.⁴ Согласно Райху, невротическое решение инфантильного инстинктивного конфликта достигается в процессе общего изменения деятельности, при полной кристаллизации невротического характера. Райх так и изучал «характер, как единое целое», а не его отдельные черты и защитные механизмы, и у него именно характер в целом стал объектом терапевтического внимания. «Проблема, — говорит он, — не в содержании и не в природе конкретной черты характера, а в изначальной модели реагирования в целом.»

Такие способы поведения — например, «самоограничение и однообразие в жизни

и мышлении» у человека с обсессивно-компульсивным характером — невозможно описать, исходя только из контекста раннего влечения. Форма характера «не может создаваться индивидуальными импульсами и содержанием отдельных черт; она придает личности ее неповторимость».¹¹

Это не просто обобщенные формы деятельности, они являются стабильными и даже застывшими. Эго «затвердело», защитные реакции приняли определенные формы, ранний конфликт «трансформировался в долговременное отношение, в хронические автоматические реакции».⁷ Таким образом, здесь происходит отделение способов деятельности от содержания инфантильного конфликта (то есть от предполагаемой причины) и, по крайней мере, в этом аспекте, они становятся независимыми от первоначального конфликта. Это обстоятельство является важнейшим в концепции обобщения форм деятельности.⁸

Однако в двух пунктах представленная Райхом картина характера не является адекватной, и эти пункты оказываются очень схожими. Это происхождение общего способа реагирования (формы характера) и его функции. С точки зрения Райха, характер возникает из инфантильного инстинктивного конфликта; сначала — это способ справиться с конфликтом. Форму характера, с одной стороны, определяет природа подавленного импульса, а с другой, — природа расстройства (время, интенсивность и т. д.).⁴ Приобретая твердость, характер выполняет лишь защитные функции. Он «связывает» импульсы, и становится стабильным, ограничивает свою гибкость и защищается от внешнего и внутреннего мира. Иными словами, он исполняет защитные функции экономичнее по сравнению со специфическими защитными реакциями. Его задача — не только справиться с изначальным конфликтом, но и продолжать исполнять большую часть защитных функций в «продолжающемся конфликте» между инстинктивными требованиями и внешней фрустрацией. Райх говорил, что «продолжающийся конфликт между инстинктом и внешним миром придает (защитной функции характера) силу и смысл существования».

Таким образом, Райх не считает, что общие формы существуют независимо от защитных механизмов и инстинктивного конфликта. В его представлении характерные способы деятельности не адаптируются к проявлениям внешнего мира. Это исключает существование изначальных, независимых от инстинктивного конфликта, психологических функций, способностей и тенденций (например, различных когнитивных систем и тенденций), определяющих форму характера. И такая точка зрения не предполагает, что внешняя реальность, в особенности социальная реальность в раннем возрасте, своими возможностями, требованиями и формами существенно влияет на развитие характерных адаптивных функций. Позже эта идея была внесена в психоанализ Хайнцем Хартманном и Эриком Х. Эриксоном.

Однако после Райха интерес психоанализа к проблеме характера несколько угас. Возможно дальнейшая разработка проблемы требовала новых теорий и концепций. В любом случае, изучение эго, начатое и, вне всякого сомнения, продвинутое работами Райха, теперь стало представлять основной интерес для психоанализа. Были и другие работы, прямо относящиеся к нашей теме. Здесь имеются в виду три разработки: (1) концепция Хартманна, основанная на психологических структурах, независимых от инстинктивных влечений и конфликтов, о которых упоминалось в поздних работах Фрейда; (2) работа Эриксона¹², в которую включена концепция о психологических структурах, независимых от инстинктивных влечений (но тесно с ними связанных), и, кроме того, добавлена новая концепция об обобщенных способах деятельности; (3) экспериментальная и теоретическая работы Джорджа С. Кляйна и Рилей Гарднер¹⁴ и их

сотрудников. Они провели исследования о том, как общие принципы контроля проявляются в способах и стилях познания. Эти три исследования, напрямую не связанные с характером, все же помогают создать концепцию обобщенных, стабильных моделей деятельности, которая очень существенна для пересмотра определения патологического характера.

Исследования Хартманна показали важность психологического развития врожденных ментальных структур (например, памяти и структуры познания). По мнению Хартманна, эти структуры являются основными в приспособлении человека: они формируют ядро адаптивной психологической деятельности, относительно независимой от инстинктивного конфликта. Но эти врожденные структуры и их продукция (например, мышление и язык) важны не только для адаптивной деятельности. Благодаря своему положению и особым характеристикам, они влияют не только на форму и тенденцию адаптивной деятельности, но и на выбор пути «предпочтительного» разрешения конфликта и выбор защиты. Так, например, Хартманн указывает на то, что автономный фактор мышления является независимой составляющей индивидуального выбора и реализует защитный процесс интеллектуализации.

Едва ли нужно упоминать о том, что эта концепция не принижает влияния на форму защитного или адаптивного процесса внешних, в особенности социальных, факторов, а также инстинктивных влечений и конфликтов. Но в этой концепции появляется то, чего прежде не было в психоанализе: биологическое ядро психологической структуры, которое изначально влияет на характерные тенденции адаптивных и защитных функций — ядро, вокруг которого собираются самые разнообразные силы и влияния.

Хартманн создал общую теорию независимого развития эго, а Эриксон разработал ее более специфические аспекты.¹⁶ Работа Хартманна во многом основана исключительно на предположениях, ибо в то время не было проведено достаточно исследований развития характера и общих форм деятельности. Эриксон конкретно показал, как в определенных областях происходит такое развитие. Он описывает, как постепенно, наряду с психосексуальным развитием, раскрываются основные способы функционирования — «паттерны приближения, способы подхода, способы поиска связей»⁷. Каждая фаза создается доминирующими сексуальными инстинктами, а ее изменение происходит под влиянием возникающих способностей и тенденций. Результат фазы развития зависит не только от судьбы инстинкта. В результате кристаллизации социальных форм (модальностей) появляются способ деятельности, отношение, строение мышления. Итак, фаза, которая психосексуально называется «фаллической», соотносится с общим расширением локомоторных способностей и «двигательных паттернов». В этой фазе в основном доминирует инициатива (или ее подавление чувством вины).

Таким образом, в отличие от райховских «способов реагирования», у общих форм функционирования в схеме Эриксона существует три корня: инстинктивное развитие, появление зрелых способностей и тенденций и возникающие на каждой фазе развития внешние социальные условия.

Способы и модальности Эриксона охватывают определенную область и уникально описывают индивидуальные аспекты. Они дают описание того, что люди делают и чувствуют, какие силы ими движут и какие внутренние системы их сдерживают. Позже я еще вернусь к этому аспекту, характеризующему общие методы. Эриксон не пытался систематизировать характериологию¹⁴, основанную на развитии этих модальностей, и не соотнес их детально с существующими положениями психиатрии. И хотя такое систематическое изучение было бы весьма ценным, совершенно очевидно, что многие

важные для изучения психопатологии области — в частности, когнитивный процесс — невозможно адекватно описать, используя модальности схемы Эриксона.

Уайт²⁰, отдавая должное великому множеству типов и областей деятельности психики, утверждал, что общие способы деятельности, о которых говорил Эрик-сон, слишком тесно связаны с развитием либидо. И действительно, говорить о познании как о рецептивной функции — значит недооценивать вовлеченные в него процессы (процесс понимания, мышления и т. д.); подобные термины дают лишь самое общее описание поведения. Нет серьезных причин считать, что отдельный метод будет воспроизведен во всех областях и на всех уровнях деятельности. Например, если психосексуальное или социальное поведение может быть названо «нападением», то из этого не обязательно следует, что таком поведению соответствует способ познания, который следует называть «нападением» и что такое поведение и способ познания могут быть взаимосвязаны и взаимно облегчать друг друга. Напротив, следует изучать разные формы и способы деятельности, описывая их в терминах, соответствующих их содержанию. Они оказываются взаимосвязанными и взаимнооблегчающими.

Кляйн и Гарднер со своими сотрудниками изучали в основном когнитивную деятельность. Придерживаясь общей теоретической ориентации Хартманна и Эриксона, они разработали и применили психологическую и психоаналитическую концепцию стиля или формы деятельности. Вскоре после второй мировой войны появились экспериментальные работы в области понимания, которые обычно появлялись под рубрикой «новый взгляд». Эти эксперименты демонстрировали влияние на понимание мотива или потребности. Появившаяся несколько позже (отчасти, в ответ на результаты «нового взгляда») работа Кляйна показала, что результаты влияния потребности на понимание не имеют столь простого и прямого объяснения. Было показано, что у разных людей такие влияния различны, а поэтому конкретные направления зависят от выбора когнитивных задач и разной мотивации. Когда человеку, испытывающему жажду, показывали раздражители, связанные с жаждой, как правило, у него появлялись когнитивные отклонения (по сравнению с человеком, не испытывающим жажду). Но эти отклонения у разных людей были различны и соответствовали склонностям данного конкретного человека, которые тот проявлял, не испытывая жажды. Иными словами, можно продемонстрировать, что у человека существуют относительно стабильные когнитивные склонности, определяющие форму влияния, которое оказывает мотив или потребность.

Кляйн и его сотрудники исследовали ряд когнитивных склонностей, подразумевая, что они являются регулирующими и контролирующими структурами. Когнитивные склонности, — писал Кляйн, — отражают высшие обобщенные формы контроля, которые проявляются в поведении человека в качестве способа воспоминания.

Кляйн считал, что у каждого человека существует набор таких склонностей, и обозначил их структуру, существующую у конкретной личности, термином «когнитивный стиль». Кляйн предположил,²¹ что основой когнитивного контроля являются врожденные склонности, на которые ссылался Хартманн. Кляйн исследовал связь между когнитивными стилями и защитными реакциями (хорошо известными психоанализу регулирующими структурами), но этот вопрос все еще ждет более полного исследования. Я вернусь к нему в последней главе, а пока можно сказать, что индивидуальные когнитивные стили, вне всякого сомнения, являются одним из аспектов матрицы, определяющей природу защитных реакций и форму патологического симптома.

Филип Райфф в книге *Фрейд: Мышление моралиста* критикует психологическую

систему Фрейда за то, что ее создатель не уделяет должного внимания существующим склонностям, тенденциям, «формам мышления» и не считается с их важностью. Под существующими склонностями Райфф, в частности, подразумевал общие тенденции понимания, изученные гештальт-психологами. Райфф утверждал, что Фрейд совершил ошибку, отождествляя существующие склонности (черты характера) с их возможной причиной. Он пишет: хотя дуб и зарождается в желуде, все же не следует считать выросшее дерево «в сущности» желудем.²⁰ В критике Райффа мне кажется верной мысль о недостаточном внимании к «формам мышления» или, как я бы сказал, к стилям деятельности. Из-за этого психоанализ до сих пор не разработал психологии характера. Однако Райфф слишком категоричен: ведь именно разработанная Фрейдом теория эго и структурная модель привели к более поздним разработкам, о которых я упоминал ранее. Во всяком случае, я попытался показать, из чего состоят подобные «формы мышления», и теперь у нас существует основа для понимания характера, хотя она может считаться несколько фрагментарной. Очевидно, что проблему происхождения стилей деятельности нельзя назвать простой; высказывались предположения, что они возникают из множества связанных источников. Я немного могу сказать о возможных причинах возникновения невротических стилей, за исключением нескольких общих моментов, изложенных в последней главе. Но вместе с тем я уверен, что изучение самих стилей и создание ясной картины форм познания, деятельности, эмоционального восприятия и т. д., являются необходимыми предварительными условиями для понимания причин. Изучение должно включать в себя тщательное наблюдение и анализ существующих (и более-менее постоянно проявляющихся) тенденций, незаметных в обычной обстановке аспектов восприятия и деятельности — постоянного стиля жизни, сознательных склонностей и общественного поведения. Именно это я и попытался сделать.²¹

Теперь я хотел бы обратить внимание читателя на клиническую важность невротических стилей и некоторых других аспектов, которые можно назвать «формальным» взглядом на невроз.

Фрейд нас научил, что «имеют смысл» даже самые странные симптомы и самое необычное поведение. Сейчас мы твердо уверены в том, что эта странность только кажущаяся, и когда становится известна вся история, то, что выглядело странным, становится понятным и даже кажется неизбежным. Наверное, главным последствием такого взгляда было открытие важного значения ранних инстинктивных влечений. За странностями можно обнаружить силы — подавленные или перенаправленные, но тем не менее существующие — и, обнаружив эти силы, мы видим, что такие странности оказываются простыми человеческими качествами. Структуры, ответственные за искажения, всегда находили признание (несмотря на противоположное утверждение Райффа), но за ними всегда искали скрытые универсальные человеческие силы. Но в последние годы интерес изучающих «психологию эго» обратился па сами структуры, и мы спрашиваем: «Как действует человек?», а не только: «Каковы его мотивы?» Это не просто теоретический вопрос, он важен и для клинической практики. Ответ на него заставит взглянуть на невроз по-другому.

Рассмотрим один аналог. Предположим, мы наблюдаем, как индеец, человек малознакомой культуры, весьма сосредоточено исполняет странный танец. Наблюдая за ним с изумлением, мы можем заметить, что сейчас стоит засуха, и скорее всего здесь находится сельская община; мы считаем, что, наверное, это танец-молитва, вызывающая дождь, а может быть — выражение страха. Продолжая за ним внимательно наблюдать, мы можем уловить определенные жесты, подтверждающие нашу догадку. Несомненно, в этот момент у нас появилось некое понимание того, что происходит. Но ограниченность

такого понимания станет очевидной, как только мы обратим внимание на фермера-индейца, который тоже страдает от засухи, но не присоединяется к танцу. Ему эта жестикуляция даже не приходит в голову; вместо этого он идет домой и проявляет беспокойство. *Индеец танцует не только вследствие засухи, но и потому что он индеец.* Его танец следует из определенных склонностей и структуры мышления, из относительно стабильного склада сознания. Знание этих стабильных структур помогает лучше понять смысл его поведения.

Почти то же самое можно сказать о невротических симптомах и патологических чертах. Например, компульсивная личность заинтересована в том, чтобы сомневаться, тревожиться и совершать ритуалы. Динамическое понимание, неважно насколько оно само по себе корректно, не может объяснить, почему человек заинтересован именно в этом. Компульсивный человек выполняет свои ритуалы не только из-за конфликта инстинктивной и контринстинктивной сил, но и потому, что он компульсивен, то есть вследствие наличия относительно стабильной модели мышления и познания, определенных склонностей и т. д. Здесь присутствуют не только виды деятельности, непосредственно связанные с конкретным действием или реализацией импульса, но и деятельность, связанная с восприятием импульса, потребности или аффекта. Иными словами, можно сделать вывод, что компульсивный человек ведет себя определенным образом под влиянием внутреннего импульса или внешней провокации не только благодаря определенной ответной реакции, но и благодаря определенному способу восприятия этого импульса или раздражителя. Именно в этом заключается клиническое применение невротических стилей. Стабильные формы деятельности служат причиной индивидуального перехода инстинктивного импульса (или внешнего раздражителя) в сознательный субъективный опыт, поведение и симптомы.¹²¹

Таким образом, интерес к выбору невроза оказывается не только теоретическим. Если мы пребываем в неведении относительно способов деятельности, из которых следует выбор невроза, наше неведение распространяется и на субъективный мир личности. Только в контексте субъективного мира или способов деятельности можно ясно понять индивидуальную важность ментального содержания. Ментальное содержание или некое проявление поведения — например, фантазия или симптом — не только отражают содержание инстинктивного импульса или контримпульса, но и являются продуктом стиля деятельности. Только поняв стиль и общие склонности мышления и интересов личности, можно воссоздать субъективное значение поведения или мысли. Одна и та же мысль или действие будут иметь абсолютно разное значение для разных людей, а самые разные действия могут иметь очень близкое значение. Не понимая этого, мы рискуем — это относится и к терапевтам, и к людям, которые проводят тесты — увидеть лишь книжное толкование, возможно верное, но далекое от настроения и восприятия конкретной личности. Я не хочу сказать, что мы совсем не понимали этого раньше. Но лишь формальный взгляд помогает постоянно об этом помнить.

Я хотел бы выделить еще один аспект такого взгляда на невроз. Это понятие «активности» в невротической деятельности, которое не согласуется с некоторыми психиатрическими концепциями. Поясню, что здесь имеется в виду.

Невозможно изучать невротические стили деятельности, не обратив внимания на то, что специфические Действия невротика, его сознательные склонности и видение мира являются важнейшими функциональными элементами невроза. Его мышление, интересы и сознательные склонности должны оставаться прежними, чтобы невротический процесс мог продолжаться и характерное невротическое восприятие было

бы неизбежным (хотя, возможно, и крайне неприятным). Я не хочу сказать, что невротик становится невротиком по собственному выбору или что его можно от этого отговорить. Просто его видение мира — а здесь у него выбора нет — заставляет его чувствовать, думать и действовать так, чтобы невротическое восприятие продолжалось и стало необходимым.

Примеры этого отношения хорошо известны. Например, есть множество сердитых, взвинченных мазохистов, которые не только легко чувствуют себя ущемленными и принесенными в жертву, но и сами находят для себя такие ситуации. Иногда им приходится приложить множество усилий, чтобы почувствовать себя жертвой. Возможно, они получают удовлетворение, чувствуя, что после каждой несправедливости увеличиваются их моральные претензии. Понять такое отношение могут многие, но лишь немногим оно покажется необходимым. Зачем же прилагать усилия? Часто такие люди всю жизнь сражаются с более сильным противником. Единственным оружием против такого соперника является моральный протест. Чувствуя свою слабость, они все время чутко следят, насколько их уважают. Они воинственно защищают права личности и очень в этом заинтересованы. В мире, сотворенном такими склонностями и тревогами, реализуется любая, даже самая маловероятная возможность ущемления: «Он так на меня посмотрел, что только дурак не мог догадаться, что это значит». Другими словами, люди с такими склонностями и такой структурой мышления, всегда готовы «понять», что их хотели ущемить или унижить. Для них это вполне естественно.

Как правило, интересы и склонности невротика гарантируют последующее невротическое действие (которое, с объективной точки зрения, поддерживает невротический процесс) — и при этом оно кажется единственно возможным.

Можно привести и другие примеры. При тщательном изучении видно, что обсессивную личность одолевают не только сомнения и тревоги; она прилагает массу усилий, чтобы создать основу для неуверенности или для уверенности — то есть для любого подходящего решения. Она ищет что-нибудь такое, чтобы сравнять счет. Ее склонности и модели мышления заставляют считать эту процедуру единственно надежной, а новый элемент сомнения — единственной вещью, которая может заинтересовать. Точно так же дело обстоит с параноиком: его не просто посещают страхи, подозрения и желание защититься; он занят активными поисками и не успокаивается до тех пор, пока не найдет новую опасность. Человек, вытесняющий из своего сознания то или иное содержание, не просто подвергается действию сил, препятствующих ясному воспоминанию, но и сам отстраняется от предложенных фактов, предпочитая поговорить о другом, не понимая, зачем быть «таким серьезным». И так далее. С этой точки зрения, невротик не просто страдает от невроза (как можно страдать от туберкулеза или холода), но и активно в нем участвует, ведет себя согласно правилам невроза, тем самым поддерживая характерное восприятие. Однако своим действиям и интересам невротик не видит серьезной альтернативы.

Ранний психоанализ оценивал индивидуальную деятельность по-другому. Считалось, что сознательная личность подчиняется либидозным силам²⁹, или же она ограждена от этих сил защитными механизмами (но при этом сама личность остается пассивной). Эриксон пишет:

«Ранний психоанализ... считал, что либидо является основной субстанцией, а индивидуальное эго — лишь защитным буфером, хрупкой прослойкой между либидо и смутным «внешним миром»... Продолжая изучать возможности и структуры либидо, мы не должны приписывать живым людям роль марионеток мифического Эроса •- ни ради терапии, ни ради теории.»³⁰

Марионеточная теория не следует прямо из изучения инстинктивных влечений и бессознательных сил; скорее, она возникает вследствие недооценки функций эго, а может быть, и сознания. Возможно и то, что эта теория отражает слишком узкое изучение интрапсихических областей, структур и сил. Эта точка зрения существенно изменилась под влиянием современных представлений о деятельности эго, и несомненно будет меняться в дальнейшем, при изучении сознания, внимания, мышления и понимания, намерения, насилия и т.д. Однако марионеточная концепция и по сей день присутствует в психиатрии и психоанализе, и вопрос пассивности или активности невротика до сих пор остается открытым.

Следствием этой концепции является, например, определенное искажение значения психологического детерминизма. Психологический детерминизм означает, что невротик находится под властью сил, которые проявляются в его поведении, тогда как он сам становится лишь пассивным наблюдателем. Эта идея присутствует и в анализе исторических (детских) причин поведения. С точки зрения марионеточной концепции, фрагменты истории вторгаются в поведение, минуя актуальные формы деятельности, и человек лишь пассивно наблюдает за своим поведением, оказываясь не более, чем жертвой своей истории. Но я хочу подчеркнуть, что суть заключается не в психологическом детерминизме, исторических причинах или в неосознанных мотивах; суть в том, что если исходить из этих факторов, окажутся незадействованными сознание и актуальные стили деятельности. С нашей точки зрения, невротик не является беспомощной жертвой своей истории; его мышление и намерение — иными словами, его стиль — были сформированы личной историей и теперь являются составными частями невротической деятельности и заставляют его думать, чувствовать и действовать так, чтобы эта деятельность стала необходимой.

Нам мало дает тот факт, что марионеточная теория очень хорошо разрешает клинические трудности с определенными пациентами: в основном с импульсивными людьми и с алкоголиками, которые говорят нам то же самое, что и эта точка зрения: они — жертвы своих импульсов и «ничего не могут поделать». Слыша подобное, мы смущаемся. В некотором смысле, эти пациенты правы, о том же говорит нам детерминизм; и мы не хотим возлагать на пациентов ответственность за невроз. С другой стороны, мы не можем полностью принять идею об их невиновности и в ответ замечаем, что они не очень сожалеют о том, что с ними делают импульсы. Марионеточная концепция заставляет одних терапевтов вопреки своим ощущениям принимать подобные заявления, другие же терапевты начинают морализировать. Изучение этого стиля даст возможность увидеть, что импульсивные люди действительно при определенных обстоятельствах не могут сопротивляться: «я ничего не могу сделать». Ослабление нормального ощущения воли является одним из аспектов импульсивного стиля.

Я уверен, что общий взгляд на невроз может возникнуть только в результате тщательного изучения невротических стилей. Но при этом хочу еще раз подчеркнуть, что моей целью было изучение этих стилей как таковых. Пусть читатель решит сам, следуют ли эти выводы из приведенных фактов.

"ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Это можно проиллюстрировать наблюдением Эскалопы и Хайдер: «Если обратить внимание на изменения в поведении ребенка я ограничиться только изучением стадий от младенчества до—в нашем случае — старшего школьного возраста, можно заметить, что поведение меняется, но сохраняется его стиль и способ адаптации ребенка. (Sibylle K. Escalopa and Grace

Heider, *Prediction and Outcome* [New York: Basic Books, 1959], p.9).

Sigmund Freud. «The Predisposition to Obsessional Neurosis» [1913], *Collected Papers* (New York: Basic Books, 1959), Vol.2, p.131.

Например, Sigmund Freud, «Character and Anal Erotism» [1908], *Collected Papers*, op.cit., Vol2, pp.45-50;

Ernest Jones, «Anal-Erotic Character Traits» [1918], *Papers on Psychoanalysis* (Baltimore: William Wood, 1938), pp. 531-55; Karl Abraham, «Contributions to the Theory of the Anal Character» [1921], *Selected Papers on Psychoanalysis* (New York: Basic Books, 1957), pp.370-92. ' Wilhelm Reich, *Character Analysis* [1933] (New York:

Orgone Institute Press, 1949). 5Ibid., p.144 ' Там же, p. 144. ' Там же, p. 196. ⁷ Там же, p. 156.

⁵ В следующем параграфе станет ясно, что эта концепция не эквивалентна концепции «вторичной автономии» Хайнца Хартманна (Heinz Hartmann, «Comments on the Psychoanalytic Theory of the Ego», in Ruth S.Eissler et al.. *The Psychoanalytic Study of the Child*, Vol.5 [New York: International Universities Press, 1950], pp.74-96).

⁹ Райх считает, что в развитии форм характера играют роль только инстинктивные факторы — «даже у новорожденного есть свой «характер»» (там же, p.156) — но, очевидно, это явно просто уступка противоположному взгляду. В то время он считал, что патология характера приобретается, а не наследуется.

¹⁰ Там же, p. 146.

¹¹ Heinz Hartmann, *Ego Psychology and the Problem of Adaptation* (New York:International Universities Press, 1958).

¹² Erik H. Erikson, *Childhood and Society* (New York: Norton, 1950). ^{1:1} George S.Klein, «Cognitive Control and Motivation», *Assesment of /Motives*, ed. Gardner Lindzey (New York: Rinehart, 1959), pp. 87-118.

Riley Gardner, Philip S. Hoizmann, George S. Klein, Harriet Linton and Donald P. Spence, «Cognitive Control:

A Study of Individual Consistencies in Cognitive Behavior», *Psychologtocal Issues*, 1, Whole No.4 (1959). Hartmann, op. cit., p.14.

См. David Rapaport, «Present-Day Ego Psychology», лекция в Сан-Франциско, 1956. Erikson, op. cit., p.65. Там же, p. 85.

Характерологию нельзя рассматривать, как изменение зрелого характера по отношению к его инфантильному прототипу, ибо, согласно Эриксону, развитие эго продолжается и после завершения психосексуального развития. Однако для зрелого характера та или иная фаза может оказаться определяющей. Robert W. White, «Competence and the Psychosexual Stages of Development», *Nebraska Symposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1960), pp. 97 - 141.

Klein, «Need and Regulation», *Nebraska Simposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1954), pp.224-74. George S. Klein, op. cil., p.89. David Rapaport, «Psychoanalytic Theory of Motivation», *Nebraska Simposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1960), p.219. Philip Reiff, *Frued: The Mind of the Moralist* (New York: Viking.1959).

Reiff, op. cit., p.49. Критика Райффа не затрагивает историческую или генетическую точку зрения. Хартманн пишет: «... вполне естественно, что феноменологическое описание деталей ментальных проявлений, к которому мы прежде относились с пренебрежением, оказалось особенно важным в психологии эго» (op. cit., pp.6-7).

На этом сделан акцент в теории Альфреда Адлера, в соответствии с которой

субъективная важность события зависит от индивидуального «стиля жизни». Но, как я понимаю, понятие «стиль» в данном случае означает способ приспособления, благодаря которому человек достигает своих жизненных целей. Теория «активности» невротической деятельности ясно изложена в терапевтических идеях Хельмута Кайзера. См Hellmuth Reiser, «The Problem of Responsibility in Psychotherapy», *Psychiatry*, 18, No. 3 (1955), 205-211. -¹⁾ Эту точку зрения поддерживает известная идея Георга Гроддека: нами «правят» неизвестные и неконтролируемые силы. См. Sigmund Freud, *The Ego and She Id* (London: The Hogarth Press, 1950), p.27. ²⁾ Erikson, op. cit., p.60.

ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНЫЙ СТИЛЬ

Вильгельм Райх называл компульсивных людей «живыми машинами».¹⁾ Такое описание оказывается вполне подходящим, ибо соответствует их субъективному переживанию. Вместе с тем оно является хорошим примером общего формального описания. Данное механическое качество невозможно вывести из инстинктивных импульсов или ментального содержания.

Нам хорошо известны многие формальные характеристики обсессивно-компульсивной деятельности (более простое выражение — невроз навязчивых состояний — В.М.): намного лучше, чем характеристики других невротических состояний. Например, нам знакомо четкое мышление, «ригидность», определенная напряженная активность и т. д. В интеллектуальной области обсессивно-компульсивные личности подают наиболее характерные примеры четких защитных и адаптивных реакций. Однако, если такие черты столь хорошо известны, это вовсе не означает, что они достаточно хорошо понятны и серьезно изучены. Например, я ничего не знаю об исследованиях обсессивно-компульсивной интеллектуальной ригидности, хотя она представляет собой один из самых известных психиатрических феноменов. И *это* несмотря на то, что обсессивно-компульсивный невроз был очень серьезно исследован на основе динамической теории, то есть на основе теории инстинктивных и контринстинктивных сил.

Мной были исследованы следующие три аспекта обсессивно-компульсивного стиля деятельности: (1) ригидность, (2) способ деятельности и искажение переживания автономии, (3) потеря чувства реальности. Первый и третий аспекты связаны, в основном, с познанием и мышлением. Второй связан с активностью, которую мы называем «инстинктивной», и наиболее характерными аспектами субъективного переживания обсессивно-компульсивной личности; этот аспект ближе всего к общему описанию обсессивно-компульсивного стиля жизни.

РИГИДНОСТЬ

Термин «ригидность» часто используется для описания разных характеристик обсессивно-компульсивных людей. Например, он может относиться к неподвижности тела, поведенческому социальному стереотипу или общей тенденции следовать прежним путем, оказавшимся неподходящим или даже абсурдным. Но прежде всего «ригидность» относится к стилю мышления.

Что имеется в виду под ригидностью мышления? Рассмотрим общеизвестный пример: вы вступаете в дискуссию с компульсивной, ригидной личностью, которую можно назвать «догматической». Даже случайный разговор с таким человеком может вызвать сильное раздражение, и на то есть своя причина. Вы не просто встречаете непредвиденное несогласие с вашей точкой зрения. Нет, раздражение возникает от того, что вы не видите ни настоящего согласия, ни обоснованного возражения. О мышлении

здесь вовсе говорить не приходится и создается впечатление, что вас просто не слышат и лишь едва обращают внимание. Это можно проиллюстрировать на следующем фрагменте беседы двух человек. Два друга, К и Л, обсуждают, стоит ли К покупать дом. К: Так ты думаешь, стоит его покупать? Л: Никогда не покупай дом с плохой крышей. Потом за ремонт придется платить вдвое больше, чем за сам дом.

К: Но строитель, которого я нанял, говорит, что в целом дом в полном порядке.

Л: Крыша — только начало. Сначала крыша, потом трубы, потом отопление, потом штукатурка.

К: Но с ними все в порядке.

Л: А после штукатурки, еще и проводка.

К: Но проводка...

Л: (уверенно перебивает) Ремонт обойдется тебе вдвое дороже, чем сам дом.

Не то, чтобы Л не был согласен с К. Он не возражает на аргументы К, и нельзя считать, что он ко всему относится «негативно». Л на них просто не обращает внимания. Эта невнимательность является особым качеством; она отличается, например, от блуждающего внимания усталого человека. У невнимательности есть некая активная и принципиальная черта. Обсессивно-компульсивный человек невнимателен лишь к новым фактам и другим точкам зрения, и по отношению к ним проявляет ригидность (а в более специфических формах — догматизм). Из-за невнимательности таких людей нам кажется, что на них совершенно невозможно повлиять. Пока я не стану останавливаться на этом подробнее, а лишь скажу, что такое ограниченное внимание является определяющей (но не обязательно единственной) чертой обсессивно-компульсивной интеллектуальной ригидности.

Чтобы прояснить эту и другие черты компульсивной ригидности, будем иметь в виду, что интеллектуальная ригидность свойственна не только обсессивно-компульсивным людям. Весьма драматические формы такой ригидности часто наблюдаются при органическом повреждении мозга. Хотя такое сравнение и может показаться странным, оно вполне обосновано. И та, и другая патологические разновидности явления, обозначаемого термином «ригидность», имеют много общих черт. Я хотел бы немного отвлечься и обсудить некоторые черты ригидности мышления, возникающие при органических повреждениях, поскольку там они проявляются более явно и в целом более понятны, чем те же черты у обсессивно-компульсивных людей.

Голдстейн и Шерер² показали, что ригидность личности с органическими повреждениями мозга имеет отношение к твердой, «привязанной к раздражителю», модели познания и общей модели подхода. Внимание человека с органическими повреждениями мозга пассивно удерживается сиюминутными проявлениями, конкретным аспектом ситуации или задачи (или любым аспектом, который привлек его внимание), и он сам не в состоянии переключиться на что-нибудь иное. Можно отвлечь его внимание, которое удерживается каким-то одним аспектом ситуации или задания, но человек не способен переключить его сам. Иными словами, им утеряна способность управления своим вниманием по собственной воле.

Например, «Пациента, только что успешно перечислившего дни недели, просят перечислить буквы алфавита. На это задание он переключиться уже не может. После неоднократных повторений экзаменатор начинает сам произносить буквы алфавита, и постепенно к нему подключается пациент... Другой пациент может перечислить цифры, начиная с единицы, но когда экзаменатор просит его начать с другой цифры, пациент теряется: он обязательно должен начать с единицы».¹

Обычный человек, напротив, способен: оторваться от конкретных особенностей

текущей ситуации или задания и гладко и быстро перейти от одного, аспекта к другому. Он в состоянии управлять вниманием по собственной воле.

Я только что описал то, что обычно называется «гибкостью». Мне думается, что когнитивную гибкость можно представить как мобильность внимания, то есть управление вниманием по собственной воле. До этого мы пришли к выводу, что обсессивно-компульсивная ригидность также характеризуется определенным ограничением внимания. Можем ли мы сказать, не отрицая огромной разницы, существующей между ригидностью обсессивно-компульсивной личности и личностью с органическими повреждениями мозга, что эта черта для них обеих является общей: обе они потеряли способность к управлению вниманием (или эта способность сильно ослабла)?

Нельзя с полной уверенностью сказать, что внимание обсессивно-компульсивного человека привязано к раздражителю или совершенно неспособно произвольно переключаться (как при повреждении мозга), но с другой стороны, такое внимание нельзя назвать свободным и мобильным. Давайте рассмотрим его и его ограничения более подробно.

Наиболее явной характеристикой обсессивно-компульсивного внимания является его интенсивный, четкий фокус. Внимание таких людей не рассеяно. Они концентрируются на деталях. Например, в тесте Роршаха они часто дают «детализированные ответы» (маленькие профили по краям чернильных пятен и так далее), и та же тенденция прослеживается в повседневной жизни. Таких людей очень много среди техников; технические детали — это их стихия, они им интересны. И точно такое же заостренное внимание, конечно же, является одним из аспектов обсессивно-компульсивного симптома. Люди с таким симптомом замечают мельчайшую пылинку и беспокоятся из-за малейшей неаккуратности, на которую никто, кроме них, не обратит внимания. Но несмотря на свою заостренность, обсессивно-компульсивное внимание, главным образом, заметно ограничено в протяженности и мобильности. Эти люди не просто концентрируются; кажется, что они сконцентрированы постоянно. Но некоторые аспекты жизни невозможно уловить четко сфокусированным и сконцентрированным вниманием. В особенности же такое внимание не приспособлено для случайных или внезапных впечатлений, тогда как более пассивное когнитивное восприятие позволяет привлечь к себе внимание даже случайным и периферийным впечатлениям. Но для этого нужно обладать специальной способностью изменения фокусировки внимания или уметь вообще его расфокусировать. Но обсессивно-компульсивные личности не дают возможности своему вниманию бесцельно блуждать и не разрешают ему быть захваченным пассивно. Поэтому у них почти не возникают предчувствия, и их редко можно чем-нибудь поразить. Они не то, чтобы не смотрят или не слушают, по смотрят слишком сосредоточенно и слушают что-то еще.

Например, такие люди с огромным интересом могут слушать аудиозапись. Их внимание будет направлено на качество аппаратуры, технические характеристики записи и тому подобное, но при этом они могут даже не заметить музыки, и тем более не будут ею увлечены.

Обычно у обсессивно-компульсивного человека есть очевидный интерес, которого он постоянно придерживается: он прикладывает массу усилий, чтобы найти нужные факты — и в этом преуспевает — но очень часто упускает именно то, что придает ситуации ее неповторимость. Например, такие люди часто совершенно нечувствительны к «настрою» в обществе. Человек склонен к тому, чтобы выставлять свои устремления в виде достоинств — и компульсивные люди часто гордятся своей непоколебимой

уверенностью и постоянством.

Таким образом, обсессивно-компульсивное внимание упускает одни аспекты жизни, тогда как другие аспекты воспринимает вполне нормально. Не всякая модель познания, способная к интенсивной концентрации и четко сфокусированному вниманию, страдает подобными ограничениями. Некоторые люди способны проявлять интерес к случайным событиям, предчувствовать, мимолетно отмечать определенные элементы на периферии внимания; иными словами, в какой-то степени достигать успеха в обоих случаях. Это и называется гибкой когнитивной моделью и свободной мобильностью внимания. Но у обсессивно-компульсивных людей такая способность отсутствует. Для них предчувствие и преходящее впечатление — всего лишь неприятная помеха при концентрации внимания. Сфокусировав внимание до предела, они пытаются полностью избежать помех. Остановимся на этом подробнее.

Мы не рождаемся способными к интенсивной концентрации: к тому, чтобы намеренно к чему-то присматриваться и прислушиваться, долгое время развивая одну и ту же мысль. Детское познание очень впечатлительно и легко отвлекается; внимание ребенка открыто всему новому и готово им увлечься. Нормальные сознательные когнитивные способности постепенно созревают в детстве⁴, а у обсессивно-компульсивных людей, вероятно, продолжают развиваться и во взрослом возрасте. Возможно, что в начальной фазе, способность к сознательному управлению вниманием развивается вместе с другими сознательными действиями: управлением мускулами и общими тенденциями. Обычно у взрослого человека эти способности уже развиты; он может управлять вниманием произвольно. Тогда способность к интенсивной фокусировке внимания прекрасно налажена, включается и отключается по желанию и фактически незаметна. Иными словами, обычный человек может и сконцентрироваться и отвлечься, он может менять не только направление внимания, но и его интенсивность, и это изменение происходит легко и гладко. В других же случаях — например, при обсессивно-компульсивном стиле — управлять вниманием можно только постоянно и очень сильно напрягаясь и крайне сужая фокус. Иначе говоря, это постоянная, ригидная и, в некотором смысле, гипертрофированная форма внимания.

Мы вынуждены признать, что данная когнитивная модель предполагает недостаток сознательной мобильности внимания. Здесь отсутствует обычная способность переключаться от узконаправленного внимания к более расслабленному и восприимчивому. Периферийные элементы и все новое и неожиданное является для обсессивно-компульсивного человека потенциальным препятствием, и он старается полностью избегать таких препятствий, узко сконцентрировавшись на своей идее или цели. Это похоже на стрельбу из лука в ветреный день; чем больше напряжение лука и сила стрелы, тем меньше будут влиять на стрелу воздушные течения.

Именно это я имею в виду, говоря о обсессивно-компульсивной ригидности и об «активной невнимательности» компульсивной догматической личности к любым внешним влияниям и новым идеям. Исходя из такого объяснения обсессивно-компульсивного познания, становится ясно, что одни и те же качества в одном контексте делают этих людей достаточно ригидными, а в другом — дают им возможность проявить замечательные технические способности и сконцентрироваться на технической проблеме.

"АКТИВНОСТЬ И ОБЩЕЕ ИСКАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ АВТОНОМИИ

Кроме модели познания, в каждом невротическом стиле можно выделить разные связанные между собой модели активности, аффективное восприятие и т. д. Однако нет

сомнения в том, что разные невротические стили отличаются не только содержанием этих форм деятельности, но и тем положением, которое они занимают в общей психологической структуре. Например, при истерическом стиле восприятие личности определяет аффективное переживание. А при obsессивно-компульсивном стиле аффективное переживание сведено до минимума (что станет ясно впоследствии); в этом стиле жизнь вращается вокруг работы и связанных с ней субъективных переживаний.

Самым очевидным в obsессивно-компульсивной активности является невероятное количество действий и вместе с тем их интенсивность и концентрация. Такие люди в социальном плане могут быть чрезвычайно продуктивными (а могут и не быть); но, как правило, это будет интенсивная и постоянно активная деятельность. Самым типичным примером является интенсивная рутина или техническая работа. Фактически многие компульсивные симптомы представляют собой гротеск на подобную интенсивную деятельность.

Например, компульсивный пациент весь день интенсивно моет и чистит дом, а obsессивный пациент тратит массу времени на сбор информации обо всех окрестных школах и колледжах с тем, чтобы отыскать «самый лучший».

То, что такие люди постоянно заняты интенсивной деятельностью, является очень важным обстоятельством, из которого можно понять, что подобный способ деятельности очень хорошо соответствует ригидному, техническому познанию; но есть еще одно, столь же важное качество. Я имею в виду субъективное качество. Активность таких людей — а можно сказать, и сама жизнь — характеризуется постоянным ощущением усилий, попыткой что-нибудь сделать.

Они все делают с определенной целью. Без усилий сделать ничего нельзя. Это напряженное намерение и усилие нельзя расценить просто как усиление ощущений, которые испытывает всякий человек, работающий изо всех сил. У компульсивного человека усилие присутствует в любом действии, безотносительно к тому, требует оно мобилизации всех сил или нет. Точнее сказать, ему кажется, что каждое действие требует от него мобилизации всех сил. Во время работы, безусловно, можно ожидать появления ощущения усилия, и это неудивительно: работа, вне всякого сомнения, является основной областью существования obsессивно-компульсивной личности. Но усилие и намеренное напряжение присутствуют у нее и в том, что для обычного человека является отдыхом или развлечением. Компульсивный человек с усилием пытается «наслаждаться», и развлекается так, словно делает работу.

Один такой пациент тщательно составлял расписание на воскресенье, чтобы получить «максимум удовольствия». Он был решительно настроен на удовольствие и очень расстраивался, если что-то нарушало его расписание — не только от того, что он что-то пропускал, но и вследствие того, что день проходил неэффективно. Другой компульсивный пациент в общественной жизни всегда очень старался быть «спонтанным».

Как понять это постоянное усилие, это напряженное стремление к такому способу жизни? Что, кроме постоянства, отличает его от попытки обычного человека мобилизовать все свои силы? Можно сказать, что обычному человеку становится тяжело совершать усилие, а obsессивно-компульсивный человек его вырабатывает сам. Когда обычный человек говорит, что попытается что-либо сделать, он имеет в виду, что приложит к этому все усилия, а obsессивно-компульсивный человек полагает *не совсем это*. Когда obsессивно-компульсивный человек говорит, что постарается что-то сделать, то имеет в виду, что не обязательно приложит все усилия, но при этом он изнурит себя работой, будет о ней помнить и даже, возможно, волноваться. Фактически, иногда он

говорит, что *попытается*, но при этом у него не появляется никакого намерения это *сделать*.

Пациентка заявила, что постарается бросить курить, и, казалось, она действительно сделала некое мысленное усилие. Но в тот же момент она вытащила сигарету и закурила. Ее заявление явно не отражало ее намерения; оно, скорее, отражало цель достичь некоего усилия, может быть, намерения поволноваться о курении.

Намерение, попытка и усилие воли являются частью психологии нормальной жизни и частью обсессивно-компульсивной жизни. Но объект воли обычного человека является по отношению к нему чем-то внешним; он просто принимает решение перестать курить. А объектом воли обсессивно-компульсивного человека, напротив, является он сам: он решает «попытаюсь» перестать курить.

Обсессивно-компульсивную активность иногда называют «подверженной влечению». Несомненно, отчасти это относится к интенсивности деятельности, если подразумевать, что по собственной воле так тяжело трудиться невозможно. Но этот термин можно употребить и в другом смысле. От компульсивной деятельности создается впечатление, что человека что-то принуждает, и он делает это не ради интереса. В нем не видно энтузиазма. Он заинтересован в самой деятельности. Иными словами, он не соотносит интенсивность работы со своей целью. Вместо этого он действует так (и так же чувствует), будто его гонит необходимость, которую нужно удовлетворить. Но это не внешняя необходимость. Он сам оказывает на себя давление.

Такие люди очень часто ставят себе сроки, хотя для этого может и не быть логических причин. Один пациент решил, что к следующему дню рождения он должен найти себе работу получше, а иначе будет считать себя неудачником. И, конечно же, по мере приближения дня рождения он чувствовал все большее давление. А когда этот день прошел, он передвинул срок на новый год, и так далее.

Иначе говоря, если мы назовем обсессивно-компульсивную деятельность «подверженной влечению», то должны сказать, что эту тенденцию генерирует сам человек. Он не просто страдает от давления сроков; он сам устанавливает эти сроки. И не только устанавливает сроки, но и постоянно напоминает себе о них и о том, что они приближаются. Он никогда не жалуется на эту черту своего характера и не считает ее «невротической». Хотя объективно — это характерный признак невротического процесса, с точки зрения этого человека, здесь присутствует всего лишь здравый смысл. Однако человек часто жалуется (и вполне справедливо) на то, что существует внутреннее давление.

Таким образом, давление на обсессивно-компульсивную активность и напряженное намерение и усилие являются вариациями одной и той же модели. При такой модели активности человек более или менее постоянно оказывает на себя давление и в таком напряжении, созданным этим давлением, он работает и живет. Обсессивно-компульсивный человек является своим собственным надзирателем. Он приказывает, напоминает и предупреждает; он говорит не только, что делать или не делать, но и чего желать, что чувствовать и даже, что думать. Наиболее характерная мысль обсессивно-компульсивного человека «Я должен». В зависимости от тона, это может быть приказ, напоминание, предупреждение или просьба; но при любом тоне обсессивно-компульсивный человек постоянно себе говорит: «Я должен...». Я считаю, что такая активность и такое восприятие отражают интересное искажение нормальной деятельности и восприятия воли. Это общее искажение можно сравнить с более специфичным, которое мы обсуждали в связи с проблемой интеллектуальной ригидности.

Относительно беспомощный младенец ведет себя рефлексивно: изнутри он подвержен воздействию влечений, а снаружи — объектов влечений. Едва ли здесь можно говорить о воле и намерении, разве что в самом рудиментарном виде. Но, развиваясь, человек приобретает способность совершать различные действия намеренно, по собственной воле. Эта способность к управлению собой, то есть к управлению различными аспектами своего поведения, действиями и вниманием, может называться и способностью к «автономной» деятельности. Доподлинно неизвестно, какие именно процессы созревания входят в общее развитие, но у нас есть некоторые зацепки (например, развитие сознательного управления мочевым пузырем). В начальной фазе должно быть задействовано не только управление мышцами, но и различные когнитивные способности, например способность предвидения, элементарное планирование и т. д. Все это необходимо сделать, чтобы новые способности мышц могли обрести свое значение и развиваться до нужного уровня. В любом случае, это развитие, которое нельзя отождествлять с какой-нибудь одной фазой, сначала невольно должно подпитываться сознательным поведением. Удовлетворение голода, выделительные функции и даже мыслительный процесс до некоторой степени должны подчиняться сознательному намерению. Развитие сознательных и целенаправленных действий постепенно должно раскрыть новые виды психологического восприятия и новые пласты самоосознания. Среди них появляется и чувство сознательного направления, автономии или выбора: то, что обычно называется «волей». Такое переживание для детей оказывается новым, и они с особым интересом и удовлетворением углубляются в эту автономию, которую обычно называют «упрямством».

Не каждый аспект психологической функции или поведения становится сознательным и управляется волей. Когда удовлетворение инстинктивного влечения оказывается целью намерения или воли, то намерение уже не может управлять самим влечением. Природа влечений и аффектов — в сопротивлении тому, чтобы их сознательно вызывали и изгоняли (этого не могут признать компульсивные люди, которые себе говорят, что они «должны» чувствовать это и «не должны» чувствовать то). Обычно, хотя способность к сознательному выбору требует расширения возможностей удовлетворения желаний и интересов, сама природа этих интересов, пристрастий и чувств не регулируется усилием воли. Обычный человек не видит особой проблемы в том, что один аспект жизни подчиняется сознательному решению, а другой — нет. Если воля и чувство автономии хорошо развиты, он может расслабиться и оставить место для прихоти, спонтанности, выражения аффекта и т. д. Иными словами, хорошо владеющий собой человек может позволить себе расслабиться, не ожидая ужасных последствий. Кроме того, у обычного человека воля функционирует гладко, без сбоев, и не требует постоянного сознательного контроля и особого напряжения, а детское упрямство у взрослого развивается в возможность делать с собой то, что он сочтет нужным.

Но в определенных случаях развитие воли принимает искаженные и ригидные формы. Обсессивно-компульсивный, а также (как будет показано позже) и параноидальный стиль, — примеры таких случаев. Компульсивный человек живет в состоянии постоянного волевого напряжения. Мы уже познакомились с одним из аспектов этого состояния — интеллектуальной ригидностью — но оно охватывает и все остальные стороны жизни человека. Обычно воля означает выбор и целенаправленность действия; у компульсивного человека она принимает форму сознательного контроля каждого действия, становится постоянно давящим и направляющим надсмотрщиком, и даже, как ни странно это звучит, пытающимся управлять желаниями и эмоциями человека. Такие люди «усилием воли» заставляют себя мстить. Каждое действие, каждое

движение перегружено сознательным решением. Они до того упрямы, что не только не позволяют другим вмешиваться в выбранный план действий, но не позволяют вмешиваться и себе. Воля, обычно направленная на удовлетворение желаний человека, у них исказилась до того, что стала доминировать над желаниями и даже ими управлять. В данном случае импульс не инициирует первую стадию волевого решения, а становится его врагом. Для этих людей импульс или желание являются всего лишь искушением, способным испортить их решимость, прерывающим их деятельность, вмешивающимся в то, что они «должны» хотеть делать, или еще как-то угрожающим их ригидной направленности. Таким образом, они отрезаны от источников, которые обычно дают направление волевому решению, и, как скоро станет ясно, у этого явления есть множество последствий.

В жизни встречается великое множество проявлений обсессивно-компульсивного стиля, и некоторые из них настолько срослись с нашей культурой, в особенности, с культурой труда, что мы воспринимаем их как должное и едва замечаем. Одним из важных и интересных примеров этого стиля восприятия и деятельности является то, что мы называем «силой воли». Сила воли, очень характерная для обсессивно-компульсивного человека, и привычная при рутинной работе, она постоянно отдает приказы и указывает человеку направление.

Как вскоре станет ясно, при таком стиле деятельности и восприятия, всегда присутствует ощущение, что позади сидит надсмотрщик, который приказывает, отдает какие-то указания и напоминает. Обсессивно-компульсивные люди никогда не остаются без такого надсмотрщика. Это постоянное напряжение человека, которому нужно закончить работу в срок. Для обсессивно-компульсивных людей вся жизнь превращается в такую работу, и это ощущение их никогда не покидает. Например, такие люди постоянно играют какую-нибудь роль. Для обсессивно-компульсивного человека очень важно осознавать, что он представляет из себя «то» или «это». Это осознание и интерес в укреплении своей роли является существенным шагом на пути к превращению всех сфер жизни в свой характерный стиль. Как только такая роль закрепилась в мышлении человека, она становится основой его поведения, часто подчиняя себе даже выражение человеческого лица, манеру выражаться и т. п. Для компульсивных людей обычно особенно важна их профессиональная роль: компульсивный доктор играет доктора, — или супружеская или родительская роль. Часто они даже понимают, что это является ролью и тем не менее продолжают ее играть; то есть, в определенном аспекте они понимают, как выглядят, и соответственно корректируют свое поведение. Мысль о «роли» и действия в ее рамках часто придают поведению этих людей скованность и помпезность. Фенихел, не делая обобщений, приводит хороший пример такого процесса.

Пациент себя хорошо чувствовал лишь до тех пор, пока знал, какую он должен «сыграть» «роль». На работе он думал: «Я рабочий», и это придавало ему необходимую уверенность в своих силах; дома он думал:

«Теперь я муж, вернувшийся после работы в любящую семью»."

Нужно добавить, что *осознание* важно не столько для этого пациента, сколько для *управления* характерной моделью активности и восприятия. Таким образом, когда пациент думает: «Сейчас я рабочий», он также имеет в виду: «Сейчас я должен вести себя так, как ведут рабочие».

Другой, современный пример того же процесса можно видеть у обсессивного пациента, проходящего психотерапию, чтобы выявить из своих снов, фантазий и т. п., что же он на «самом деле» думает, хочет и чувствует. Выявив это, он хочет всего лишь вести себя соответствующим образом.

Где и каким образом обсессивно-компульсивный человек находит все те указания, приказы и давление, — все то, что он «должен» делать, все, что доминирует над его жизнью? Объективно говоря, нет никакого сомнения в том, что он создает их сам: он напоминает себе о своей «роли», назначает сроки и сам себе приказывает. И, хотя объективно авторство и ответственность за эти команды и указания принадлежат лишь ему одному, он так не чувствует. Он не чувствует, что командует от своего лица и по собственному выбору. Наоборот, обсессивно-компульсивный человек чувствует, что напоминает себе о некоей объективной необходимости, о некоем императиве, авторитете, более высоком, чем его желание или решение, авторитете, которому он вынужден служить.

Таким образом, эти люди чувствуют, что приличия заставляют их аккуратно одеваться, долг обязывает их посещать тетушку Тилли, ожидания босса заставляют их пораньше закончить работу, здоровье требует делать зарядку каждый день, для душевного здоровья нужно какое-нибудь хобби и «расслабление», чтобы быть культурным, нужно читать и слушать музыку, и так далее. Компульсивным людям не приходит в голову, что для многих других эти «необходимые дела» не требуют особого напряжения. Но даже если им это приходит в голову, они все равно продолжают напрягаться.

Действуя как собственный надзиратель, обсессивно-компульсивный человек чувствует, что поступает так в ответ на объективную необходимость, чаще всего — моральную. Он чувствует себя представителем этой объективной необходимости. Внешнее давление, которое обсессивно-компульсивный человек наделяет таким несокрушимым авторитетом, принимает разные формы. Он очень чутко настроен на то, как к нему отнесутся, боится угрозы возможного критицизма, авторитетного мнения, правил, решений и соглашений и, возможно, больше всего — различных моральных или квазиморальных принципов. Он не чувствует, что вынужден соглашаться с такими принципами, и не вполне им подчиняется. Но он признает авторитет моральных принципов и заставляют себя, например, испытывать чувство долга, чтобы ему подчиниться.

Необходимость поддерживать постоянное ригидное состояние целенаправленной деятельности и давления на себя требует определенного восприятия. А именно восприятия неотложной необходимости или морального требования, стоящего выше, чем собственное желание или выбор. У этого режима ригидного волевого давления — другими словами, режима усилия — нет инстинктивного направления. Обсессивно-компульсивный человек готов выполнить долг, готов применить силу воли, готов работать или, по крайней мере, «попытаться», но чтобы действовать таким образом, он должен дать себе авторитетное указание. Такой человек функционирует как автомат, он принуждает себя выполнять бесконечные задания, выполнять «обязательства». И, с его точки зрения, эти задания просто существуют, а не выбраны им самим.

Один компульсивный пациент уподобил свою жизнь поезду, быстро и своевременно доставляющему важный груз. Но этот поезд может проехать лишь там, где проложены рельсы.

Иными словами, обсессивно-компульсивные люди не чувствуют себя свободными. Фактически, они ощущают свою неловкость в обстоятельствах, которые дают им глоток свободы. Обычно обсессивно-компульсивным людям тяжело в праздники и выходные. Как только исчезают все задания, обязательства и загруженность работой, на которые они жаловались, у них тут же появляются все признаки беспокойства, как будто на них навалилось новая неотложная задача.

Один пациент часто так жаловался насчет выходных: «Я совершенно не представляю, что хочу делать». Он пытался разрешить эту проблему, совершая психологические исследования на себе. Даже из своих снов пациент пытался понять, что «хочет» делать. Он придерживался теории, что для душевного здоровья необходимо делать то, что хочешь.

Давление и приказы, управляющие жизнью обсессивно-компульсивного человека, вне всякого сомнения, для него крайне тяжелы, но они же являются и авторитетными поводами. Они создают структуру, в которой человек может относительно спокойно работать, а за ее пределами ощущает серьезные неудобства. В работе такие люди самым удобным считают наличие своей ниши, в которой они с рвением выполняют задачи, поставленные высшим авторитетом. Выбор у них становится чисто техническим: как лучше всего успеть в срок или как оправдать ожидания. При этом они получают удовлетворение не от свободного выбора, а от исполненного долга, от оправданных ожиданий высшего авторитета, а часто — удовлетворение от невероятно высокой технической виртуозности и изобретательности.

Я уже предположил, что обсессивно-компульсивное квазивнешнее давление, под которым живет человек, лучше всего выражается одним специфическим содержанием мысли, а именно: «Я должен...». Эта мысль заставляет его работать, вести себя определенным образом и даже волноваться (например, «Я должен был...» или «Может быть, нужно...»). Возможно, эта мысль или какая-то ее вариация является неотъемлемой частью обсессивно-компульсивного симптома (например, «я должен мыть руки»), а может быть и неотъемлемой частью другого симптома (например, тика). Какой бы ни была форма, она редко обходится без «я должен». Обычно «должен» относится к моральным принципам, а обсессивно-компульсивные люди находят моральные аспекты в самых дальних и непредсказуемых местах. Но важно отметить, что то же самое может относиться и к другим авторитетам, например, к законам приличия или ожиданиям начальника. Я подчеркиваю этот факт из-за того, что он в несколько ином свете показывает моральные чувства обсессивно-компульсивного человека.

Моральные аспекты чувства «я должен» по-другому можно назвать функцией суперэго. Если мы рассмотрим функцию суперэго в свете предыдущего обсуждения, то откроется существенный факт. Моральное восприятие обсессивно-компульсивного человека, его моральное «я должен», — это лишь одно специфическое содержание (хотя и крайне важное) постоянного ощущения квазивнешнего давления. Таким образом, между ощущением морального давления («Я должен пойти в церковь» или «Или я должен быть к нему добрее») и другими видами давления, например, давлением срока («Нужно закончить, прежде чем...»), находятся различные квазиморальные принципы и обязательства. Они-то и создают обсессивно-компульсивное давление и квази-внешние требования.

При таком субъективном восприятии специфическое моральное содержание или функция суперэго теряет свою отчетливость. Конечно, можно себе представить, что моральное содержание вытекает из более общей формы деятельности, или же такой формой можно признать само суперэго. Но, в любом случае, трудно определить является ли независимой моральная функция, которую мы называем «суперэго». Мы не будем углубляться в эту теоретическую проблему; однако, я хотел бы упомянуть еще об одном качестве обсессивно-компульсивного суперэго, а именно — о «жесткости».

Считается, что обсессивно-компульсивное суперэго является крайне жестким. Но вместе с тем оказывается, что оно неадекватно интегрировано. Несомненно, это положение основано на более или менее постоянном напряжении или беспокойстве,

которого эти люди фактически не могут избежать. И хотя это явление очень хорошо изучено, с современной точки зрения оно выглядит по-иному. Рассматривая природу модели активности и восприятия (одним из аспектов которого является чувство «я должен»), станет ясно, что «жесткость» и «неадекватная интеграция» являются необходимыми условиями функционирования этой системы.

Говоря о жесткости и слабой интеграции, мы имеем в виду, что человек испытывает постоянное давление, которое идет вразрез с его желаниями. Но именно это давление позволяет ему чувствовать, что его ограничивает принуждение, которому он служит. Если давление не будет «жестким», если его может изменить свободный выбор или желание, исчезнет ощущение внешнего принуждения. Поэтому совершенно не удивительно, что обсессивно-компульсивный человек решительно отвергает возможность ослабить «жесткие» требования своего сознания: ведь с его точки зрения такое ослабление приведет не к достижениям, а к потерям. Наоборот, когда он временно освобождается от подобных требований (например, во время отпуска), то немедленно начинает искать новые.

Очевидно, что при таком стиле деятельности все, кроме работы, теряет значение и жестко ограничивается. Некоторые области психологической жизни просто несовместимы с постоянным ригидным состоянием сознательной активности или напряжения. Определенные виды субъективного восприятия, в особенности, аффективное восприятие, требуют отказа от сознательных решений, или хотя бы их ослабления. А когда расслабление невозможно (как при обсессивно-компульсивном стиле), эти области психологической жизни принижаются и теряют свое значение. Отсюда сухая механистичность и мрачная тяжесть, которые часто характеризуют таких людей. Иногда можно наблюдать печальную картину: компульсивный человек прилагает массу сознательных усилий, чтобы добиться нужного настроения, например, веселья, для достижения которого прежде всего нужно расслабиться.

Иногда сдерживание аффекта ошибочно приписывается обсессивно-компульсивному «чрезмерному контролю», благодаря которому якобы можно усилием воли контролировать собственное восприятие аффекта или импульса. Но, конечно же, невозможно контролировать так, как хотелось бы; можно контролировать лишь внешнее проявление аффекта. Но хотя человек не может сдерживать аффект усилием воли, само *существование* напряженной решимости — и дискомфорт от мысли, что решимость может ослабеть — все это *автоматически* сдерживает не только восприятие аффекта, но и прихоти, игривость и вообще спонтанные действия.

Дискомфорт, который чувствуют эти люди, боясь, что искушение ослабит их решимость, их усилия и их целеустремленность, принимает многие формы, часто требующие тщательной рационализации.

Например, один пациент считал, что вовсе не должен смотреть телевизор: вдруг ему понравится, он привыкнет и захочет смотреть его все время, а что в таком случае будет с книгой, которую он пишет?

Как правило, обсессивно-компульсивные люди чувствуют, что любое ослабление решимости или целенаправленных действий неправильно, ненадежно или даже хуже того. Если они не работают, то обычно чувствуют, что должны хотя бы обдумать проблему (или побеспокоиться); мысль, что можно не беспокоиться о том, с чем все равно ничего не поделаешь, кажется им безрассудной. Им не нравятся действия, направленные только на достижение собственного удовольствия, и они не понимают, как можно найти удовлетворение в жизни, если нет постоянной цели и отсутствуют усилия, стремление улучшить карьеру, заработать денег, подписать бумаги и т. д.

Иногда обсессивно-компульсивные люди вместе с тревогой и дискомфортом переживают необычный импульс или искушение, о которых здесь стоит упомянуть. Я говорю о страхе «сойти с ума» или, как иногда говорят, о чувстве «потери контроля», которое возникает у этих людей время от времени. Иногда считается, что такое ощущение отражает реальную опасность психоза, слабую защиту и крайне интенсивное давление примитивного импульса. Хотя, вне всякого сомнения, иногда так оно и бывает, но это верно далеко не во всех случаях. У обсессивно-компульсивных людей этот страх возникает, когда нарушается их обычная ригидная решимость, например, когда они поддаются искушению последовать давно оставленному (но вовсе не агрессивному или примитивному) поведению.

Так, ригидные люди часто испытывают и выражают страх «потери контроля» на сеансах терапии, когда они долго смеются или становятся необычно возбужденными и теряют свое обычное хладнокровие.

Другими словами, когда эти люди ощущают неминуемую «потерю контроля», это не более, чем ослабление волевой решимости, ослабление «воли». И хотя для них это состояние и означает «сойти с ума», оно вовсе не эквивалентно разрушению защитных или иных систем, контролирующих импульсы, как бывает при настоящем психозе.

Еще одно психологическое переживание так же неприятно обсессивно-компульсивному человеку, как и временное подчинение импульсу или прихоти. Я говорю о процессе принятия решений. Из всех обычных жизненных действий это, пожалуй, менее всего подходит данному стилю. Тяжелая работа, индуцируемая извне активность и сила воли ничуть не помогают им принять решение. Иногда трудности и внутренний дискомфорт обсессивно-компульсивных людей при принятии решения объясняются их противоречивостью. Но обсессивных личностей отличают не сами чувства, возникающие перед принятием решения, а то, как идеально они сбалансированны. Фактически легко заметить, что как только обсессивный человек приближается к решению, и баланс начинает склоняться в одну сторону, он тут же находит, чем его уравновесить. Другими словами, обсессивно-компульсивный человек уклоняется от принятия решения. И это не удивительно. Для человека, находящегося под воздействием давления и руководствующегося моральными указаниями, для ригидного солдата, преданного долгу и отказавшегося от собственных потребностей, принятие решения должно быть крайне неприятным. Ведь решение основывается на потребностях, и для его принятия необходимо ощущение свободы и свободного выбора. Но никто не может избежать принятия решений, и очень интересно пронаблюдать ментальные операции, которые в такие моменты выручают обсессивно-компульсивных людей.

Когда у обсессивно-компульсивного человека возникает необходимость принять решение (даже самое тривиальное с обычной точки зрения), он старается отыскать какое-нибудь правило, принцип или внешнее обстоятельство, которое может дать более или менее «правильный» ответ. Иначе говоря, он пытается подогнать процесс принятия решения под свою обычную модель деятельности. Если он находит принцип или внешнее обстоятельство, которое подходит к данной ситуации, то исчезает сама необходимость принятия решения: оно превращается в чисто техническую проблему применения нужного принципа. Например, если он вспомнит, что всегда разумнее пойти на самый дешевый фильм, или «логично» пойти в ближайший кинотеатр, или хорошо пойти на обучающий фильм, проблема становится чисто технической: из всех фильмов нужно просто найти самый обучающий, дешевый и так далее. Пытаясь отыскать такие требования и пришить, он призывает на помощь мораль, «логику», социальные рамки и приличия, правила «нормального» поведения (особенно, если он пациент психиатра) и т.

д. Короче говоря, он пытается понять, что ему «следует» сделать. Иногда, держа в голове один или несколько принципов, он добавляет еще и «за» и «против» (с одной стороны — полезно детям, с другой стороны — дорого, и т. д.), надеясь, что результат этой запутанной процедуры проблему разрешит. Иногда такие «решения» становятся частью повседневной жизни обсессивно-компульсивного человека. Например, он решает надеть именно этот костюм, а не другой, потому что тот более «подходящий». Но большинство решений, особенно выходящих за пределы повседневной рутины, нельзя принимать именно так. Подходящего принципа не находится, или находится несколько принципов, но ни один из них не имеет достаточного преимущества. И такое может случиться и в неординарных условиях, и при самых обычных объективных обстоятельствах.

Не сумев принять решение с помощью формулы или правила, обсессивно-компульсивный человек начинает мучиться. Он будет *бороться* за то, чтобы найти *правильное* решение. Он будет себя изводить, работать над проблемой день и ночь, заставлять себя о ней «думать». Однако мучения обсессивно-компульсивного человека мало похожи на то, как обдумывает факты обычный человек. Обсессивный человек продолжает мучиться даже когда проработаны уже все доступные факты, и из них невозможно извлечь ничего нового. Он будет снова и снова составлять из них всевозможные комбинации. То есть он снова старается разрешить проблему, не выходя за рамки своего стиля. Он пытается вести себя так, будто перед ним просто очень сложная техническая проблема — поиск «правильного» ответа. Но в большинстве случаев такой поиск обречен на неудачу. Невозможно найти ответ, который он называет «правильным», правильным решением технической проблемы. Он уклоняется от непреложного факта, что решение возникает из выбора, из предпочтения.

Легко заметить, что несмотря на то, что обсессивно-компульсивный человек долго взвешивает все «за» и «против», само решение и изменение происходит крайне резко. Несмотря на долгое время, предшествующее решению, само решение весьма неразвито по сравнению с решением обычного человека; оно больше похоже на прыжок. В конце концов он почувствует или скажет что-нибудь вроде «Что за черт!» или «Я должен что-то сделать!» — и схватит ближайший костюм или быстро подпишет контракт. Как только выбор сделан, он начинает рассматривать его как новое указание, не принимая во внимание других доводов и предпочитая чувствовать, что не следует изменять ситуацию дальше. Как только обсессивно-компульсивный человек это чувствует, он тут же с облегчением посвящает себя более привычному делу — выполнению указаний. Снова находится применение силе воли и модели активности. Но для обсессивно-компульсивного человека едва ли существует обмен между решением и новой информацией, поступающей в процессе действия (что является центром деятельности более гибкой личности).

ПОТЕРЯ РЕАЛЬНОСТИ

Иногда обсессивно-компульсивные люди беспокоятся (то есть делают свою изнуряющую ментальную работу) о вещах не только невероятных, но и просто абсурдных. Их тревоги — например, ипохондрические идеи — бывают настолько странными, что граничат с галлюцинациями. Даже допуская, что у обсессивно-компульсивного человека есть все мотивы для беспокойства, все же, если он говорит, что заразился тяжелой болезнью через очень длинную цепочку контактов, разве это не галлюцинация в зачаточном состоянии? Или, когда такой человек только что чисто-начисто вымыл стол, а потом снова ведет себя так, будто стол невероятно грязный, и хочет помыть его еще раз, — разве не следует считать это галлюцинацией? Чтобы

ответить на эти вопросы, надо внимательно рассмотреть тот факт, что обсессивно-компульсивный человек просто ведет себя так, «как будто» он в это верит, потому что оказывается, что в подобные вещи он вовсе не верит. Он не верит, что стол грязный, или что он действительно заразился страшной болезнью, не верит в обычном смысле этого слова. Фактически, при близком изучении выясняется, что он никогда и не говорил, что в это верит. Он никогда не говорит: «У меня рак» или «Я заразился». Обычно он говорит, что мог заразиться или у него мог быть рак, а это существенная разница.

Далее, можно заметить, что интерес обсессивно-компульсивного человека сильно отличается от обычного. Как правило, его более всего интересуют именно «технические детали». Он с тревогой станет рассказывать, что один человек мог коснуться другого, а тот, в свою очередь, мог взяться за дверную ручку, за которую брался и он сам — детали, которые по природе своей не могут разрешить мучающего его вопроса. Его интересуют технические детали, а не истина. То же самое выясняется в связи с одержимостью сомнением. Мы видим, что обсессивные люди сомневаются в отношении очевидных вещей в ситуациях, где нет недостатка информации, который мог бы послужить причиной для обычного сомнения. Если считать, что под истиной и сомнением обсессивно-компульсивный человек и обычный человек подразумевают одно и то же, то придется заключить, что обсессивный человек галлюцинирует. Но это вывод неправильный.

Выше я описал сужение внимания обсессивно-компульсивного человека, погружение в технические детали и отсутствие восприятия сути вещей. Такое познание — возможно, вместе с общим уклоном и сдерживанием импульсивного субъективного переживания — в связи с его страхом перед внешним миром порождает еще одно последствие: отсутствие убежденности.

Если пристально понаблюдать за обсессивно-компульсивными людьми и изучить их идеи и положения, становится ясно, что они не дают однозначного ответа на вопросы типа: «Это правда?» или «Это действительно так?», а просто их избегают. Даже если речь идет о вещах, в которых они по-настоящему не сомневаются, такой вопрос все равно их удивит, и они постараются от него избавиться, ибо он не соответствует их интересам. Они не скажут: «Это правда», а скажут что-нибудь вроде: «Наверное, это так» или «Похоже, так оно и есть».

Например, один компульсивный пациент сказал о девушке, на которой он собирался жениться: «Наверное, я ее люблю. У нее есть все качества, которые я хотел бы видеть в своей жене».

Итак, погружение в технические детали занимает место реакции на реального человека или событие. Восприятие обсессивно-компульсивного человека можно сравнить с восприятием пилота, который летит ночью или в тумане, и у него прекрасно работают все приборы. Он может вести самолет, как если бы все видел ясно, но при этом ничего не воспринимал непосредственно; он воспринимает лишь индикаторы, обозначающие другие вещи.

Это можно проиллюстрировать на примере юриста, который каждое утро выбирал одежду с помощью цветового колеса. Скорее всего, у него не возникало чувства или мысли: «Это хорошо смотрится» или «Это приятно», скорее он думал: «Это подходит, ибо, согласно правилам, это должно хорошо смотреться».

Убежденность — иными словами, ощущение истины — требует широты внимания, заинтересованности в оттенках и пропорциях вещей, способности немедленно на них реагировать, а у обсессивно-компульсивного человека этого нет. Вместо этого он занимается техническими деталями, индикаторами, которые интерпретирует согласно

авторитетным правилам и принципам. Поэтому он не говорит: «Это так», а говорит: «Это подойдет».

Тут появляется парадокс симптоматики обсессивно-компульсивного человека. В связи с наличием убежденности он характеризуется двумя различными симптомами: с одной стороны, сомнением и неуверенностью, а с другой — догматизмом. Психоанализ этот парадокс уже разрешил, продемонстрировав их родство. Догматизм появляется, чтобы побороть сомнение и неуверенность и их компенсировать. Это динамическое объяснение их родства. Я хотел бы добавить предположение о существовании родства формального.

Сущностное родство между догмой и одержимостью сомнением проясняется, если попытаться выяснить, какой черты отношения к фактам обычного человека явно не хватает и в догме, и в сомнении. Я имею в виду, что в восприятии обсессивно-компульсивного человека отсутствует чувство убежденности и заинтересованность в истине. Можно пойти и дальше. И сомнение, и догма, в сущности, основываются на сужении внимания, технически-индикаторном стиле мышления и боязни мира, характерной для обсессивно-компульсивного человека. В случае с догмой это более очевидно. Суженное, ригидное внимание обсессивно-компульсивного человека позволяет ему избежать новой информации; он считает информацию не потенциально интересной, а потенциально отвлекающей. В то же время, узкая заинтересованность в технических индикаторах позволяет догматической личности быть полностью удовлетворенной своими решениями; вернее, очень легко достичь полного удовлетворения. Пока удовлетворяются технические требования, догматичный человек считает, что его идеи «должны быть» верными, и он способен игнорировать не только острые углы, но и факты (как заметит любой другой), противоречащие этим идеям. Это дает основу способности догматической личности (и обсессивно-компульсивной личности в целом) создавать «логические» абсурды. Но та же узкая заинтересованность в технических деталях и индикаторах приводит обсессивного человека к сомнениям. То, что обычному человеку покажется малозначительной деталью по сравнению с целым, может заставить обсессивно-компульсивного человека переменить взгляд на целое.

Иными словами, узкая заинтересованность обсессивно-компульсивного человека в технических деталях и индикаторах не дает ему возможности увидеть истинные пропорции вещей и ощутить настоящую фактуру мира и потому позволяет ему с легкостью удовлетвориться и столь же легко засомневаться. Но имея в виду, что и догма, и сомнения основаны на обсессивно-компульсивной потере убежденности, следует добавить, что в наиболее выраженных формах догма и сомнение также создают дополнительные гарантии против появления убежденности. То есть, эта точка зрения предполагает дополнительное динамическое родство. И догма, и сомнения могут стать защитой от спонтанной убежденности.

Я хотел бы упомянуть об еще одном симптоматическом выражении этого способа мышления и потери чувства истины — об огромном интересе компульсивного человека к ритуалам. Ритуальное поведение прекрасно соотносится с описанием обсессивно-компульсивной активности как механистической, требующей усилий, как бы подчиненной служению внешнему указанию. Ритуальный интерес зависит от узко сфокусированного, индикаторного стиля познания и неразвитого чувства осязаемой реальности. Ритуальное действие, как таковое, кажется крайне абсурдным человеку с развитым чувством реальности и заинтересованностью в истине, вне зависимости от символической глубины его содержания. Обсессивно-компульсивный человек заметил бы, какие динамические силы мотивируют его поведение, будь у него развито чувство

реальности. Но в большей или меньшей степени, он везде видит индикаторы или технические знаки; его жизнь проходит, главным образом, в страхе перед этими знаками и индикаторами. Таким образом, разрыв между симптоматическим ритуальным поведением и явно неритуальным обсессивно-компульсивным поведением не так велик, как казалось вначале. Не поняв общей формы мышления и восприятия, нельзя понять ритуальный интерес обсессивно-компульсивного человека, у которого динамические последствия выражаются по-иному.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wilhelm Reich, *Character Analysis* [1933] (New York: Orgone Institute Press, 1949), p. 199.

¹² Kurt Goldstein and Martin Scheerer, «Abstract and Concrete Behavior: An Experimental Study with Special Tests», *Psychological Monographs*, LII (1941), Whole No.2.

³ Goldstein and Scheerer. Там же, p.5.

⁴ Ernest G. Schachtel, *Metamorphosis* (New York: Basic Books, 1959). См. Chapter 11, «The Development of Focal Attention and the Emergence of Reality», pp.251-

78. ¹¹ Otto Fenichel, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (New York: Norton, 1945), p.530.

ПАРАНОИДНЫЙ СТИЛЬ

Параноидный стиль гораздо более патологичен, по сравнению с любым другим стилем, рассматриваемым в этой книге. Это единственный стиль, включающий в себя психотическую потерю реальности. Нормальная деятельность чрезвычайно искажается и в других аспектах.. Однако было бы ошибочно считать, что все параноидные состояния являются психотическими или близки к ним. Как правило, параноидные модели деятельности, мышления, типы аффективного восприятия и даже специфические ментальные операции, (например проекция) проявляются в разной степени и на них влияют многие тенденции и факторы. Оставив в стороне степень заболевания, параноидных людей можно приблизительно разделить на две категории: скрытные, зажатые, боязливо-подозрительные личности и ригидно-надменные, агрессивно-подозрительные личности с манией величия. Конечно, это две разновидности одного и того же стиля, и между ними нельзя провести *- четкого разграничения. И в той, и в другой категории можно найти людей с разной степенью заболевания: от откровенных галлюцинаций до весьма умеренных искажений характера.

В мою задачу не входит обсуждение всех видов особых параноидных проявлений, поэтому я буду весьма кратко описывать даже самые общие аспекты стиля, например, манию величия. Я также не буду обсуждать разные психиатрические особенности, более или менее присущие содержанию параноидно-шизофренических галлюцинаций. В этой главе мы рассмотрим параноидное состояние, часто называемое «параноидным характером». В сущности, это не душевнобольные люди, хотя некоторые их черты граничат с психозом, и параноидная подозрительность распространяется на разные области жизни. Я в основном имел дело с такими людьми, а не с параноидными шизофрениками, и в любом случае некоторые аспекты стиля распознать существенно легче при отсутствии шизофренических осложнений. Однако я считаю, что общие заключения относительно этого стиля применимы как к людям, находящимся в состоянии психоза, так и к тем, кто не пересек эту границу.

ФОРМАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

Когда мы называем кого-то подозрительным, то обычно имеем в виду, что у этого человека есть определенные идеи, ожидания, необоснованные страхи, например, постоянное ожидание, что его обманут. Другими словами, обычно мы имеем в виду то, что он думает, содержание его мышления, или, говоря на психоаналитическом языке, содержание его проекции. Но «подозрительность», особенно не случайная, а хроническая и привычная, относится и к *способу* мышления и познания. Она требует определенных общих моделей мышления и внимания, формальные качества которых можно описать независимо от их содержания. Например, очевидно, что подозрительное мышление в некоторых аспектах нереалистично. Однако можно заметить, что хотя подозрительное мышление временами нереалистично, иногда оно становится очень точным. Я упомянул это обстоятельство лишь для того, чтобы предположить, что формальный анализ такого материала может выявить интересные факты о параноидном познании и параноидной деятельности в целом.

Формальный анализ помогает по-новому взглянуть и на другой аспект. Рассматривая подозрительность как черту или отношение, мы будем склонны рассматривать ее динамически, как следствие определенного аффективного состояния. Формальный же взгляд на подозрительность выявляет, что она включает в себя стабильные когнитивные модели, откуда следует, что подозрительность начинается с психологического облика и когнитивного развития параноидной личности, и поэтому ее нельзя объяснить только одним аффективным состоянием. Но я не собираюсь разбирать подробно эту проблему.

Прежде всего я хотел бы рассмотреть формальную черту подозрительного мышления, которая считается фундаментальной. Подозрительное мышление крайне ригидно. Объясню, что имеется в виду.

У подозрительного человека всегда на уме что-то есть. Он смотрит на мир с устойчивым предубеждением, постоянно стремясь найти подтверждения своим подозрениям. Уговорить его отбросить подозрения или основанный на них план просто невозможно. Наоборот, он не только не согласится с рациональными аргументами, но и найдет в них нечто, подтверждающее его точку зрения. Любой, кто пытается повлиять на подозрительного человека, если у него не хватает ума вовремя прекратить свои попытки, неизбежно сам становится объектом подозрений.

Рассмотрим следующий пример. Молодой параноидный пациент разговаривает с другом в психиатрической больнице. Пациент планировал переехать в другой город, но после некоторой задержки был уведомлен доктором Р., что там нет подходящих условий. Но из-за задержки пациент уже стал подозревать, что доктор просто не хочет допустить осуществления его плана.

П: ...мне плевать, что никто не хочет, чтобы я куда ехал. Я все равно поеду.

Д: Но это не так. Доктор Р. не пишет, что он *не хочет*, чтобы ты приехал. Он пишет, что тебе негде будет жить.

П: И ты тоже пытаешься меня отговорить!

Дэвид Шапиро НЕВРОТИЧЕСКИЕ СТИЛИ

Д: Я только говорю, что так уж получилось, что тебе там негде будет жить.

П: Конечно! Так я и знал! Ты тоже пытаешься меня остановить! Нет, и не думай. Я уезжаю! Я не останусь в этой западне!

Если рассмотреть аспекты внимания и когнитивные процессы, задействованные в этом разговоре, то кое-что станет ясно. Этот человек не обращает внимания на новые факты, которые касаются его планов с точки зрения логики. Важно отметить, что он их не отрицает. Он просто не обращает на них внимания. Вернее, он обращает внимание, но

делает это не так, как обычные люди. Он смотрит сквозь факты. Он игнорирует *очевидные* факты, вместо этого выискивая только те аспекты, которые могут подтвердить его подозрения.

Обычно подозрительные люди не игнорируют информацию; наоборот, они очень внимательно ее изучают. Но изучают ее с крайним предубеждением, отбрасывая все, что опровергает их предположения и хватаясь за все, что их подтверждает. Более того, фактически они активно и намеренно отбрасывают то, что не подтверждает их предположений. Они делают это принципиально, считая, что все, что противоречит их предположениям, «просто кажется». Они могут сказать, что хотят сорвать маску, разрушить видимость, добраться до скрытой истины. Но легко заметить, что эта самая скрытая истина оказывается как раз тем, что они с самого начала предполагали.

Я хотел бы проанализировать составляющие модели подозрительного познания и мышления. Я попытаюсь показать, что подозрительность характеризуется крайним напряжением и *направленностью* внимания. Те же черты присутствуют и в обсессивно-компульсивном внимании, но у параноиков они выражены намного сильнее. Из ригидной направленности внимания возникают и жуткие неудачи, и блестящие удачи параноидного познания.

Подозрительные люди не просто боятся и «придумывают всякую всячину». На самом деле они пристально наблюдают. Они не только придумывают, но и ищут. А ищут они интенсивно, и внимание у них намного острее нормального. Например, психологи знают, что эти люди могут заметить малейшую асимметрию в чернильных пятнах Роршаха или незначительные детали в апперцептивном тесте ТАТ, не замеченные человеком, который этот тест проводит и который до сих пор считал, что знает эти картинки «наизусть». Таким образом внимание этих людей не только крайне острое и интенсивное, но и необычайно активное. Они не взвешивают и тщательно не изучают материал, как это делают обсессивно-компульсивные личности, а вместо этого занимаются активными поисками. С этим знаком каждый, кто попадал в поле зрения параноидного и подозрительного человека. Его внимания не пройдет мимо обычных вещей и уж, конечно, не ускользнет ничего, хотя бы отчасти связанное с его предубеждением.

Один пациент, боявшийся гипноза, едва войдя в кабинет врача, спросил о книге по гипнотерапии, которую он «случайно заметил» в шкафу, полном книг, находясь в двенадцати футах от опасности.

Чем важно такое внимание? Что в нем такого необычного? Если войти в положение параноидной личности, можно сказать, что такая исключительная интенсивность внимания оказывается всего лишь реакцией на экстраординарные события, то есть на внешнюю угрозу или опасность, но любой человек будет бдительным перед лицом опасности. Фактически даже если признать наличие внешней опасности, не стоит полагать, что любой другой человек отреагировал бы на нее точно так же. Например, истерические личности реагируют на внешнюю опасность совершенно иначе — они расфокусируют свое внимание; они не ищут внешней опасности, а стараются ее не замечать. К тому же, внимание параноидных личностей не интенсифицируется и не фокусируется спонтанно и периодически; оно все время остается таким интенсивным. Для параноиков характерна интенсивность внимания: и когда они изучают незнакомца, и когда решают арифметическую задачу или абстрактный тест на интеллект (где часто набирают максимальное количество очков). Иными словами, такое внимание позволяет проявиться модели познания. Эти люди не просто способны использовать активное, интенсивное, ищущее внимание; в сущности

они не способны ни на что другое. Они всегда внимательно ищут, всегда предельно сконцентрированы. Их внимание никогда не остается пассивным и никогда не блуждает без цели. Именно это я имел в виду, говоря о том, что подозрительное внимание постоянно, ригидно и напряженно направленно. У такого внимания всегда есть цель, оно всегда целенаправленно и *зачем-то* ищет. Можно сказать, что такое внимание находит свою поддержку в ригидном намерении.

С такой моделью познания связаны интересные и важные моменты. Такое ригидно направленное внимание, занятое интенсивными поисками, становится (в своем крайнем проявлении) предубеждением. Я объясню, что имеется в виду. Большинство людей смотрят на мир, имея некоторые представления и идеи, которые направляют их взгляд, и, в свою очередь, эти представления изменяются под влиянием того, что люди видят и, в особенности, того, что они не предполагали увидеть. Другие люди (обычно мы называем их «поддающимися внушению») смотрят на мир без твердых представлений и определенной точки зрения и легко попадают под влияние событий или мнений, с которыми они сталкиваются на жизненном пути. Третьи же смотрят на мир именно с такой ригидной направленностью, установившимся интересом и точкой зрения, что факты на них повлиять не могут; наоборот, они приписывают фактам свои предубеждения.

С одной стороны, параноидный человек интенсивно ищет подтверждения своим предположениям. С другой стороны, ригидные предположения о том, что он обнаружит, позволяют ему игнорировать все противоречащие факты. Таким образом, он обязан «найти» то, что ищет. В этом процессе интеллектуальные способности и острое внимание перестают быть гарантиями реалистического суждения и становятся инструментами предубеждения. Острота внимания позволяет подозрительным людям совершать воистину замечательные ошибки. Когда острое и интенсивное внимание ригидно, его фокус максимально сужается, и тогда постоянным объектом узкофокусированного интенсивного поиска подозрительного человека становится то, что мы обычно называем «ключом». Ключ — это событие (возможно, малозначимое для всех остальных), за которое хватается подозрительный человек, одновременно отмечая все связанные с этим событием окружающие факты.

Пациент чувствует, что его босс «хочет, чтобы он прыгал через обруч», а он этого ни в коем случае не допустит. У пациента было множество фактов, подтверждавших его точку зрения, все вполне достоверные (некоторые из них потребовали острой наблюдательности). Но для других людей эти факты о его боссе не говорили ничего особенного. Верно, что босс требовал, чтобы работа делалась так, как он хочет, а не так, как хочет пациент. Он его торопил, возможно, без особой необходимости. Он был недоволен, что пациент не особенно приветлив по отношению к некоторым клиентам. И, по всей вероятности, все это сопровождалось интонацией и взглядами человека, желавшего проучить независимого юношу. Все это вполне возможно, как это часто бывает с боссами, ведь это часть работы, которую они должны выполнять. Но для пациента это были очевидные ключи к истинным мотивам своего босса: заставить своего подчиненного перед собой пресмыкаться. Кто знает? Возможно, присутствовал и такой мотив. Но все эти ключи проявились в контексте, который пациент игнорировал. Этот контекст менял местами их значимость и мотивы строгого отношения к нему босса. Фактически надо было делать работ)', и босс за это отвечал; а ведь разница между боссом, который агрессивно добивается выполнения работы, и человеком, желающим унижить своего подчиненного, действительно очень велика.

Острое, узкое внимание, ригидно направленное на определенное событие, может в

чем угодно обнаружить такое желание и что угодно подогнать под свои выводы. Таким образом, подозрительный человек может одновременно делать совершенно правильные наблюдения и получать из них совершенно неправильные выводы. Это и есть предубеждение — психологическая противоположность внушаемости. Данная модель познания по-разному проявляется в параноидных симптомах. Она выражается не только в подозрительности, но и в когнитивной основе параноидной догмы, и в утверждении и развитии теорий и идей мании величия. Фактически, этот метод познания мира является основой сущности параноидной потери реальности, и, как я попытаюсь показать дальше, не может отвечать за специфические черты параноидного психотического мышления и спроецированные идеи.

Мне хотелось бы упомянуть еще об одной характеристике подозрительного познания — характеристике, которая придает особый вид общей картине ригидности и интенсивности. Подозрительные люди явно сверхчувствительны и всегда настороже. Эти люди крайне нервно чувствительны ко всему необычному или неожиданному; любое событие, каким бы тривиальным оно не казалось с обычной точки зрения, включает их внимание на полную мощность. Подозрительные люди не просто легко пугаются, услышав, например, шум за дверью. Источник шума немедленно становится объектом подозрительного исследования, или хоть быстрого, но внимательного поиска. Другими словами, постоянная настороженность — это не просто испуг или нервная реакция, а нечто больше. Такие люди хотят держать все в поле зрения, и каждый новый элемент должен быть изучен в соответствии с их подозрительными заботами и интересами.

Фактически все неожиданное, удивительное, необычное не может совместиться с ригидной, подозрительной и даже догматической личностью. Ригидной личности все необычное или неожиданное угрожает уже только потому, что оно необычное или неожиданное, безотносительно к тому, что оно из себя представляет. Такая личность не может позволить себе неуверенность, не говоря уже об открытости или восприимчивости, которая, в определенном смысле, требует и принимает необычное и неожиданное. Ригидная или догматически-компульсивная личность все необычное просто игнорирует; она следует своему мышлению и пропускает все, что находится от него в стороне. Параноидная личность этого сделать не может (позже мы рассмотрим, почему именно). Чтобы избежать неожиданности, параноидный человек просто ее ждет. Из этого и состоит параноидная «сверхнастороженность», и именно здесь существует отличие сверхнастороженности от обычной реакции испуга. Подозрительный человек всегда готов к какой-то неожиданности и первый узнает о ней. И при этом он не просто узнает о неожиданности, а переключает на нее все свое внимание. Он должен ее осмотреть, исследовать и, если возможно, себе подчинить. Иначе говоря, он должен ввести его в свою схему и сделать так, чтобы оно, по меньшей мере, перестало быть неожиданным.

Важно заметить, что это не означает, что подозрительный человек хочет убедиться в безобидности шума за дверью, отмененной встречи или письма, которое пришло либо слишком рано, либо слишком поздно. Наоборот, он может решить, что все это вовсе не безобидно, и чувствовать себя вполне удовлетворенным. Но он не может перенести существования неизученного объекта, наличие объекта, который его не перестает удивлять. Таким образом из природы сверхнастороженности можно сделать очень интересный вывод: подозрительный человек больше всего боится не конкретной опасности, а неожиданности.

Как это влияет на общую картину подозрительного познания? Я считаю, это познание характеризуется не только ригидной направленностью внимания, но и

направленностью, которая поддерживается состоянием крайнего напряжения, напоминая напряженный, вздрагивающий при каждом прикосновении мускул. Здесь имеет место не просто усиление обычной настороженности и не настороженность тренированного солдата или опытного охотника. Она ближе к настороженности солдата или охотника, начавшего уставать: у него усиливается субъективное напряжение но, не понимая этого, он напрягается еще больше. Такой солдат может открыть стрельбу по теням. Таким образом, параноидная сверхнастороженность отражает ригидное внимание, содержащее скрытую слабость и нестабильность, и возникающее отсюда легко возбуждающееся крайнее напряжение.

В общих чертах нетрудно себе представить развитие такой когнитивной модели, даже не имея представления обо всех ее истоках. Я предположил, что интеллектуальную ригидность обсессивно-компульсивного человека можно считать следствием гипертрофии нормального когнитивного развития способности управления вниманием — способности направлять, фокусировать и поддерживать внимание усилием воли, целенаправленно или намеренно. Обычно, во взрослом возрасте, — это способность к концентрации, к сохранению и развитию определенной мысли, к откладыванию сиюминутных дел и фокусировке на том, что требуется для дела и т. д. С этой точки зрения, параноидное подозрительное познание еще больше искажает обычное когнитивное развитие, включая в себя еще более ригидную, крайне напряженную и не вполне стабильную гипертрофию.

ПАРАНОИДНАЯ ПОТЕРЯ РЕАЛЬНОСТИ

Никто не станет отрицать, что параноидный человек искажает реальность или страдает серьезным искажением ее восприятия, но природу этого искажения нельзя назвать столь очевидной. Этих людей характеризует не полное искажение, а искажение определенных видов восприятия реальности. И говоря о серьезном искажении реальности, мы знаем, что это некое искажение — специфическое, поскольку, даже в самой тяжелой форме, оно периодически позволяет человеку воспринимать реальность нормально. Я хотел бы прояснить природу этого искажения и показать, что оно отвечает за определенные черты субъективного мира параноидного человека.

Рассмотрим такой вопрос: какие аспекты жизни скорее всего пропустит подозрительный человек, не способный ослабить свое внимание и просто оглядеться? Я могу предложить пробный, частичный ответ. Он пропустит то, что для обычного человека будет ясной и несомненной ценностью. Подозрительные люди отбрасывают очевидное; в сущности, они считают все внешнее сбивающим со следа, и ищут под ним что-то скрытое.

Так, в процессе психотерапии, подозрительный пациент признал (возможно преувеличивая), что на самом деле он никогда не слушал, что говорит терапевт; вместо этого, он из слов терапевта пытался понять, что же тот «думал на самом деле».

Пациент слушал то же самое, что услышал бы любой другой; возможно, он пропустил значительно меньше сказанных в его присутствии слов, чем обычный человек. Но вопрос не в том, что он слышал, а в том, что он слушал. Вопрос в том, куда были направлены его внимание и интерес. Звукооператор очень внимательно вслушивается в музыку и слышит куда больше, чем средний человек, но, в то же время он музыки не слышит. Как и большинство подозрительных людей, пациент из приведенного выше примера очень внимательно смотрел и слушал, но слушал нечто весьма далекое от объекта, характерного для нормального интереса. Он слушал, чтобы найти подтверждение тому, что по его мнению, собирался сделать терапевт. Возможно,

он заметил необычную фразу или намек на сомнение. Но в то же время сам смысл общения, его явная направленность и очевидная ценность от него полностью ускользали. Другими словами, подозрительный человек общается не для того, чтобы понять что происходит, а чтобы понять, что подразумевается. Как и обсессивно-компульсивный человек, параноик высматривает индикаторы и конструирует из них субъективный мир. Но интерес параноика более узок, и индикаторы привязаны к предубеждениям и подозрениям. Его потеря реальности значительно глубже, чем потеря реальности у обсессивно-компульсивного человека, занятого техническими деталями.

Когда человек теряет интерес ко всему простому и ясному и смотрит лишь на определенные индикаторы и ключи, он теряет не только то, что придает миру его цвет и аромат, но и то, что обычно определяет и модифицирует значение самих индикаторов; он теряет чувство пропорции. Так, фанатичные люди (среди которых широко представлен параноидный стиль), например, фанатичные антививисекторы, видят человеческую жестокость не только в избии лошади, но и в научных экспериментах. Возможно, они правы. Возможно, это действительно признак жестокости. Но эксперимент состоит не только из жестокости. У подозрительных людей такая потеря пропорций принимает крайние формы.

Таким образом полезно рассматривать два аспекта субъективного мира параноидного человека: с одной стороны, предвзятое выхватывание из контекста «важных» ключей, а с другой, — невосприятие контекста, который обычно придает ключу его истинное значение. Оба аспекта: и негативный, и позитивный присутствуют в каждом фрагменте подозрительного искажения реальности. Например, пациент, выискивающий какой-то нюанс в приказе босса, чтобы найти подтверждение своей идеи о том, что босс желает его унижить, и в то же время игнорирующий контекст приказа (ответственность босса за выполнение работы), не может вынести нормального когнитивного суждения, поскольку у него искажено чувство пропорции.

Таким образом конструируется субъективный мир, в котором сами по себе верные факты интерпретируются так, что получают совершенно иное значение. Субъективный мир рождается из смеси внутренних построений и фактов. Параноидный человек по своему интерпретирует картину мира, но в фактических деталях он очень точен. Он накладывает на факты свои предубеждения и интерпретации. Его интересует не видимый мир, а то, что за ним скрыто, и он ищет к этому ключи в видимом мире. Его интересуют скрытые мотивы, тайные цели, особое значение и т. п. Он не спорит с обычными людьми о фактах; он спорит о значении этих фактов.

Отсюда следует кое-что интересное. Например, даже при серьезной форме паранойи люди различают основные моменты нормальной социальной жизни и к ним приспособляются, хотя все интерпретируют в соответствии со своими предубеждениями. Такой человек может прекрасно понимать необходимость уплаты налогов, но при этом считать их частью фантастического правительственного заговора. И он может прекрасно понимать, что лучше свои необычные идеи держать при себе. С субъективной точки зрения, он живет в этом мире, как в чужой стране, жители которой по невежеству мало что понимают и враждебны по отношению к тем, кто понимает, однако с ними необходимо (и вполне возможно) иметь дело. Возможно, так называемые «окукливающие» («encapsulated») расстройства относятся к этому же виду и включают в себя структуры, позволяющие иметь дело с реальностью, которая дает возможность не отвергать факты и жить одновременно в двух мирах.

Искажение реальности может зайти очень далеко — включая серьезную потерю чувства реальности и материального мира и погружение во внутренние интерпретации и

предубеждения — но логические процессы при этом не будут повреждены, как это бывает при шизофрении. Возможно, с этим связано то, что некоторых параноиков (если они неразговорчивы) трудно отличить от среднего человека, даже по тесту Роршаха.' Возможно, это происходит из-за того, что многие параноидные построения выглядят почти убедительно, хотя при этом явно субъективны. Поскольку эти построения безусловно логически сотканы из собственных интерпретаций реальных фактов (например, последних газетных новостей), иногда они выглядят неприглядными и похожими на правду.

Вообще говоря, поскольку при любой степени искажения реальности и интерпретации ключей может сохраняться логический мыслительный процесс, параноидные состояния простираются от не психотических до серьезных психотических случаев. В самом легком варианте это будут слабые подозрения, а в самом тяжелом — не шизофрения, а крайне ригидное, «систематизированное» расстройство, состоящее из интерпретаций определенных ключей, вырванных из реального контекста — так называемых «зернышек реальности» в параноидном расстройстве. Такие случаи «чистой» паранойи крайне редки, хотя, конечно, они существуют. На практике почти всегда в психотическом параноидном состоянии присутствуют и шизофренические элементы. Поэтому крайняя степень параноидного состояния обычно представляет из себя форму шизофрении, хотя мыслительной дезорганизации в ней меньше, чем в других формах шизофрении.

ПРОЕКЦИЯ: НЕКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Мы подошли к наиболее изученной психиатрической области, но я бы хотел начать с определения. «Проекция» означает, что человек приписывает окружающим его людям мотивации, влечения или иные напряжения, которые он не может признать в себе. Этот ментальный механизм является сердцевинной нашего понимания параноидной патологии и симптомов, и психиатрия уже почти определилась, кого называть «параноиком». Однако сам процесс проекции (а не его явные результаты) пока еще не вполне изучен. Остается вопрос, почему данный механизм связан именно с этим типом личности? У этого механизма есть и когнитивные, и некогнитивные аспекты. Сначала мы разберем когнитивные аспекты, а к остальным обратимся после.

Разумеется, проекция присутствует не только у параноидных людей; верно и то, что существует всеобщая тенденция проецировать внутренние напряжения на внешний мир. Один из примеров — всеобщая тенденция к анимистичному восприятию природных явлений, но существует и множество более близких нам примеров. Возможно, отражением этой тенденции следует считать любую эмпатическую ошибку или искажение (например то, как люди «понимают» домашних животных). Возможно, сюда же можно включить тенденцию влюбленного человека наделять объект своей любви незаслуженными характеристиками, а также склонность испуганного человека видеть своих врагов более сильными и могущественными, чем они есть на самом деле. Сам факт, что люди смотрят на мир субъективно, в соответствии со своими интересами, то обстоятельство, что они фантазируют и интерпретируют и в особенности, что люди эмпатичны в своем понимании мира, предполагают множество разновидностей и возможностей «проекции» и значительно снижают уникальность ее феномена. Однако верно и то, что в более узком смысле проекция является фактом параноидного функционирования, и существование общих проективных тенденций этого не объясняет. Не объясняет этого и понимание защитных преимуществ, создаваемых проекцией. Например, можно сказать, что проекция превращает внутреннюю угрозу, созданную

невыносимым приступом, во внешнюю, с которой можно справиться. Но сам факт появления преимуществ, создаваемых этой трансформацией, снова поднимает вопрос: почему этот процесс так характерен для одних людей и совсем не характерен для других?

Я считаю, что рассмотренная нами когнитивная модель и, в особенности, присущая ей потеря реальности, создает основу для когнитивных аспектов проекции. Я не говорю, что эта когнитивная модель является проекцией; это не так. Одной лишь когнитивной модели недостаточно для регулярной и обширной проекции, но она является одной из необходимых составляющих.

Какой когнитивный процесс действует в проекции? В каждой проекции присутствует искажение реальности. Но это особая форма искажения реальности. Так, проекция не означает полного отрицания реальности или ее частичной замены внутренними конструктами; она не означает амнезии, потери памяти или смутной романтизации реальности; внутренние конструкции не «намазаны» поверх реальности; если в процесс не включены шизофренические элементы, не будет и галлюцинаций. Конечно, все это искажения реальности, но они фундаментально отличаются от того, что мы называем проекцией.

Проекция, в отличие от других видов искажения реальности, не включает в себя нарушение познания и отвлечение внимания от внешнего мира. Наоборот, проекция существует в процессе познания и при максимально остром внимании к внешнему миру. Обычно проекция соответствует явной реальности и не включает в себя искажение восприятия. Именно поэтому проекция обычно имеет дело не с явными и очевидными вещами, а с тайными и скрытыми, например, с намерениями других людей, их мотивами, мыслями и чувствами. Проекция всегда содержит предвзятую интерпретацию реальных событий. Эта когнитивная форма (хотя и не только она) отличает проекцию от других форм искажения реальности, например от искажения восприятия и галлюцинаций. Можно сказать, что проективный процесс завершен и проекция существует, когда параноик с напряжением и предвзятым ожиданием находится *vis-a-vis* с внешним миром, обращает внимание на объект и хватается за ключ, который кажется ему подтверждением какого-то мотива или намерения, и тогда его предвзятое ожидание кристаллизуется в предвзятую форму.

«Он меня не одобряет», «Он думает, что я странный», — даже такие простые и, казалось бы, очевидные проекции состоят из основанной на предубеждениях квазиэмпатической интерпретации взгляда, выражения лица, двусмысленной фразы или другого незначительного элемента поведения.

В более сложных проекциях такие искаженные интерпретации могут быть переплетены, чтобы поддерживать основную искаженную интерпретацию. Например, крайне параноидный бизнесмен считал, что его партнеры строят планы, как с ним разделаться, и бежал из своей страны. Все признаки говорили ему о том, что партнеры хотят отлучить его от дела: они без него совещались, обменивались странными взглядами и т. п. Его проективные идеи состояли из фантастических, но собранных вместе квазиэмпатических интерпретаций.

Общеизвестно, что параноик принимает реальность «наполовину», и его проекции — это «компромисс с реальностью». Это наблюдение выражает тот факт, что проекция является когнитивным действием, хотя и искаженным и основанным на предубеждении. Таким образом это наблюдение интересно, только если сравнивать проекцию с галлюцинацией; но оно теряет свой смысл, если проекцию рассматривать как познание, поскольку принимать реальность наполовину — это последнее, что можно ожидать от

познания. Исходя из этой точки зрения, можно заметить, что такой способ познания позволяет (а некоторым людям регулярно позволяет) предубежденно интерпретировать и искажать пропорции, принимать *лишь* половину реальности, а часто, как мы знаем, даже меньше половины.

Таким образом, можно заметить, что человек способен смотреть на объект во внешнем мире, смотреть на *него*, а не куда-то еще, смотреть очень внимательно и сконцентрировано, и тем не менее видеть нечто совершенно нереальное. Именно так проецирует параноидная личность. Свидетельство о наличии ее внимания присутствует не только в ее поведении, но и в самой проекции. Ее когнитивное внимание направлено не только на то, что реально существует, но и на то, что отсутствует, — а это требует объяснений.

Как такое возможно? Когда параноик смотрит на объект, его внимание ригидно, узко сфокусировано на определенном свойстве или аспекте, который дает ему ключ, и его мышление сосредотачивается на значении этого ключа. С самого начала, благодаря предубеждению (подозрению или ожиданию), его интерес и внимание направлены на поиски этого ключа, и как только ключ найден, он интерпретируется соответственно тому же предубеждению. Предубеждение может быть бессознательным, но оно определяет сознательный интерес к тому, что окажется важным, а что нет, и каково будет субъективное значение найденного ключа.

Например, скрытный человек, совершивший в работе небольшую ошибку, будет вглядываться в лицо босса с определенными ожиданиями. Он будет искать признаки неприязни или неодобрения, возможно, сам этого не осознавая. Найдя необходимый признак, он завершает проективное, квазиэмпатическое познание, и неоформившееся предубеждение или ожидание превращается в заключение: «Я ему не нравлюсь».

Таким образом, когда параноидный человек смотрит на внешний объект, он видит только ключ и его значение, и совершенно не важно, сколько раз и насколько пристально он смотрит. Разумеется, иногда таким способом можно обнаружить реальную черту внешнего объекта, совпавшую с проективным ожиданием. Если верно такое понимание когнитивной формы проекции, тогда становится ясно, что оно упростит общую когнитивную модель параноидного человека. Поскольку любая когнитивная модель является интерпретативной, и человек ищет то, что считает важным, отворачиваясь от того, что важным не считает, то предубеждение (в том числе проективное) становится возможным и даже неизбежным. Однако нормальное познание обычно обладает достаточной гибкостью, чтобы корректировать предубеждение. Но ригидное и узко направленное параноидное познание, не доступное коррекции, способно игнорировать очевидное и искать знаки, подтверждающие предубеждение; познание, приносящее потерю ощущения пропорции и очевидной ценности вещей, — такое познание способно произвести самые крайние формы искаженной интерпретации, то есть проекционное искажение.

В проекции внутреннее напряжение трансформируется в напряжение *vis- a-vis* с внешним миром, а затем — в предвзятое отношение к внешнему миру и, наконец, в умозаключение о внешнем мире. Рассмотренные нами моменты объясняют лишь небольшую часть этого процесса, а именно: шаг от предвзятого отношения к умозаключению. Это когнитивный аспект. Но большая часть процесса, трансформация внутреннего напряжения во внешнее и создание предубеждения, не относится к когнитивному процессу. Трансформация напряжения неотделима от характерного параноидного субъективного состояния и общего стиля деятельности

ПРОБЛЕМА АВТОНОМИИ В ПАРАНОИДНОМ СТИЛЕ

Параноидные люди живут в постоянной готовности. Они почти всегда находятся в состоянии полной мобилизации. Напряжение, проявляющееся в этой готовности, а также в интенсивном, ищущем внимании, отражается и на их мускулатуре. Стоит только легко прикоснуться к плечу параноидного человека, и **вы** тут же почувствуете сокращение мышцы: слишком быстрое, чтобы сам человек мог его осознать. У этого состояния мобилизации есть множество клинических форм. Иногда эта мобилизация принимает более агрессивные формы, например, готовность к контратаке; иногда — форму крайней осторожности и напряженного контроля; а иногда превращается в постоянную бдительность.

Мы привыкли думать, что мобилизация параноидного человека, вместе с его особой когнитивной готовностью, служат субъективной цели: необходимости противостоять (спроецированной) внешней угрозе. Но, помимо субъективной цели, у мобилизации есть форма; способ функционирования, включающий в себя и субъективную цель. В некотором роде при формальном изучении не следует быть слишком эмпатичным. Мы собираемся рассматривать не поведение с точки зрения параноика, а понять общий способ деятельности, включив в него, если это возможно, и параноидную точку зрения.

Как исходя из формальных взглядов более адекватно описать состояние параноидной мобилизации? Сначала я попытаюсь описать его в общих терминах. Это состояние крайне ригидной и напряженной направленности характера, отмеченное повышением выраженности качеств, обычно возникающих по желанию: внимания, мышечного контроля и, на другом уровне, целеустремленности. Это психологическое состояние можно назвать «гипернамеренностью», и оно сопровождается хроническим гипертонусом мускулатуры. Одним из аспектов этого состояния является сверхнастороженная, подозрительная модель познания.

Рассмотрим некоторые области параноидного поведения. Я имею в виду поведение, которое обычно называют экспрессивным: жесты, выражение лица, тон голоса, манеру сидеть и тому подобное. Легко можно заметить, что хотя параноик входит в комнату с приветствием и (возможно) с улыбкой, небрежно садится, и даже начинает фамильярно разговаривать, все же это походит на имитацию. И становится ясно, что поведение, которое выглядит экспрессивным, таковым не является. Его поведение не дружелюбно; оно лишь должно выглядеть дружелюбным.

Иногда, когда такое поведение гладкое или, хотя бы, механически ровное (как у многих относительно стабильных параноидных характеров), может возникнуть впечатление, что все, вплоть до силы рукопожатия, совершенно нормально. Такие люди готовы лишь с намеком на колебание действовать случайно, с энтузиазмом, серьезно или так, как по их мнению, требует ситуация. Мы знаем, что целью такого поведения является защита, но рассмотрим и его форму. Те области поведения, которые обычно являются экспрессивными или спонтанными, автоматическими и неосознанными последствиями ощущения или импульса, у параноиков являются целенаправленными, намеренными и подчиненными сознательному контролю. Даже механически ровное поведение отражает не гибкость, а только экстенсивность и эффективность волевого контроля.

Это говорит не только о том, что параноику не хватает спонтанного поведения или что он себя обуздывает, чтобы не раскрыться. Все это, конечно, верно и особенно очевидно на примере одеревеневших и закрытых параноиков, — одного такого пациента долго звали в семье «Палкой» — которые тщательно избегают любых проявлений.

Шафер² связал такой внутренний контроль и сопровождающее его подавление с «состоянием внутренней полиции». Но здесь действует и нечто более общее. Когда сужается одна область функционирования (экспрессивность или спонтанность поведения), расширяется другая область (намеренное или сознательное направление поведения). Параноик не просто наблюдает и обуздывает свое поведение, он его контролирует и направляет; он контролирует свое тело, выражение лица и жесты, как генерал контролирует войска.

Итак, направленность параноидного поведения присутствует и в надменных и презрительных позах высокомерных параноиков, и у более сдержанных лиц. Она наиболее очевидна у параноидных людей, механически действующих спонтанно, безразлично или самоуверенно.

Один такой пациент всегда приветствовал терапевта улыбкой, полной искусственного энтузиазма. Секретарша регулярно наблюдала, как он начинает улыбаться в пустой прихожей, еще не дойдя до двери.

Не только специфическое физическое поведение, такое как жесты, выражение лица, телодвижения и т. п., являются направленными и намеренными. Направленность этого поведения — лишь часть общей направленности действий. Я имею в виду, что у всего, что делает параноик, есть цель. Он не говорит что-то просто потому, что он так подумал или почувствовал. Он никогда ничего не делает по прихоти, импульсивно, просто так. То, что он говорит обдуманно, он говорит с намерением и целью. (Интересно отметить, что он считает, что и другие люди говорят точно так же). Это становится ясным, когда мы замечаем уклончивость параноидных людей, обратив внимание, что, казалось бы, обычный разговор является для них тактической операцией. Мотивом такого поведения может быть самоутверждение или защита, но в любом случае, это поведение продуманное. Параноики стоят позади своего поведения, позади своего тела и лица, никогда не отказываясь от управления.

Таким образом, экспрессивные и спонтанные функции у параноидного человека низводятся до уровня инструментов. Здесь нельзя избежать определенных субъективных последствий. Экспрессивные поведенческие функции (улыбка, разговор, действие), которые для обычного человека являются частью «его самого», для параноидного человека не являются частью «его самого», а находятся у него под контролем. Обычный человек считает, что его тело — это «он сам», а параноидный человек считает тело своим инструментом. Это обстоятельство предполагает еще один результат параноидной мобилизации. Когда управление поведенческими функциями занимает место спонтанности и экспрессивности, восприятие самого себя сводится к жесткому и компактному административному центру.

Спонтанность и экспрессивность поведения — не единственная область свободы, страдающая от ригидной параноидной мобилизации или «состояния внутренней полиции». Само субъективное восприятие, особенно аффективное, зажато в особые рамки и заужено, а определенные аффекты просто сведены на нет. Например, параноики редко смеются. Они могут изображать смех, но они не смеются от всей души, им невесело.

Потерю аффективного восприятия нельзя считать результатом намеренного подавления. Параноик может досконально управлять своим поведением, но не может заставить исчезнуть чувство. Потеря аффективного восприятия является не результатом намерения и управления, а результатом состояния ригидной направленности и нацеленности. Когда происходит мобилизация населения, большая часть нормальной жизни теряется не по приказу. Она теряется, потому что интерес к нормальной

жизнедеятельности несовместим с настроением, энергией и вниманием, которые требуются для мобилизации. Сходный процесс происходит и в психологии параноика. Он следит за собой, ригидно направляя каждый жест и выражение, а при такой мобилизации развлекаться невозможно. А если, на секунду, это станет возможно, подобное чувство будет восприниматься как разрушение. Например, когда такие люди во время психотерапии немного расслабляются и смеются от всего сердца, то сразу чувствуют себя не в своей тарелке и изо всех сил стараются перестать, потому что так не пристало смеяться «взрослому человеку».

Как правило, в сознательном восприятии параноиков отсутствуют пассивные или мягкие аффекты (например, нежность или сентиментальные чувства), и это относится как к скрытным и зажатым людям, так и к высокомерным, с манией величия. Другими словами, нежность и сентиментальные чувства несовместимы как с ригидно-жесткой формой ума, так и с надменной и воинствующей. Как только появятся нежные или сентиментальные чувства, на них смотрят как на слабость.

Если они проявились у самого человека, их стыдятся, а если у кого-то еще — их презирают. У этих людей снижается не только уровень аффекта, но и уровень интересов. Обычно у них отсутствует интерес к развлечениям. Параноидные люди, как правило, не интересуются искусством и эстетикой. Согласно их убеждениям — это тоже слабость. К этому можно добавить еще одну область, хотя это всего лишь впечатление, которое трудно подтвердить. Мне думается, что при общем параноидном режиме ригидной мобилизации сокращается также телесное, чувственное восприятие; например, сексуальность становится механическим процессом, и уменьшается чувственное удовольствие,

Рассматривая это общее сужение интересов, интересно отметить, что параноики часто глубоко *интересуются* механическими вещами, приборами, электронной аппаратурой и тому подобным. Не говоря уже о том, как часто такие приборы появляются в параноидных галлюцинациях. И они не просто интересуются подобными вещами. Параноики часто питают особое, возможно, чрезмерное, уважение к компьютерам, автоматическим схемам и тому подобным механическим устройствам. Их уважение к механическим и электронным приборам находится в контрасте с презрением к людям, особенно к тем, кого они считают слабыми или дефектными, например, к больным или слабым и к женщинам. Может легко создаться впечатление, что они предпочли полностью механизированный мир, где не нашлось бы места для сентиментальной слабости. И тут становится ясно, что мобилизация параноидного человека, ригидная, механическая направленность поведения — это не что-либо чуждое и неприятное, а наоборот, способ деятельности, переплетенный с поддерживающими системами; и если бы к власти пришли параноидные люди, эта система продолжала бы совершенствоваться.

Дальше можно не развивать описание этого аспекта параноидного стиля. Параноидная мобилизация требует радикального сжатия и сужения бессознательных областей нормальной жизни и подчинения поведения ригидному направлению. Это было описание формы деятельности, а каково ее значение? Я попытаюсь показать, что эта форма представляет собой более серьезную форму патологии, чем та, которая существует при обсессивно-компульсивном стиле, и последствиями ее являются не только ригидность, но и избыточный самоконтроль. Я бы хотел выделить еще несколько моментов: во-первых, наиболее характерную тревожность параноидного человека (как со множеством проекций, так и без них) — это вариации тревожности об автономии; и, во-вторых, защитное и антагонистическое отношение к внешнему миру (или, по крайней

мере, некоторые его черты) свойственны этому стилю *даже до проекции*.

У параноидного человека (даже в большей степени, чем у обсессивно-компульсивного) каждый аспект и компонент нормальной автономной деятельности принимает ригидную, искаженную и, как правило, гипертрофированную форму. Так, обычный человек способен управлять вниманием, концентрируясь на определенных мыслях, но он способен и на пассивное внимание, например, когда его впечатляет нечто неожиданное; но внимание параноидного человека целеустремленно и узко направлено на ригидное и фиксированное предубеждение. Обычный человек в состоянии гладко и сознательно контролировать свое тело, но он способен и расслабиться, и получать телесное, чувственное удовольствие. Параноик не просто напряжен, он командует своим телом, как генерал командует войсками. Обычный человек способен к целенаправленным, намеренным действиям, но он может от них и отказаться. Зато параноик полностью мобилизован; все действия имеют свою цель (например, защититься), при этом такая интенсивность этих действий обычно бывает при крайней необходимости. Он ничего не делает для развлечения, по прихоти, просто так, и ничего не бросает. Этот способ деятельности, пронизанный напряжением, конечно же, менее автономный, чем у обычного человека. Наоборот, эта автономия очень хрупкая, ее удается сохранить только в крайне ригидной форме. Если в этом отношении есть какие-то сомнения, следует сравнить не только объективные, но и субъективные последствия достижения автономии обычным человеком и параноиком. Я объясню, что имеется в виду.

Воля или намерение требуют развития соответствующих инструментов (например, мускулатуры) и способности их применять. Действительно, можно сказать, что, но крайней мере, сначала сознательное поведение (возможность быть хозяином самому себе) — это вопрос способности, например мышечной способности напрячься или расслабиться по собственной воле. Но автономная деятельность состоит не только из этого. Быть хозяином самому себе — значит быть и чувствовать себя *свободным* делать то, что хочешь, а также быть *способным* сделать то, что хочешь. Но способность всегда является аспектом автономии, и, возможно, новые способности предшествуют новым уровням сознательной деятельности. В любом случае, среди результатов развития намерения и волевых способностей (если оно было успешным в течении долгого времени) присутствует ощущение компетентности, гордость от достигнутого и основа самоуважения. Но это обычный субъективный продукт автономии, а каким же он будет в параноидном случае? *Обычному человеку автономия приносит ощущение компетентности, гордость и самоуважение, а параноидному человеку - либо высокомерие и псевдокомпетентность, либо зажатость и стыд, либо, чаще всего, и то и другое.*

Фактически для параноиков более характерно чувство стыда, чем, например, чувство вины. Так, они стыдятся, иногда с болезненной навязчивостью, запаха пота, слабых мышц, формы носа, размера гениталий, недостатка «мужественности», неуклюжести и так далее. Хотя это чувство привязано к какой-то внешней черте, можно быть уверенным в том, что оно весьма глубоко и отражает общий недостаток самоуважения. Так, один параноидный пациент особенно стыдился своих «детских рук», но вместе с тем он стыдился и своей общей «слабости»: того, что его ранит мнение других людей и даже, по его словам, своего «отсутствия воли».

Есть и еще одно субъективное отражение нестабильной автономии параноика. Оно известно больше всего. Обычный человек чувствует, что не только способен концентрировать свою волю, но и свободен это делать, свободен управлять своей

жизнью и быть хозяином самому себе, тогда как параноика постоянно беспокоят мысли о внешней угрозе, и он боится, что кто-то подчинит его себе или нарушит его волю.

Развитие намерения или воли для деятельности каждого человека имеет двойное значение. Кроме внутреннего значения, которое я описал, есть еще и важнейшее значение положения человека *vis-a-vis* с окружающими его людьми. Намерение и воля, которые появляются у ребенка, включают в себя и новый интерес к самоопределению, то есть к свободе от внешнего принуждения в его отношениях с внешним миром. Любой родитель этот факт легко подтвердит. Как только ребенок понимает, что может делать что-либо по своей воле, он немедленно захочет сделать это именно так. С появлением намерения и воли (а вернее, их молодых побегов), появляется также интерес к сравнению сил, к подчинению и покорности, к принуждению и свободе. Они обретают смысл, которого не имели прежде. Радикальные перемены в отношениях с внешними авторитетными фигурами легко могут стать самыми заметными объективными проявлениями этой внутренней перемены. Например, ребенок становится упрямым или «капризным», то есть не желающим отбросить свои намерения при наличии внешнего давления или наказания; как только он ощущает внешнее давление, он автоматически ему сопротивляется. Такое проявление упрямства основано не только на развитии инстинктов, но и на свежих ростках намерения, воли и компетенции ребенка. Это детское упрямство мы по праву называем «своеволием»; соперничество с различными внешними персонажами действительно является волевым соперничеством, и со стороны ребенка основывается на новом ощущении воли и компетенции.

Этот двойной аспект всегда сохраняется в личной автономии. С одной стороны, появляется способность и интерес к волевому управлению собой, своими мышцами, например, по контрасту с беспомощностью и пассивностью; с другой стороны, развивается способность управлять собой по собственной воле, независимо от внешних сил и авторитетов. Поскольку и те, и другие интересы и способности основываются на одинаковых психологических состояниях, они могут присутствовать одновременно..

Таким образом, если автономия, намерение или воля стабильны, они ослабляются в двух смыслах этого слова. Обычный человек ослабляет волю не только при спонтанных проявлениях или затем, чтобы что-то отвергнуть; он ослабляет волю и для того, чтобы (при подходящих условиях) прислушаться к мнению окружающих и даже подчиниться их воле. Иными словами, обычный человек может «сдаться». Он может «сдаться» себе, не чувствуя беспокойства, и может «сдаться» другим, не чувствуя себя униженным.

Но когда необходимо поддерживать ригидную самонаправленность, недопустимо «сдаваться» ни себе, ни внешнему давлению. Более того, когда ригидная самонаправленность достигается лишь ценой огромного напряжения и не очень стабильна, можно ожидать не только сопротивления внешним силам или авторитетам, но и острой чувствительности по отношению к ним. Можно сказать, что особой чертой нестабильной автономии является то, что угроза «сдаться» внешнему подчинению и угроза «сдаться» внутреннему давлению (в форме влечений и аффектов) составляют субъективное равновесие, поскольку и то, и другое угрожает одним и тем же психологическим функциям. В любом случае, именно такое, полное предубеждений, защитное и крайне антагонистическое восприятие внешних авторитетов и сил, фактически пронизывает всю субъективную жизнь параноика. Противостояние постоянной ригидной самонаправленности параноика и внешнего мира — это постоянная навязчивая озабоченность защитой своей автономии от внешнего нападения.

Проективные страхи параноиков, психотиков и людей, находящихся в состоянии,

близком к психотическому, регулярно касаются не просто угрозы внешней агрессии, а более специфической внешней угрозы агрессивного уничтожения или подчинения своей воли или намерения.

Как правило, параноики-психотики галлюцинируют, что их контролируют особые сверхъестественные приборы, машины или силы, которыми владеют враги. Например, одна такая пациентка внезапно пришла к убеждению, что ее компаньон пытается ее загипнотизировать, начала звонить, чтобы позвать на помощь, и ее тут же сковал гипнотический (по ее восприятию) паралич, и она не смогла поднять трубку. Как хорошо известно, другие пациенты считают, что даже их мысли контролируются некими приборами.

Иногда проекция включает в себя не только прямое нападение на автономию и подчинение воли силой, но и внутреннюю коррупцию и ослабление воли, например, с помощью особых лекарств. Один пациент считал, что его воля ослабла из-за «вольной жизни» и людей, которые вели такую жизнь у него в университете. Иногда галлюцинирование об ослаблении автономии не включает в себя никаких внешних источников, как в случае с параноидно-шизофреническим пациентом, который считал, что постепенно теряет контроль над мышцами сфинктера и «выпускает» неприятные запахи. Возможно, в этом случае идея о внешнем источнике была разработана позже.

В сущности, можно найти навязчивые идеи на ту же тему и в менее серьезных случаях. Горькая обида человека на то, что он вынужден подчиняться авторитету или власти босса, учителя или офицера: страх быть подчиненным с помощью обмана, например, подписав контракт; а страх, что правила и порядки «принудят» отказаться от свободы действий — эта черта хорошо известна всем, кто знаком с параноиками. Те же тревоги присутствуют и в повседневных склонностях, и в умственном складе параноиков. Как правило, эти люди крайне остро ощущают власть и положение, общественный статус, отличают высших и низших, кто начальник, а кто должен подчиняться, или кто кого может унижать. Многие параноики более или менее постоянно вовлечены (хотя бы субъективно, в воображении) с целью защиты в антагонистические отношения с той или иной авторитетной фигурой.

Иногда они будут себя вести с авторитетными людьми высокомерно, а иногда — испытывать стыд и замыкаться в себе. Но в любом случае в присутствии авторитета они постараются защититься. Неуверенный в себе человек, с шатким самоуважением, со своей субъективной точки зрения, будет относиться к таким авторитетным фигурам с чрезмерным уважением. Этот факт не меняется от того, что под ригидной самонаправленностью скрывается неуверенность в автономии, или же оттого, что недостаток самоуважения маскируется псевдокомпетеностью и высокомерием. Это лишь гарантирует, что уважение таких людей к положению и авторитету не будет уважением дружелюбным, а примет защитную и антагонистическую форму; но при этом оно все же останется уважением. Нетрудно заметить, что и высокомерный параноик, кричащий о тупости босса и пытающийся его принизить, и тот, кто чувствует стыд и зажимается, — оба уважают босса больше, чем себя.

Именно потому даже самые мирные параноики не только осторожно ведут себя перед высшими авторитетами, но и очень тревожатся о том, что о них подумают, и постоянно готовы к отпору. Если кто-либо из высокопоставленных лиц просто обратит внимание на параноика, тот немедленно может ощутить острый стыд или унижение — и все это от общего отсутствия самоуважения. Социальный дискомфорт и самоконтроль множества тихих параноиков, по-видимому, базируется именно на этом — они боятся раскрыться не только перед внешней силой, но и перед высшими авторитетами.

Пытаясь показать, что нестабильная, ригидная автономия всегда, так или иначе, вступает в защитные и антагонистические отношения с внешними силами и личностями, я нарисовал не вполне завершённую картину. На этой картине не хватает проекции, без которой нельзя полностью понять параноидную мобилизацию. Но я хотел продемонстрировать, что определенные аспекты параноидной деятельности имеют психологические источники, не зависящие от проекции. Они не являются следствием проекции и могут даже составлять основу проекции, несмотря на обоюдную зависимость между ними.

Прежде, чем завершить этот раздел, я хотел бы упомянуть еще об одном аспекте, отсутствие которого, возможно, уже отметили некоторые читатели. Это обнаруженное Фрейдом (и общепринятое теперь) значение бессознательных пассивно-гомосексуальных влечений в параноидном функционировании. Честно говоря, здесь мы обсуждаем другую область параноидной деятельности. Связь между паранойей и гомосексуальностью является динамической, паранойя — это защита от гомосексуальности; мы же пытаемся понять общие *формы* параноидного функционирования. Однако следует рассмотреть, не пересекаются ли эти точки зрения. До сих пор, описывая параноидный стиль, я рассматривал искажение нормальной автономии, искажение, подразумевающее ее слабость. Можно ли считать, что источником слабости автономии является требовательный, бессознательный, пассивно-гомосексуальный импульс?

Соблазнительно просто ответить «да», и тем самым немедленно связать наши исследования с клиническими наблюдениями и теорией. И фактически этот ответ будет нетрудно обосновать. Нужно лишь вообразить, что все, что мы с формальной точки зрения называем слабостью или нестабильностью автономии, с мотивационной точки зрения является искушением пассивного подчинения. В описанных мной случаях нет недостатка в искушениях, скрытых под защитными тревогами и навязчивыми идеями: например, страх быть парализованным, замученным и так далее. Возможно, что искушение или импульс пассивного подчинения включает в себя (а у мужчин, скорее всего, это всегда так), пассивно-гомосексуальные импульсы.

Я считаю, что все эти идеи имеют под собой некоторую основу, но здесь проблема гораздо сложнее. Она включает в себя не только слабость автономии и искушение пассивно сдаться, подразумевающее пассивно-гомосексуальные импульсы, но и многое другое. Параноик страшится пассивно сдаться не только пассивно-гомосексуальным импульсам, а любому импульсу, и потерять свою направленность и намерение. Иначе говоря, параноик страшится не только гомосексуальных влечений, а вообще любых влечений, если они ведут к подчинению. Если импульс или даже аффект подразумевает, что нужно отказаться от направленности и намерения, параноик их начинает бояться. Так, часто можно заметить, что параноикам легче говорить о своей гомосексуальности, чем рассмеяться от всей души, потому что смех всегда подразумевает некоторую долю отказа от направленности, а разговор — не обязательно. Нетрудно себе представить психологическую ситуацию, когда гомосексуальная активность субъективно не воспринимается как отказ от направленности или намерения, или представляет меньшую угрозу направленности, чем, скажем, агрессивные импульсы. Фактически хорошо известно, что некоторые параноики имеют сознательные гомосексуальные интересы и даже открыто проявляют гомосексуальную активность. Сейчас я не буду углубляться в эту интересную тему, а вернусь к ней в последней главе, где речь пойдет о родстве между инстинктивными влечениями и стилем деятельности.

"ПРОЕКЦИЯ: НЕКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Психологическая деятельность — это непрерывный процесс, но разбирая какую-то его часть, мы часто вынуждены этой непрерывностью пренебрегать. Я хотел бы задать следующий вопрос. Каковы будут результаты, какой начнется процесс, если описанная выше психологическая организация будет подчинена еще какому-то внутреннему напряжению, например, интенсификации подавленного или неприятного импульса или аффекта?

В общем, ответ прост. Интенсификация внутреннего напряжения усилит существующие способы его контроля, а также другие проявления напряжения и нестабильности. Как правило, если на ригидного человека давит дополнительное внутреннее напряжение, он становится еще более ригидным. А человек, который не только ригиден, но и защищается, станет защищаться еще больше.

Я объясню этот процесс с точки зрения психологии. Характерным признаком человеческой психологии с ригидной и нестабильной автономией является его постоянная защита автономии на двух фронтах одновременно. Он должен защищать ее от внутренней и внешней угрозы. Результатом битвы на одном фронте является ригидность; на другом — защита. Поскольку сражение идет одновременно на двух фронтах, появление внутренней угрозы автономии обязательно усиливает и чувство незащитности перед внешней угрозой, тем самым усиливая не только ригидность, но и защитные механизмы. Эти в общем-то малозаметные факты являются, как мне кажется, центральными в понимании параноидного функционирования в целом и проекции — в частности, поскольку они описывают, как интенсификация внутреннего напряжения сказывается на интенсификации защитного напряжения в противостоянии с внешним миром. Они описывают первый шаг в процессе трансформации внутреннего напряжения во внешнее.

Например, один ригидный и защищающийся человек периодически восхищался своим боссом, хотя в его присутствии был скованным и беспокойным. Он хотел пригласить босса к себе на обед, хотя считал это дерзостью. Едва запланировав приглашение, он ощущает усиление своих обычных защитных тревог: что думает о нем босс и как на это можно возразить. В дни, предшествующие приглашению, он более зажат, более чувствителен, его системы защиты в присутствии босса полностью включены. Внутреннее напряжение породило повышенную защитную чувствительность и напряжение в отношении внешнего субъекта.

Однако для параноика процесс трансформации внутреннего напряжения в интенсификацию защитных механизмов и в повышение чувства незащитности на этом не заканчивается. Усиление защитного напряжения параноика автоматически означает усиление всех механизмов мобилизации и, в частности, когнитивных механизмов. Под влиянием усиленного чувства незащищенности и вновь появившегося защитного напряжения, вся ригидная мобилизованная система деятельности (которая была расстроена внутренним напряжением) теперь вернулась к жизни, получила новую цель защиты и оказалась направленной на новый внешний объект. Теперь человек не просто чувствует себя незащитным и чувствительным к нападению; он оказывается настороже, активно ищет врага, предчувствует и интерпретирует его действия, конструирует образ из ключей, выделенных в интересах его защиты. Короче говоря, теперь он стал подозрительным, и результатом его подозрительности становится проекция.

Далее следует сжатое описание развития проективных идей из чувств, сходных с чувствами из приведенного выше примера, но проявляющихся в более ригидной и параноидной форме.

Очень умный тридцатитрехлетний профессор колледжа, скованный, но весьма

амбициозный, а иногда даже высокомерный, всегда был весьма чувствителен к унижению своего достоинства, когда его «принуждали» что-либо сделать или обращались с ним, по его мнению, как с «ребенком». Он часто брался за новую работу и хотя стыдился в этом признаться, желал произвести впечатление на важного профессора, чтобы стать его протеже, и, возможно, в конце концов его обойти. В любом случае этот авторитет производил на него огромное впечатление, и потому молодой профессор в его присутствии нервничал и беспокоился, что тот о нем подумает. Иногда он боялся, что его сочтут «слабым», а иногда, — что у него чрезмерное самомнение. Он искал признаки обеих реакций.

Интенсификацию защитного напряжения, включая многократно усиленное ощущение уязвимости и беспокойство о защите, по-прежнему можно считать следствиями проекции. Но скоро станет ясно, что это защитное напряжение и усиленное чувство уязвимости постепенно развивает усиление ригидности и нарастающую антагонистическую защитную скованность. Так, тот профессор не только искал признаки недовольства, но все больше их ждал и себя накручивал. Он вспомнил, что старший профессор презрительно отзывался о подхалимах, и стал общаться с ним, как с равным, с подчеркнутым достоинством.

За несколько недель, в течение которых старший профессор явно не обращал на него внимания, защитная скованность развивалась дальше. Он все пристальнее наблюдал за старшим профессором: наблюдал уже не с тревогой, а с подозрением. Он яростно схватился за двусмысленный случай, когда старший профессор проявил к нему неуважение и диктаторские наклонности. Он решил, что не станет «этого терпеть», и в отношениях со старшим профессором стал более защитно-высокомерным. Например, он отказывался от «рабских» должностей. Почувствовав ярость и подозрение, он сразу же стал наблюдать за своим коллегой, как это делают такие люди — как маленький мальчик, играющий в полицейских и бандитов вокруг ничего не подозревающего отца, но только с большей интенсивностью и серьезностью, интерпретируя каждое движение в соответствии с правилами этой игры: «теперь он делает вид, что не замечает меня, готовится к новому выпадку» и так далее. Со своей обозленной, подозрительной, а теперь еще и высокомерно-надменной точки зрения, он обнаружил ключи, показавшие ему, что он был прав; старший профессор посягал на его независимость и хотел его поработить. Он заявил, что теперь решается, «чья воля сильнее».

Активизация параноидной защитной мобилизации под влиянием нового дискомфорта или усиленного чувства уязвимости, предполагает нечто большее, чем простая активизация подозрительного внимания. Это означает полную зажатость в интенсивную узкую направленность, на которую способны такие люди; и в этом режиме, у которого есть новая защитная цель, происходит дальнейшее сужение аффективного восприятия, а восприятие «себя» сужается до командного центра, и таким образом, параноик все больше отстраняется от своих аффектов и импульсов. Оба аспекта защитной зажатости — интенсификация подозрительного внимания, направленная на обнаружение внешнего врага, и происходящая в то же время потеря реальности — явно работают в одном и том же направлении.

Однако скрытое осознание своих чувств и интересов создает якорь для нормального процесса эмпатического воображения. То есть постоянное ощущение своих чувств не позволяет нормальному человеку потерять себя в эмпатических представлениях о чувствах других. Без такого якоря параноик не только способен создать образ врага из ключей, найденных защитным предубеждением, но и смотреть на этот образ как бы с холодной объективностью, вовсе не узнавая в нем себя. Он похож на

пассажира поезда, чье внимание зафиксировано на поезде, стоящем на соседних путях. Он не чувствует движения и не понимает, что движется именно *его* поезд.

Общее понимание проекции, предлагаемое мной, можно выразить с помощью следующей диаграммы:

Интенсификация ригидности

Угрожающее	Интенсификация	Защитная	Проективная
внутреннее •	чувства	мобилизация:	идентификация
напряжение	уязвимости	Активизация	угрозы
	и защитного	Подозрительного	
	Напряжения	внимания и	
		Сужение	
		Аффективного	
		Восприятия	

У этого процесса существует две стадии. На первой подавленный импульс, болезненный аффект или идея угрожают сложившейся ригидной защитной организации, усиливая чувство уязвимости и защитную чувствительность, а при этом автоматически усиливают и ригидность, и защитную мобилизацию. На второй, проективной стадии, параноик (чья ригидность и защитная мобилизация усилились) становится подозрительным и хватается за ключи, подходящие к его защитной цели, находит врага и создает конкретный образ внешней угрозы. Двойными стрелками в последней части диаграммы я попытался обозначить взаимозависимость и связь между состоянием параноидной защитной мобилизации и объектом этой мобилизации, то есть образом, спроецированным на внешний объект. Проективный образ сотворен прежде всего защитным напряжением и закрепощающими защитными процессами. Едва образовавшись, проективный образ продолжает фокусировать напряжение и усиливать защитную мобилизацию. Иногда этот процесс происходит постепенно, параллельно с кристаллизацией проективной идеи, как в приведенном выше примере: сначала появляются общие наброски, а затем, как только параноик нападает на след, они заполняются деталями и логическими связями.

Едва начавшись, такой процесс самостоятельно прогрессирует, и это вполне понятно. Это процесс субъективного облегчения. В конце концов он не только превращает внутреннее напряжение во внешнее, но и трансформирует напряжение, пагубное для сжатой, ригидно направленной психологической системы, в напряжение, находящее для этой системы новый объект.

Мне кажется, что эта концепция проясняет определенные клинические черты проекции. Например, в проективных идеях всегда присутствует аспект отношения к проецирующему. Поясню, что имею в виду. Хотя иногда проекцию описывают как процесс «выбрасывания» ментального содержания, из практики мы знаем, что такое описание неадекватно. На практике ментальное содержание не просто «выбрасывается» или приписывается внешнему объекту. Процесс проекции включает в себя не только

направление от субъекта к внешнему объекту, но и, в субъективном восприятии, направление от объекта к субъекту, как правило, в форме угрозы или антагонистической силы. У нас нет причин считать этот аспект вторичным или случайным. Иными словами, наблюдения говорят о том, что внутреннее напряжение не «выбрасывается», а трансформируется в напряженное противостояние с внешним миром. Таким образом в динамических отношениях между субъектом и объектом — например, между преследуемым и преследователем — всегда присутствует проективное восприятие, проявляющееся в содержании проективной идеи.

Почему это так? С нашей точки зрения, ответ содержится в самой природе проекции. Тот факт, что проективные идеи имеют отношение к субъекту, просто отражает их психологическую историю и функцию. Прежде всего, он отражает то, что эти идеи базируются на превращении внутреннего напряжения в защитное напряжение. Процесс проекции обязан своим существованием первоначальной защитной чувствительности и отношениям с внешним миром, которые он продолжает и аутично развивает, растворяя в этом процессе внутреннее напряжение. Исходя из этой точки зрения, мы должны сказать, что термин «отношение к субъекту» описывает лишь одно из двух направлений защитных отношений между субъектом и внешним объектом; например, мы считаем, что даже у «отношения к субъекту» в случае с галлюцинациями о преследовании психологические истоки находятся в ригидной, нестабильной автономии.

Мы подошли к более общей проблеме проекции и проективного содержания и, как мне кажется, к некоторым выводам. Проблема состоит вот в чем. Есть два общепринятых определения параноидной проекции, которые используются и в психиатрии, и в психоанализе. Согласно первому определению, проекция — это приписывание внешнему объекту своих собственных объективных мотивов, аффектов или идей. Это определение базируется на идее о «выбрасывании» ментального содержания. Согласно второму определению, проекция — это замещение внутреннего напряжения или угрозы внешним. Таким образом первое определение утверждает, что проецируется содержание или идея внутреннего напряжения, а второе утверждает, что проецируются угроза или напряжение, и при этом происходит замещение. Используются оба определения, поскольку признано, что они эквивалентны и приводят к одинаковым выводам. Считается, что восприятие внешней угрозы следует просто из приписывания внешнему объекту содержания внутреннего напряжения. Однако на практике это не подтверждается, и эти определения не являются эквивалентными.

Во-первых, приписывание внешнему субъекту своего ментального содержания вовсе не означает, что результатом будет замещение и восприятие внешней угрозы. Почему вообще это должно произойти? Можно представить, что внешней фигуре приписаны собственные объективные характеристики или мотивы — например, он гомосексуалист, он агрессивен и т. п. — эти характеристики будут считаться объективными и, таким образом, будут вытеснены. Но мы этого не наблюдаем. Наоборот, мы видим, что при параноидной проекции внешний объект проекции становится явным источником агрессивной угрозы, активно направленной на субъекта.

И наоборот, если внешний объект наделяется качествами, благодаря которым он становится замещением первоначальной внутренней угрозы, у нас нет никаких причин утверждать *a priori*, что эти качества совпадут с содержанием первоначального внутреннего напряжения. Когда мы смотрим на цену какого-то товара в чужой стране, то при этом совершенно не предполагаем, что количество песо или марок будет равно количеству долларов. Мы понимаем, что это другая система, другой денежный язык, и, чтобы понять, дорогая ли это вещь, мы должны перевести цену в свою систему. Иначе

мы не поймем, сколько она стоит.

С нашей точки зрения (которая, как мне кажется, основывается на фактах), в проекции всегда переносятся и находят свое внешнее выражение напряжение и угроза; таким образом достигается замещение, но при этом содержание напряжения или угрозы не обязательно воспроизводится в объекте проекции. Однако если содержание проекции, приписываемое внешнему объекту, не совпадает с содержанием первоначального внутреннего напряжения, то из чего же оно состоит и чем определяется? С нашей точки зрения, внутреннее напряжение принимает внешнюю форму, трансформировавшись сначала в защитное напряжение, а затем — в проективную перестройку. Таким образом, содержание проекции будет определяться содержанием защитного напряжения. Вернее, это содержание будет приписано внешнему объекту в процессе интерпретации ключей, отобранных в соответствии с защитными ожиданиями, возникающими в состоянии защитного напряжения. Верно, что в определенных случаях проективное содержание будет идентично содержанию внутреннего напряжения; но так бывает далеко не всегда и нельзя считать это правилом.

Я хотел бы привести небольшую иллюстрацию. Сначала приведу пример легкой формы проекции, которая весьма распространена и содержание которой идентично содержанию породившего его напряжения.

Весьма компетентный и уважаемый человек, не убежденный, однако, в собственной компетенции и беспокоящийся о своем профессиональном уровне и статусе в фирме, допустил ошибку в своей работе. У этой ошибки не было никаких последствий, исправить ее было легко, и вряд ли ее заметил хотя бы кто-нибудь еще. Однако в течение нескольких дней он размышлял над тем, как обнаружится ошибка и какое за этим последует унижение. Когда мимо проходил босс, он «заметил» раздраженный взгляд и решил, что босс думает: «Этот человек — слабое звено в нашей организации».

Как правило, экстернализация критической самооценки (включая проекции, называемые обычно «проекциями суперэго») очень буквально и точно воспроизводят содержание и даже язык первоначального внутреннего напряжения. На то есть своя причина, связанная с природой начального напряжения и его местом в психологической организации. В этих случаях тот факт, что содержанием напряжения является самокритика, означает, что напряжение с самого начала выступало в квазивнешней форме, и субъективное отношение к самокритике (например к «голосу» совести) еще до проекции было квази-защитным. Вследствие этого защитная трансформация внутреннего напряжения, усиление защитного напряжения и проективное построение замещающей внешней угрозы происходят очень быстро и просто. Нужно лишь приписать внешнему субъекту слова квазивнешнего «внутреннего голоса».

В следующем примере показано, как тот же процесс экстернализации напряжения и угрозы завершается лишь благодаря радикальному изменению содержания.

Несколько мужеподобная женщина двадцати с лишним лет, пациентка открытого психиатрического санатория, постоянно боялась «поддаться» власти авторитета или принуждению. Она бдительно охраняла свободу решений и свободу передвижения (в том числе, буквально охраняла ключи от машины). Поэтому она держалась на расстоянии от всех программ санатория и от персонала, а в некоторых случаях даже находилась с ними в состоянии холодной войны.

Однако в определенных ситуациях она явно чувствовала искушение ослабить свою настороженность, признать, что ей нравятся некоторые программы, пересмотреть свои планы покинуть это место и даже сделать для терапевта что-нибудь хорошее. За такими случаями следовало резкое усиление защитных тревог, выразившихся в проективном

«понимании», что ее хотят «держать» в санатории, промыть ей мозги и каким-то образом заставить ее «сдаться». За этими идеями, в свою очередь, следовали дикие, мятежные действия.

Таким образом, в этом случае подавленные пассивные искушения усиливали защитные тревоги и чувство уязвимости перед лицом внешнего принуждения и вели к проективному созданию внешней угрозы.¹ Спроецированная внешняя угроза уничтожения автономии, замещающая первоначальную внутреннюю угрозу поддаться искушению и ослабить строгую самонаправленность, обязательно должна иметь другое содержание.

Я думаю, что говорю согласно духу (если не букве) психоаналитической концепции проекции, утверждая, что проекция достигает внешнего замещения или психологического эквивалента внутреннему напряжению или угрозе, и при этом не обязательно воспроизводит во внешнем объекте идею или содержание этой угрозы. Нужно отметить, что в реальной практике прекрасно известно, что проективное содержание не обязательно дублирует содержание начального внутреннего напряжения. Можно, например, вообразить, что проективная идея о том, что тебя держат в плену, буквально отражает подавленное желание держать в плену. Психоаналитические определения проекций разных внутренних напряжений всегда принимали в расчет некую трансформацию содержания. Однако мне кажется, что из-за теоретической путаницы не принимался в расчет тот факт, что изменение содержания свойственно самому процессу проекции, присуще экстернализации *напряжения* и, таким образом, не требует дополнительных ментальных операций.

Этот случай иллюстрирует еще один аспект сущности проективного содержания. Я имею в виду особенно очевидную в этом примере связь между природой защитной ориентации человека и содержанием его проективных идей.

Итак, пациентка была особенно чувствительна к любому посягательству на свободу физического передвижения. Важность этого аспекта автономии подтверждалась не только тем, что она говорила, но и тем, как она ценила свою машину, с каким удовлетворением она на ней ездила. Возможно, это подтверждало и ее атлетическое, мальчишеское телосложение. Когда пациентка в состоянии особого напряжения создает проективную внешнюю угрозу, это оказывается угрозой «оказаться в плену».

Я попробую прояснить свою мысль. Если процесс проекции зависит от усиления защитного напряжения и активизации защитных психологических механизмов, из этого следует, что специфическое содержание проекции зависит от двух аспектов: во-первых, от специфики начального внутреннего напряжения, а во-вторых, от особенностей защитных тревог, склонностей и ориентации личности. Проекция замещает внутреннюю угрозу внешней, но разные параноики по-разному конструируют внешнюю угрозу. Субъективное определение внешней угрозы, ее составляющие и ее модель зависят от природы защитных отношений, которые человек поддерживает с внешним миром. Для любого внутреннего напряжения эта природа также определяет особый вид подозрительных ожиданий, а через него — и содержание проекции. Так, в присутствии внушительной авторитетной фигуры один человек с легкой формой паранойи (всегда озабоченный тем, как он выглядит в глазах авторитетных людей) ждал унижительных замечаний; другой, более скрытный и конфликтный, сосредоточивался на себе и ждал, что его в чем-нибудь уличат; *еще* один, с крайне ригидным защитным достоинством, амбициозный и высокомерный, становился еще более высокомерным и готовым к схватке, проективно увидев в глазах собеседника желание поставить его на место. Каждый из них испытывает усиление чувства уязвимости и защитного напряжения,

защитно сжимается перед лицом внешнего авторитета и проективно идентифицирует конкретную внешнюю угрозу соответственно объекту, перед которым он чувствует свою уязвимость, и откуда (с точки зрения его защитной ориентации) могла бы исходить такая угроза.

Я хотел бы привести еще несколько примеров. Один параноидный пациент, довольно хрупкий молодой человек, постоянно был чрезвычайно застенчивым и многие годы страдал от крайне острого чувства стыда и самоконтроля. Он считал всех лучше себя и смотрел на них снизу вверх, ожидая критической оценки. Исходя из этой защитной точки зрения, он, находясь в состоянии декомпенсации, галлюцинировал, что другие пациенты в санатории относятся к нему с неприязнью, считают его гомосексуалистом, что от него плохо пахнет, и из-за этого люди его «сторонятся».

Другой случай. Высокомерный и своевольный молодой человек в состоянии декомпенсации также был обеспокоен гомосексуальностью и пытался относиться к другим пациентам в санатории с пренебрежительным высокомерием. Он ощущал свою уязвимость, но будучи высокомерным, чувствовал одновременно презрение и раздражение, как лев, которого беспокоят гиены. Он холодно заметил, что несколько этих «испорченных мальчишек» явно пытались его «спровоцировать» и «лучше бы им быть поосторожнее».

В рамках этой книги невозможно в полной мере показать бесчисленные варианты защитной ориентации параноиков. Они различаются и по уровню защитной тревожности (от обеспокоенности внешней критикой до беспокойства по поводу внешней силы или принуждения), и по различным видам защитной ориентации (от скрытности до высокомерия). Несомненно можно классифицировать и другие различия. Но моя задача состояла лишь в том, чтобы изложить общий принцип: варианты защитной ориентации отражаются в соответствующих вариантах содержания проекции.

До сих пор мы рассматривали проекцию как частый и нестабильный процесс, восстанавливающий относительную стабильность ригидной защитной системы, когда она становится уязвимой и ей грозит опасность со стороны искушений, импульсов и самокритичных сомнений. Но мы с легкостью можем заключить, что специфические напряжения, выступающие в качестве источников конкретных проекций, постоянно усиливают угрозу внутреннего напряжения. Фактически у нас есть все причины полагать (например, исходя из общего сюжета воображаемых производных), что ригидные, защищающиеся люди действуют под постоянным давлением немодулированных импульсов и аффектов. На фоне постоянной угрозы внутреннего напряжения усиливаются чувства уязвимости и защитного напряжения; легко понять, что более-менее постоянно возникают и проекции. Мы знаем, что на практике в параноидных состояниях и особенно у так называемых параноидных личностей, проекция ни в коем случае не является случайным явлением, а представляет собой постоянный, продолжительный процесс.

Не подлежит сомнению, что в определенных аспектах процесс проекции кажется бессознательным. Защитное напряжение повышается, подозрительность растет, конструируется внешняя угроза, с которой легче справиться, и процесс подходит к своему естественному концу. Обычно мы видим проекцию именно в такой форме. Мы замечаем, как из состояния напряжения возникают специфические проективные идеи, а затем, если состояние не ухудшается, мы часто наблюдаем, как они пропадают, например, когда объект проекции исчезает из поля зрения человека.

Однако мы знаем, что, во-первых, часто бывает по-другому, а, во-вторых, что это вовсе не конец. Случается так, что иногда особые проективные идеи становятся более

или менее постоянной частью психологии личности. Некоторые из так называемых «окукливающих» галлюцинаций могут послужить тому яркими примерами. Есть и другие, менее шокирующие способы, посредством которых проективные идеи и навязчивые мысли становятся более или менее постоянными. Например, они могут внедряться в социальное сознание, в образы целых групп, классов людей или их социальных организаций. Несомненно множество параноидных характеров можно обнаружить среди приверженцев политических и квазиполитических движений, фанатичных охотников на ведьм, занятых защитой нашей страны от тех, кто «отравляет нашу воду», загрязняет расовую чистоту, подрывает «волю народа к сопротивлению» и т. д.. Кроме того, мы знаем, что если проекция исчезает, когда меняется сцена действия, то скорее всего это исчезновение лишь временное, и вскоре на новой работе или в новом городе начнут развиваться весьма похожие идеи. Среди параноиков очень часто встречается преемственность проекций, которые исчезают и немедленно заменяются новыми, — так же, как личности с обсессивным характером отбрасывают одно беспокойство, чтобы тут же ухватиться за другое. Некоторые люди проводят жизнь в постоянных битвах с боссами и в мелочных, подозрительных спорах с соседями, с другими пациентами больницы или с больничными служащими.

Однако такие постоянные, всеохватывающие проективные отношения характерны вовсе не для всех параноидных характеров и даже не для большинства из них. У большинства параноиков лишь время от времени вспыхивают проективные идеи и усиливается защитная мобилизация; но в периоды между этими вспышками полной демобилизации не наступает, а лишь несколько снижается уровень защитного напряжения и проекции. Как правило, такие люди характеризуются постоянной настороженностью и бдительностью. Другими словами, это состояние скорее всего общее для всех параноидных характеров, действительно является состоянием постоянной проекции. Но у этого вида проекции есть свои специфические черты, о которых следует сказать еще несколько слов.

Когда мы говорим о том, что человек все время насторожен, то подразумеваем, что он предпринимает некие меры предосторожности, всегда готов встретиться с угрозой или постоянно осознает ее возможность. Таким образом, настороженный человек не обязательно считает, что угроза существует именно в данный момент, но он верит, что нужно всегда быть к ней готовым, даже если не видно никаких ее признаков. Это перестанет казаться странным, если мы примем в расчет предубеждение, вызванное субъективными человеческими восприятиями. С точки зрения человеческой уязвимости, возможность угрозы и возможность ее отсутствия не являются равными. Возможность опасности — это веская причина для тревоги, а возможность ее отсутствия — не причина для того, чтобы расслабляться. Такого человека не удовлетворяют двусмысленности и даже явная невиновность. Наоборот, именно определенность угрозы приносит облегчение, а явное ее отсутствие лишь требует постоянной к ней готовности.

Итак, настороженный человек живет в постоянном состоянии проективного осознания, но при этом не обязательно присутствует максимально интенсивная проекция. Цель настороженности не отличается (разве что по степени) от цели подозрительного или проективного внимания. Их цель состоит не в избегании угрозы, а в избегании *уязвимости* — перед лицом опасности нельзя быть пассивным, нельзя, чтобы она застала врасплох. Но если в регулярной проекции, где давление защитного напряжения более велико, этой цели неизбежно сопутствует позитивная определенность угрозы, то в настороженности ей сопутствует постоянное осознание возможности угрозы. Из этого следует, что для большинства параноидных характеров состояние

настороженности представляет собой постоянную основу для защитного напряжения и проективного восприятия. Усиление защитной мобилизации и явное проективное создание внешней угрозы могут мгновенно подняться над этой основой, и это происходит при любом усилении внутреннего напряжения или при раздражающем внешнем событии, при любом намеке на реальную внешнюю угрозу. Но они не могут спуститься под это основание, разве что на миг, и при этом немедленно появляется ощущение дискомфорта и уязвимости. Если случай не тяжелый, то возможность угрозы не обязательно постоянно находится в фокусе осознания. Но эта возможность из сознания никогда не исчезает полностью, никогда не полностью забывается, и настороженный человек никогда не может полностью расслабиться.

Если же возможность опасности покидает внимание настороженного человека (а это на короткие моменты случается даже у самых настороженных параноиков), то с поразительной быстротой возникают неприятные мысли, например, мелкие сигналы уязвимости. И такие люди вовремя вспоминают, что улыбаться не стоит, или, что купить галстук, как у босса, — значит по-детски обезьянничать, а сразу соглашаться — признак подхалимства. С помощью таких идей восстанавливается состояние настороженности и предотвращается появление ощущения уязвимости.

Соотношение между параноидным и обсессивно-компульсивным стилями

В предисловии я предположил, что изучение общих стилей деятельности может пролить свет на связь между определенными патологическими состояниями, которые достаточно различаются между собой при обычном психиатрическом описании, но ассоциируются эмпирически. Параноидное и обсессивно-компульсивное состояния являются наиболее ярким примером такой ассоциации. Например, хорошо известно, что предболезненный фон параноидной декомпенсации часто оказывается обсессивно-компульсивного и, особенно часто, обсессивного характера. Еще более веским подтверждением родства между этими стилями является существование пограничных психотических состояний, иногда называемое нред(параноидными) шизофреническими состояниями, в которых переплетаются черты одержимости и паранойи. Здесь трудно определить, является ли дотошная интеллектуализация (наиболее очевидная черта такого состояния) обсессивной или параноидной.

Сами по себе диагностические ярлыки не имеют большого значения; интерес представляет сходство форм, проявляющееся в таких переходных состояниях. Это родство не отмечено в названиях, которые мы даем характерным защитным механизмам, чертам или симптомам, но на мой взгляд, это родство безошибочно подтверждается даже кратким изучением формальных качеств. Такое изучение подтверждает не только сходство этих стилей, но и то, что между ними есть близкое и несомненное родство, и каждый формальный аспект одного стиля имеет соответствующий родственный аспект в другом стиле.

Каждый из этих двух стилей характеризуется ригидной и напряженной гипертрофией нормальных функций и субъективного восприятия автономии. Типичное проявление каждого из них включает в себя специфическую самонаправленность; каждый не поддается влиянию и отмечен специфическим своеволием и жесткой целенаправленностью; однако, вместе с тем, каждый из них живет в обществе внешнего или квази-внешнего, высшего и/или угрожающего голоса. Из этих двух стилей параноидный оказывается (во всех своих проявлениях) более экстремальным, менее стабильным, более напряженным и антагонистическим, более открыто занятым инстинктивным конфликтом и, короче говоря, более психологически примитивным.

Таким образом, я считаю, что с формальной точки зрения, параноидный стиль можно рассматривать как более примитивную трансформацию (в математическом смысле) обсессивно-компульсивного стиля. Очень хорошо понимая все ограничения такой характеристики, я надеюсь, что она добавит что-то к известным фактам и поможет понять, при каких условиях происходят изменения, приводящие к серьезной декомпенсации обсессивно-компульсивного человека и, вполне возможно, к паранойе.

"ПРИМЕЧАНИЯ

См. Roy Schafer, *Clinical Interpretation of Psychological Tests* (New York: International Universities Press, 1948). Roy Schafer, *Psychoanalytic Rorschach Interpretation* (New York: Grune and Straton, 1954). Интересно отметить, что параноидное состояние женщин также ассоциируется с несомненными гомосексуальными тенденциями. Но очевидно, что вытесняются не гомосексуальные, то есть мужские склонности, а как и в случае с мужчинами, вытесняется пассивное женское искушение сдаться.

ИСТЕРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Современное понимание природы различных неврозов в большинстве случаев соотносится с пониманием природы защитных механизмов, более или менее специфических для каждого невроза. С этой точки зрения картина истерического невроза относительно понятна. Это было первое невротическое состояние, которое изучал Фрейд, и из всех неврозов истерия больше других связана с определенным защитным механизмом, а именно — с вытеснением. В других же неврозах присутствует целая совокупность защитных механизмов, например, в обсессивно-компульсивной патологии — вытеснение, ответная реакция, изоляция аффекта и прекращение действия.

Механизм вытеснения обладает уникальной для защитного механизма простотой и ясностью. Это объясняется тем, что он сохраняет элементарную структуру. Таким образом, механизм вытеснения и его значение для истерической патологии вполне ясны и несомненно реальны.

Но все же можно усомниться, может ли специфический защитный механизм вытеснения объяснить форму истерических симптомов и черт, не говоря уже о типичных склонностях и методах адаптации, связанных с этими чертами и симптомами. А даже если это возможно, как объяснить, что этот защитный механизм характерен именно для определенных людей? Мы должны найти матрицу, общую модель деятельности, из которой *наряду с другими* истерическими чертами может возникнуть процесс вытеснения.

"ВЫТЕСНЕНИЕ И ИСТЕРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПОЗНАНИЯ

Я не случайно выбрал в качестве отправной точки модель познания; она непосредственно связана с природой вытеснения. Анна Фрейд определила вытеснение как «отторжение или сокрытие идеи аффекта сознательным эго»'. Но наиболее знакомое нам вытеснение — это забывание, то есть сознание теряет не аффект, а *мысленное* содержание, которое было понято, но не смогло занять место среди сознательных воспоминаний или воспоминаний, доступных сознанию. Таким образом, вытеснение особенно сильно связано с процессом и моделью познания. Иными словами, очень похоже, что качества памяти и забывчивость изначально тесно связаны с познанием и вниманием.

До сих пор я не рассматривал качества функции памяти, соответствующие разным стилям деятельности, но некоторые из них хорошо известны. Например, у людей с

обсессивно-компульсивным характером «хорошая» техническая память и память на факты. В этом отношении их память превосходит «обычную». Так, довольно часто обсессивно-компульсивные личности, проходя психотерапию, вспоминают свое детство в мельчайших подробностях. «Объективная» память обсессивно-компульсивных людей, переполненная техническими деталями, еще раз подтверждает, что содержание воспоминаний зависит от природы познания, а стиль воспоминаний соответствует его общему стилю: то есть, в данном случае, — узко сфокусированному, техническому взгляду на жизнь.

Я считаю, что между воспоминаниями и начальным познанием существует двойная связь. Во-первых, начальное познание организует когнитивную информацию и создает материал, из которого возникает воспоминание. Конечно же, воспоминание не тождественно начальному познанию, а ограничено им². В случае обсессивно-компульсивной личности материал для воспоминаний создается технической информацией и организацией начального познания. Но едва ли можно себе вообразить, что процесс восстановления в памяти определенных событий (организация и сбор воспоминаний, а также привлечение к ним внимания) не связан со стилем начального когнитивного процесса. Вероятнее всего, что один и тот же стиль деятельности внимания имеет место и в начальном познании, и в воспоминании³.

Очевидно, что подробное, до мельчайших деталей, техническое познание и узко сфокусированное внимание обсессивно-компульсивного человека приводят к «хорошей» памяти и, по-моему, *не вызывают вытеснения находящегося в памяти содержания*. Можно ли предположить, что метод познания истерических личностей приводит к забыванию и вытеснению? Я попытаюсь показать, что природа истерического мышления создает основу для забывания и делает его фактически неизбежным. Сейчас мы рассмотрим некоторые свойства истерического познания и мышления.

Если попросить истерическую личность что-нибудь описать, то ответ будет примерно таким: «Ой, он такой большой!» или «Она такая замечательная!» или «Я его так ненавижу!» Особенности таких ответов станут еще яснее, если сравнить их с техническими, детализированными ответами обсессивной личности. То есть, если истерическому человеку задать вопрос, то в ответ получишь не факты, а впечатления. Часто они очень живые и интересные, но все же остаются только впечатлениями — они не детализированы, у них нет четкого определения и, конечно же, они не техничны.

Например, однажды, выясняя историю болезни крайне истерической пациентки⁴, я многократно пытался получить от нее описание ее отца. Однако она вряд ли понимала, какая информация меня интересует, и лишь отвечала: «Мой отец? Он был, как ураган! Вот и все — просто, как ураган!»

Я считаю, что истерическое познание глобально, рассеяно, и ему не достает концентрации, особенно концентрации на подробностях. Короче говоря, оно *импрессионистическое*. В отличие от активного, интенсивного, узко сфокусированного внимания обсессивно-компульсивного человека, у истерического познания явно ослаблена фокусировка внимания: компульсивный человек активно и долго ищет детали, а истерик очень восприимчив и немедленно реагирует на текущие впечатления.

ЭТО ОЧЕВИДНО И В ТЕСТЕ РОРШАХА.

Там, где компульсивный человек тщательно выделяет анатомические черты, истерик бросает быстрый взгляд и восклицает: «Оно в крови!» Там, где (например, в комплексной и яркой десятой карточке) компульсивный человек перечислит родственные черты между различными растениями или морскими животными, истерик

скажет: «Прекрасный банкет!» или «Это Париж!.. как на французских картинках». Даже посмотрев на карточку с очевидным изображением (например на «летучую мышь» на первой карточке), компульсивный человек скажет: «...это чем-то похожее на распростертые крылья, а вот это напоминает ноги и голову... конечно, вот это похоже на усы, хотя они неправильные, но в целом эта картинка больше всего напоминает летучую мышь», а истерик просто глянет на карточку и скажет: «О! Большая летучая мышь! Уберите ее!»

В тесте Роршаха есть техническая процедура, особенно интересная для изучения связи между воспоминанием и начальным познанием. Эта процедура называется «inquiry»: после получения первых ответов тестирующий спрашивает пациента о разных деталях его ответов, не показывая карточек. В данном случае ответы обсессивно-компульсивных людей и истериков различаются столь же значительно, как и их начальные ответы. Как правило, обсессивно-компульсивные личности дают фактические, технические ответы. А истерические личности, несмотря на то, что обычно они не забывают своих ответов, часто не в состоянии четко ответить на вопросы типа: «Чем оно похоже на летучую мышь?» Иногда они на секунду задумываются и отвечают: «Ну, я не знаю... просто *мышь как мышь*». Иногда они даже не чувствуют и не понимают вопроса, но не потому, что им не хватает умственных способностей, а потому, что для ответа требуется техническая информация, которую они не понимают или не владеют. Они говорят: «Что вы имеете в виду? Это просто летучая мышь. Вот и все». Безусловно, можно сказать, что такие ответы отражают тот факт, что истерики не способны к технической интроспекции; но впечатлительность и немедленная реакция позволяет предположить, что начальное познание не включает в себя не только интроспекцию, но и техническую информацию, необходимую для ответов на подобные вопросы.

Вряд ли можно приписать защитному механизму вытеснения нехватку фактических деталей и четких определений. Это не вытеснение специфических идей или эмоций из сознания, и оно может быть вовсе не связано с содержанием мышления. Это *форма* познания, хотя, несомненно, вследствие этой формы происходит помутнение — и даже отсутствие — ясного мысленного *содержания*.

Я хотел бы отметить и другие проявления и последствия этого стиля познания, которые мы обсудим позже. Это типичные истерические черты. Но я хотел бы показать, что они являются аспектами общей когнитивной модели. Первый аспект — это истерическая неспособность к длительной или интенсивной умственной концентрации; отсюда следует второй аспект — отвлеченность внимания и впечатлительность; третий — это нереальный мир, в котором живет истерическая личность.

Сначала рассмотрим неспособность к умственной концентрации. Когда истерическая женщина проходит психологический тест, где требуется решить математическую задачу, она смотрит на нее, словно надеясь, ИТО на нее снизойдет ответ, и в конце концов отвечает наугад. Таким образом психологические тесты позволяют "ам обнаружить неспособность к интенсивной концентрации, даже когда в остальных пунктах теста проявляется высокий уровень умственных способностей. Очень часто в тесте на умственные способности истерические пациенты не могут объяснить, каким образом они получили ответ, даже если этот ответ правильный. Ясно, что в этих случаях ответ получают не благодаря концентрации на фактах и опираясь на принципы, которые можно было бы объяснить позже, а «интуитивно».

У каждого есть интуиция, пассивное и впечатлительное «вдохновение», — хотя у компульсивных и параноидных людей оно проявляется крайне редко. Но большинство знает, что интуитивные предчувствия часто ошибочны или неполны. Для нормального

человека — это часть мышления: интуитивные предчувствия могут быть полезны, если их внимательно проверить, а потом использовать или отбросить. Но для истерической личности интуитивное предчувствие или впечатление является окончательным когнитивным продуктом сознания. Легко заметить, что истерикам недостает интеллектуального любопытства, и очевидно, что интеллектуальное любопытство не поддерживает этот стиль познания. Впечатлительный стиль (познание, состоящее из интуиции и быстрых, относительно пассивных впечатлений) останавливается на очевидном, на том, что видно с первого взгляда.

Второе проявление этого стиля познания — впечатлительность. Мы знаем, что истерики легко внушаемы, то есть на них действует чужое мнение, давление реальных или воображаемых внешних требований, причуды, предрассудки, возбуждение и т. п. Но нетрудно заметить, что истерическая впечатлительность простирается несколько дальше. Эта модель познания или тип осознания характеризуется отсутствием активного, узко сфокусированного внимания или неспособностью к активной концентрации. Поэтому любые мимолетные, случайные впечатления оказывают на историков огромное влияние.

Я упоминал о том, что впечатлительное познание несовместимо с любопытством и останавливается на том, что видно с первого взгляда. Точно таким же образом огромное влияние оказывает все живое, неожиданное или настойчиво предлагаемое. Другими словами, истерическим вниманием очень легко овладеть. Итак, мы видим, что такие люди не только легко поддаются внушению, но и легко отвлекаются. Их мысли (в отличие от мыслей обсессивно-компульсивных людей) легко прерываются случайными впечатлениями. Их очень легко удивить. Если представить когнитивный аспект в виде карикатуры Билли Бурка на истеричную женщину и забыть про аффекты (смущение, внезапное хихиканье и тому подобное), то получим картину отвлеченности и несобранности мышления и выражения мыслей.

Третий аспект, который я хотел бы здесь упомянуть, является, скорее, следствием, а не прямым проявлением истерической модели познания. Попросту говоря, истерикам часто не хватает знаний. Я имею в виду, что им не хватает ясного фактического знания. Речь идет не только о хорошо известной наивности таких людей в области сексуальности или в других областях, связанных с высоким эмоциональным напряжением. Им не хватает знаний и во вполне эмоционально нейтральных областях. Иными словами, это общий дефицит знаний, не привязанный к определенному содержанию и не являющийся результатом вытеснения.

С помощью психологического теста эту склонность можно выявить, используя нейтральный материал (например, словарный запас и общую информацию), и сравнить уровень знаний с уровнем других аспектов умственных способностей. Общий дефицит фактической информации может служить индикатором истерии; у историков он проявляется регулярно. Как же может быть иначе? Этот вид познания не накапливает факты; он накапливает впечатления (например, впечатление пациентки, что ее отец был, как «ураган»). Эти впечатления замещают друг друга, переплетаются в памяти, а в дальнейшем, теряются отчетливость и фактические подробности. Кроме того, эта когнитивная модель не может создать постоянных интеллектуальных интересов или интенсивного любопытства. Опыт показывает, что истерики редко встречаются среди ученых, и мы можем предположить, что они часто встречаются среди людей, которые читают в газетах одни заголовки. Фактический мир истерической личности очень истощен. В следующей части мы увидим, что романтика и фантазия замещают в субъективном мире истерической личности факты и знание.

Я отметил эти три черты (относительное отсутствие активной концентрации,

влияние мимолетных впечатлений, и относительно нереальный субъективный мир истерика), чтобы прояснить картину истерического мышления и познания и обозначить форму деятельности, породившую и специфический механизм вытеснения, и другие известные истерические характеристики. В этом стиле вытеснение может найти облегчение двумя способами. Во-первых, начальное познание логически не связано с другими фактами, например, с именами, датами, местами и т. д., — оно основано на впечатлениях (например, «Ой! Какой он замечательный!»), и старые впечатления легко замещаются новыми или перемешиваются с ними. Во-вторых, неспособность к узкой концентрации и впечатлительная природа когнитивного стиля приводят к отсутствию ясных, фактических воспоминаний. Таким образом, оба обстоятельства действуют в одном направлении.

Я не хочу сказать, что эти обстоятельства сами по себе *можно считать* вытеснением; я лишь имею в виду, что этот стиль деятельности и в особенности, познания, создает благоприятную почву для явления, которое мы называем «вытеснением». Едва ли при таком стиле деятельности можно ясно и подробно вспомнить что-либо, связанное с высоким эмоциональным накалом. В случае же обсессивно-компульсивного человека вытесняется аффективное содержание.

В рамках этого когнитивного стиля становится понятной и поразительная наивность истериков: они не видят вещей, очевидных всем остальным. Не концентрироваться на неприятном факте очень легко при общем отсутствии узкофокусированного внимания. Иногда, работая с истерической пациенткой, замечаешь намеки на неприятные факты, которыми пропитана ее речь, и трудно поверить, что сама пациентка их не замечает. Однако очень часто дело обстоит именно так — содержание мышления остается на периферии внимания — таковы особенности этого стиля.

ИСТЕРИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ И ФАНТАЗИИ

Как уже отмечалось, истерическая личность замещает объективный мир романтическим и сентиментальным. Однако неверно считать, что истерики полностью погружены в романтические фантазии. Фактически часто оказывается, что их фантазии не являются очень развитыми. Говоря об истерическом романтизме, мы имеем в виду не время, проводимое в романтических мечтаниях, а скорее романтическую склонность, пронизывающую ежедневные мысли и суждения.

Как мы знаем, истерические личности склонны к мысли, что придет-Прекрасный-Принц-и-тогда-все-будет-хорошо, они ностальгически идеализируют фигуры из прошлого и сентиментально смотрят на настоящее. Ностальгические и идеализированные воспоминания (вне зависимости от их специфического содержания) основаны на впечатлительности, которую я описал выше. Как правило, в таких воспоминаниях не хватает фактических деталей, и создается впечатление, что объективные факты или детали все испортят.

То же самое качество присутствует и в истерической идеализации партнера или объекта романтической любви; истерические личности с легкостью не замечают очевидных недостатков, что является важным аспектом романтической любви. Тут следует добавить, что с такой же легкостью они чувствуют полное отвращение, так же совершенно не замечая множества деталей. В истерически-романтическом взгляде на жизнь есть и свои злодеи, и свои герои. Истерическая пациентка, мгновенно идеализирующая встреченного мужчину, скорее всего столь же быстро почувствует отвращение к кому-то другому (например, к человеку с физическим уродством или

непривлекательному) и ужас по отношению к третьему. Романтическая склонность не привязана к определенному содержанию, хотя одни содержания подходят ей лучше, чем другие. В романтизме отсутствуют сложные или противоречивые фигуры или воспоминания, являющиеся признаками реальной жизни.

Если задать себе вопрос, какие содержания или стороны жизни будут доминировать в ментальной жизни впечатлительной личности, то ответ будет такой: живые, яркие, эмоционально напряженные и эмоционально провоцирующие аспекты. Именно такие стороны замечает истерическая личность, и именно они составляют содержание романтических мыслей. Каждый человек в жизни что-то ищет: компульсивный человек ищет техническую информацию, параноик, еще более интенсивно, ищет ключи, а другие люди, — и среди них истерики, — ничего не ищут, а просто что-то сваливается им на голову, и они видят в жизни поражающие их живые и яркие вещи. И потому простые фактические детали, менее яркие аспекты, противоречия и сухие нейтральные стороны жизни для истериков остаются незамеченными. Субъективный мир у них яркий и захватывающий, но ему не хватает плотности и фактов.

Например, истерическая пациентка смотрит на кабинет терапевта, как на таинственное место, где обитают темные силы, потому что впервые переступив порог, она оказалась под впечатлением двустворчатых дверей, тишины и больших кожаных кресел. Лишь несколько месяцев спустя, она начинает замечать в комнате другие, более привычные предметы: картины на стене, ковер и т. п., — все, что лишало комнату таинственности.

Я хотел бы рассмотреть еще одну истерическую черту, тесно связанную с романтической склонностью. Это театральность или актерство, которое часто ярко выражено в истерическом поведении. В связи с актерством истериков мы обычно думаем только об их эмоциональности, но такое поведение отличается не только эмоциональностью. Это скорее преувеличенная и неубедительная эмоциональность (например, когда истерик рассказывает фальшиво- драматическим голосом, делая выразительные жесты, про «боль и муки», которые причиняет ему его подруга). Но хотя театральность и драматические преувеличения у истерических личностей встречаются сплошь и рядом, они не выглядят неискренними. Иными словами, они не преувеличивают и не драматизируют свои чувства сознательно, чтобы добиться конкретной цели или произвести какой-то особый эффект. Фактически они не осознают, что играют. Если после особо впечатляющей театральной сцены намекнуть истерику, что чувства, которые он пытается изобразить, не очень-то убедительны или что он сам, возможно, не вполне верит в то, что говорит, то скорее всего он не разозлится от того, что сцена не удалась, а искренне удивится, растеряется и смутится. Способность истериков действовать неестественно и этого не замечать — поразительна и отражает природу их отношений с реальностью. Я попытаюсь это объяснить.

Похоже, что романтическое, мечтательное, нереальное и неплотное восприятие мира истериком распространяется и на него самого. Он не ощущает себя материальным существом с фактологической историей. Часто он вообще не осознает своей истории, а если и осознает, она ему видится ему в форме романа, населенного впечатляющими романтическими или идеализированными персонажами. Он и сам чувствует себя персонажем этого романа, Золушкой или героическим и отважным Дон Жуаном. Наблюдая за истерической театральностью, часто создается впечатление, что человека «уносит» его собственная игра, и по-моему, в этом есть доля истины. Он не укоренен в своем фактическом существовании и своей истории, в твердых убеждениях и в

ощущении реального, объективного мира. Вместо этого его действительно «уносят» немедленные реакции, и внимание захватывают живые впечатления, романтические провокации, смена его собственного настроения и образы его фантазий. Его «отключает» неглубокое, но присутствующее чувство.

Часто, когда я слушал истерическую пациентку, и она оживленно говорила, перескакивая с одной темы на другую, — то о своем разочаровании, то о забавном случае, то о восхитительном человеке, с которым она только что познакомилась, — у меня (и, думаю, у других терапевтов тоже) создавалось впечатление, что я понятия не имею, что же она чувствует, или какое у нее «в действительности» настроение. Несколько раз я говорил пациентке об этом впечатлении и получал в ответ интересное подтверждение. Она очень радостно отвечала буквально следующее: «Я не знаю, что я *на самом деле* чувствую». Но такие пациентки, наверное, имеют в виду что-то такое: «Я не знаю, на что я *похожа*». Они чувствуют себя невесомыми и парящими⁵, это их то привлекает, то отталкивает, их захватывает сначала одно, потом другое. У них нет чувства собственной плотности и целенаправленности, позволяющей сопротивляться впечатляющим, но мимолетным влияниям. Эмоциональное поведение или идеи истерической личности не коренятся в настоящем, глубоком интересе, в долгой истории или в постоянной цели. Позже мы еще вернемся к этому вопросу.

Еще один аспект отношения истерической личности к реальности можно описать в терминах детской игры, в которой можно проиграть или выиграть что-либо ценное. Дети говорят: «Давайте играть «по-настоящему»», или: «Давайте играть «понарошку»». Это разделение не имеет ничего общего с правилами игры или деятельности и потому не влияет на поведение и не заметно со стороны. Вопрос только в том, будут ли *результаты* игры иметь материальные последствия, и какие чувства в отношении игры испытывает человек. «По-настоящему» означает, что игра считается серьезным делом. Если внимательно понаблюдать за истерическими людьми, можно заметить, что для них может «не считаться» серьезным то, что остальные люди считают весьма серьезным событием. Эта черта субъективного истерического восприятия безусловно связана с впечатлительным, нереальным и мечтательным субъективным миром, но она заслуживает особого внимания.

Эта склонность становится явной, когда истерик удивляется какому-либо событию, являющемуся следствием его собственных действий или событий, о которых он прекрасно знал; это событие мог бы предсказать любой другой человек.

Пациентка средних лет, вышла замуж за человека, моложе себя на много лет. Она начинает замечать, что муж проявляет явные признаки возрастающего недовольства браком. Чтобы его успокоить, она предлагает ему пройти психотерапию. Он соглашается, но вскоре после этого заявляет, что хочет развестись. Она потрясена.

Другая истерическая пациентка (ей под тридцать) не чувствует энтузиазма, когда ее сестра (про которую пациентка знает, что она много пьет и не отличается целомудрием) спрашивает, нельзя ли ненадолго переехать к ней. Несколько лет назад сестра соблазнила мужа пациентки, и это послужило причиной развода. Хотя пациентка понимает, что «при определенных условиях» история может повториться, но не считает, эту «возможность реальной» и соглашается на просьбу сестры. Однако то же самое происходит и с ее новым мужем, пациентка об этом узнает — после того, как об этом узнали все вокруг — и страшно удивляется. Она говорит: «Знаете... я действительно думала о такой возможности... у меня появлялась эта мысль... но я никогда не думала, что так действительно случится».

У третьей пациентки, тридцатилетней женщины, периодически случаются

припадки истерической ярости, направленные, главным образом, на ее мужа. Она поразилась, когда муж ей однажды сказал, что не может больше этого выносить. «Он действительно имел это в виду», — с изумлением говорит она и добавляет: «Но ведь я же вовсе не имела в виду того, что ему говорила».

Если бы эти люди настойчиво и серьезно задали себе определенные вопросы, то скорее всего, получили бы верные ответы, то есть предугадали бы развитие событий, или хотя бы поняли, что возможность такого развития событий очень вероятна. Но они не задавали себе этих вопросов настойчиво и всерьез. Разумеется, у них могли быть мотивы избегания ответов, но чтобы исказить реальность, недостаточно только одного мотива. Это стало возможно лишь благодаря их рассеянному, впечатлительному мировоззрению — отсутствию острого взгляда на простые жесткие факты, и именно потому им удалось избежать этих серьезных вопросов.

У других людей, включая нормальных, в жизни тоже случается что-нибудь подобное. Удивляясь такому повороту событий, они говорят: «Теперь я это понимаю, но раньше я просто не думал, что это действительно может случиться». То же самое бывает и с пациентами, находящимися в состоянии легкой истерии — если терапевт резко фокусирует их внимание, сперва они удивляются, а через несколько секунд комментируют: «Но я всегда это знал». И для истерической личности — это основное правило. Реальные факты и реальные последствия этих фактов они видят лишь очень смутно, периферийным зрением; они рассеяны до тех пор, пока события или люди настойчиво им не скажут: «Смотри!»

Чувство, что происходящее на самом деле не считается, или, вернее, отсутствие чувства, что происходящее действительно считается, наиболее заметно, когда события ему решительно противоречат. Однако это чувство постоянно присутствует и является аспектом многих типичных истерических склонностей. Например, иногда оно проявляется в игнорировании фактов, говорящих о денежных затруднениях. У более импульсивных истериков, поглощенных страстным романом, именно это чувство составляет основу ощущения, что «все неважно, кроме нас двоих». Возможно, это одна из причин, из-за которых старость застаёт этих людей врасплох. Это чувство составляет часть истерической незрелости и наивной невинности многих истериков. Оно же присутствует в культурной незрелости женщин, которая теперь встречается лишь в определенных слоях среди южанок. Это чувство родственно истерической наивности, но отличается от фактуальной наивности, которая тоже присутствует у истериков. Это скорее отношение к реальности, а не ее игнорирование. Поэтому мы должны не приписывать это чувство тенденциям вытеснения, а соотнести и то, и другое с общим методом познания и субъективным восприятием.

У этого отношения к реальности есть одно интересное проявление, хорошо известное в психиатрии. Часто отмечалось, что истерики способны относиться к своим симптомам с удивительным безразличием (например, к конверсионным симптомам), *la belle indifférence*, как говорили во времена описательной психиатрии. Теперь это выражение можно услышать редко: возможно, потому, что в наше время нечасто встречаются драматические конверсионные симптомы. Но безразличное отношение (или, ощущение, что это на самом деле не считается) все еще можно встретить.

ИСТЕРИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ

В истерической эмоциональности существует интересный парадокс. Если правда, что фантазия пронизывает ментальную жизнь истерика, а чувство нематериальности и неопределенности характеризует и его восприятие внешнего мира, и его самовосприятие,

то как же у него складываются такие живые, интенсивные эмоции? Можно предположить, что интенсивная эмоциональная жизнь, сильные чувства лучше всего гарантируют живое и интенсивное самоощущение, но в этом случае получается иной результат. Об этом парадоксе неплохо вспомнить, когда мы будем подробнее разбирать истерическую эмоциональность. Я хотел бы начать с ее крайнего проявления — с истерического эмоционального взрыва.

Часто истерические взрывы становятся основной жалобой и приводят истериков на терапию, хотя чаще всего недоволен не пациент, а его родственники, которые являются потерпевшими от истерического взрыва. Легко заметить, что, кроме коротких периодов раскаяния после каждого эпизода пациента этот симптом не беспокоит. Вероятно, чаще всего — это взрывы ярости, но они могут смешиваться с ощущениями депрессии.

У одной типичной пациентки, двадцатилетней женщины, такие взрывы случались часто после того, как она куда-нибудь отправлялась со своим женихом. Как правило, начало вечера проходило мирно, но в машине, по пути домой, она начинала (с напряжением, но все еще себя контролируя) критиковать поведение жениха: например, этим вечером он был к ней недостаточно внимателен. После она всегда признавала, что выбирала самый тривиальный повод для раздражения. Как бы там ни было, через несколько минут ее жених либо пытался защититься, либо извиниться за свое поведение. Ее ярость разгоралась, она начинала его обвинять, кричать и швырять все, что попадалось под руку. Взрыв вскоре превращался в обиду и полностью прекращался лишь тогда, когда она, все еще обиженная, покидала жениха.

Во время этих взрывов, вне зависимости от повода, содержание ее обвинений было приблизительно одинаково. Она просто обвиняла его так, чтобы, как ей казалось, больнее всего его ранить. Так, она обвиняла его в эгоизме, нечувствительности и язвительности и т.п.. Однако я снова хотел бы обсудить не специфическое содержание эмоциональных взрывов, которое у разных пациентов и в разных ситуациях разное, а общую форму.

Я уже высказывал предположение, что безразличие истерической личности к симптомам в какой-то степени проявляется и в ее отношении к этим эмоциональным взрывам. Я хотел бы вернуться к этому факту и рассмотреть его повнимательнее, поскольку реакция, следующая после симптома, и ретроспективное отношение к нему мне кажутся его частью, которую необходимо понимать. Если истерическое безразличие и отвержение конверсионных симптомов заслуживают внимания, то реакция на эмоциональные взрывы заслуживает его еще больше. В конце концов, конверсионные симптомы остаются загадочным и эфемерным явлением. В случае же собственных чувств и реакций, к тому же таких живых, эту отстраненность понять гораздо труднее. Однако я считаю, что наблюдения подтверждают тот факт, что истерики относятся к своим эмоциональным взрывам так же, как они относятся к конверсионным симптомам: то есть не считают содержание взрывов своими настоящими чувствами, а воспринимают их, как нечто их посетившее или скорее прошедшее сквозь них.

Пациентка из приведенного мной последнего примера говорила о своих взрывах так, что, если бы не подробности, можно было бы подумать, что она не присутствовала в той ситуации. Один или два дня были наполнены сожалением и раскаянием, но этот период быстро проходил, и даже в раскаянии проскальзывали намеки на отстраненность, которая со временем становилась все сильнее. Даже в первые несколько дней, когда она со слезами вспоминала об этом эпизоде и была искренне обеспокоена чувствами своего жениха, то говорила о своем взрыве так — а эта черта очень важная — словно он не имел ничего общего с ее чувствами. Тут важно не только то, что эта весьма умная женщина не

догадывалась, что чувства, так интенсивно проявившиеся несколько дней назад, не могут сейчас совсем отсутствовать. Более того, она явно не считала, что вообще чувствует по отношению к жениху то, что у нее вырвалось в момент взрыва, и в действительности не чувствовала этого даже в тот момент. Наоборот: и в период раскаяния, и позже она говорила об этом, как о таинственном припадке, полностью подчинившем ее себе; короче говоря, она этого не чувствовала. «Но я так не считаю», — говорила она с удивлением, и ее удивление не выглядело наигранным. И при этом добавляла, что и тогда так не считала. Совсем наоборот, говорила пациентка, она любит и уважает своего жениха. И говорила это очень искренне и убедительно.

Иногда пациентки соотносят свои взрывы или, как они их называют, припадки, с менструальными периодами, но эта женщина с неохотой отказалась от этой теории, и то не до конца, несмотря на то, что даты не совпадали. Другая пациентка со схожими симптомами, читала книги по психоанализу и таким образом была посвящена в таинство психоанализа; после того, как все теории в отношении ее взрывов отпали, она стала искать разгадку в своей истории и в «бессознательном». «Почему? Почему? Я говорю то, что вовсе не имею в виду. Я не знаю, почему... Возможно из-за брата — я всегда чувствовала, что он меня отвергает. Но я не помню, чтобы я на него злилась. Возможно, мне было больно, но...»

Здесь очень легко пойти по ложному следу; этот поиск «причины» эмоциональных взрывов в детстве или бессознательном — не просто поиск инсайта. Это подтверждение убежденности пациентки, что такие взрывы не выражают ее чувств, а являются чуждой силой («бессознательным»), которая овладевает ей. Это безусловно защитное заявление. Фактически пациентка хочет поверить в свое временное помешательство и ищет случайный или провоцирующий аспект, который это подтвердит. Но несмотря на ее утверждение, имеющее защитную цель, оно совершенно *обоснованно*, ибо отражает ее реальные переживания. Фактически, едва осознав содержание этого переживания («это были не мои чувства»), невозможно не вспомнить другой, весьма распространенный вид истерического симптома, а именно: диссоциативную личность, у которой полностью теряется даже память о мыслях и поведении мистера Хайда, как только он перестает действовать.

Изучая эмоциональные взрывы, важно отметить еще одну, более общую черту поведения и эмоциональной жизни истерических пациентов. Обычно они ведут себя очень мирно. Пациентка из первого примера считала себя «порядочной», и так оно и было, и ее удивленное раскаяние после взрыва всегда содержало такие чувства: «Как же возможно, чтобы я, такая хорошая и порядочная женщина, так себя вела?» За исключением яростных взрывов, она была очень тихой и старательно избегала агрессивных высказываний (причем, считала агрессивными даже такие высказывания, которые другим показались бы вполне мирными). Любое мало-мальски агрессивное заявление или требование она расценивала как «грубое» или «отвратительное» поведение. Хотя она считала, что старается не причинять боли другим, несомненно, в первую очередь она сама не могла перенести «грубости». Однако, именно те люди, с которыми она обычно так осторожно общалась, время от времени становились объектами чудовищного взрыва ярости.

Для этих людей характерна комбинация аффективных взрывов и тихого поведения, и некие параллели можно найти и в других эмоциональных областях. Например, хорошо известно, что некоторые импульсивные истерические женщины, отдаваясь время от времени взрывным эмоциональным увлечениям, остаются сдержанными в более постоянной и ровной любви.

Как нам это все понять? Достаточно ли сказать, что аффект истерика неглубокий, эфемерный и мимолетный, а не глубокий и постоянный? Описание звучит убедительно, если признать, что взрывы ярости умещаются в рамках «неглубокого» аффекта. Возможно, объективно описывая ее чувства как «неглубокие», мы говорим о том же, что субъективно воспринимает пациентка, когда говорит: «На самом деле я этого совсем не чувствовала». Но, по-моему, это заявление не слишком углубляет наше понимание истерических эмоций и, в особенности, не проясняет связь подобных аффектов с другими аспектами истерической деятельности.

Давайте вспомним, что говорилось в отношении когнитивной деятельности истериков и об их субъективном восприятии. Я описал их познание как впечатлительное, немедленное и глобальное. Когнитивное восприятие истерика — это не восприятие фактов и разработка суждений, а восприятие интуитивное и впечатлительное. Кроме того, это люди, чьим вниманием легко завладеть, они легко внушаемы и увлекаются любым впечатлением, которое в данный момент задевает их за живое. Поэтому их суждения легко изменяются; они не уходят корнями в твердые убеждения, которые не продуманы и не основаны на знаниях или фактах личного опыта (и по субъективному восприятию это тоже так). Из-за того, что их суждения и идеи не являются глубоко интегрированными продуктами, а скоротечными и изменчивыми, легко поддающимися влиянию мимолетных впечатлений, можно сказать, что эти идеи и суждения не вполне представляют самого человека. Теперь я хотел бы предположить, что истерические эмоциональные взрывы, то есть резкий выход аффекта, который быстро стихает, а позже воспринимается так, будто прошел сквозь истерическую личность, а сама она не принимала в нем участия, — эти взрывы происходят лишь при этом стиле деятельности и могут существовать лишь в контексте этого стиля.

Каким образом полубессознательный, полусформированный импульс или ощущение трансформируются в конкретную эмоцию? Должен существовать некий интеграционный процесс, благодаря которому полусформированное ощущение ассоциативно привязывается к существующим склонностям, чувствам, интересам и т. п., и таким образом, получает ассоциативное содержание (так сказать, набирает в весе) и одновременно становится более конкретным и сложным. Теперь давайте себе представим, что истерик характеризуется не только немедленным когнитивным восприятием, но и немедленным аффективным восприятием. Отсутствие комплексной когнитивной интеграции (то есть, быстрое, впечатлительное познание) будет сопровождаться немедленным проявлением аффектов. Эти аффекты, едва пробудившись, врываются в сознание в качестве окончательного аффективного продукта, подобно сиюминутным глобальным впечатлениям, которые появляются в качестве окончательного когнитивного продукта. А это значит, что такие люди, как правило, характеризуются слишком быстрой и непроработанной организацией и интеграцией ментального содержания. В нормальном интеграционном процессе полуинтуитивная мысль становится сознательным суждением, полусформированное, смутное впечатление становится ясной идеей, а полусознанное, сиюминутное ощущение становится конкретной и глубокой эмоцией; у истерической личности этот процесс является неполным и свернутым.

Эмоцию, которая появляется в сознании в качестве результата нормального процесса интеграции и ассоциативной связи полусформированного импульса с существующими целями, интересами и вкусами, — такую эмоцию человек воспринимает как свою; она соответствует личности человека и глубоко его затрагивает. Но у истерической личности и в когнитивной, и в аффективной сфере такой интеграционный

процесс отсутствует. И в этом смысле ощущение истерика, что он не участвовал в эмоциональном взрыве, соответствует действительности; в этом смысле, эти эмоции действительно не были его эмоциями. Недостаточность интеграционного процесса и развития является причиной того, что, с одной стороны, аффект был внезапный, резкий и изменчивый, а, с другой — он не был дифференцирован. Можно сказать, что истерический аффект, как и познание, не проявляется в ясном, хорошо дифференцированном сознании в качестве развитого, конкретного ментального содержания, а мгновенно доминирует и захватывает рассеянное и пассивное сознание.

Есть множество истериков, в основном женщин, для которых характерны не аффективные взрывы, а взрывы более или менее постоянные и менее интенсивные, по сравнению с теми, которые мы разбирали. У этих людей функционирует та же самая система. В романе Генри Джеймса один персонаж описывал героиню следующим образом: «Она это сказала, и сразу стало видно, что это женщина, говорящая с сильным французским акцентом все, что ей взбредет в голову».*¹ Я хотел бы добавить, что эта истерическая женщина «говорит все, что ей взбредет в голову» именно потому, что любая едва сформировавшаяся прихоть, фантазия, мимолетное впечатление или сиюминутная эмоция в этот момент доминируют в ее сознании. В присутствии такой личности создается впечатление, что она сама не вполне участвует в этих проявлениях и аффектах. Мы знаем и ждем, что завтра она скорее всего забудет половину своих чувств, а про вторую половину скажет, что она «на самом деле вовсе не имела это в виду». Мне думается, именно это мы называем «неглубокими» истерическими эмоциями.

Метод деятельности, стимулирующий появление таких аффектов, как правило, вызывает их в большом количестве. Такие изменчивые эмоции по своей природе не требуют большой психологической интеграционной активности. Разумеется, я не имею в виду, что такие аффекты совершенно не зависят от развития психологических интеграционных способностей, а лишь хочу сказать, что они могут существовать и существуют, когда интеграционные способности слабо развиты. Детские эмоции, как правило, не такие утонченные, как у взрослых, но потому их нельзя назвать менее живыми. Одним из последствий этого обстоятельства оказывается то, что в определенных рамках (которые мы обсудим в следующей главе) психологическая организация, где сразу проявляются ментальные содержания, характеризуется, с одной стороны, «отсутствием глубины» и доминированием аффекта, а с другой стороны, обилием самих аффектов.

Кроме того, мы уже упоминали о том, что несмотря на крайнюю эмоциональность истериков, в определенных ситуациях они бывают очень сдержаны, и сейчас мы можем это понять. Очевидно, такое эмоциональное восприятие — взрывающееся и живое, но эфемерное и «неглубоко» переживаемое — соответствует романтическому восприятию мира и самих себя. Этот субъективный мир является продуктом истерического стиля, и в этом мире они могут более-менее комфортабельно жить. «Серьезная» же эмоция, которая действительно «имеется в виду», и серьезное убеждение совершенно не соответствуют такому субъективному миру и для истериков очень неприятны. Ведь истерики чувствуют себя невесомыми, а когда появляется такая эмоция или суждение (а поскольку человек не функционирует как совершенная машина, они всегда периодически появляются), они чувствуют нечто более материальное и стремятся этого избежать. Это относится к очень многим специфическим эмоциям или содержанию мышления. Таким образом, многие сентиментальные истерики часто сдержаны в любви и не имеют никаких политических убеждений.

Истерики вовсе не единственные, чье познание и субъективное восприятие

характеризуется впечатлительными, быстрыми и слабо организованными ментальными содержаниями; есть люди, у которых это выражено гораздо ярче. В следующей главе я попытаюсь показать, что люди с пассивным или импульсивным характером еще больше наделены этими чертами, хотя для них вовсе не характерна сильная эмоциональность в обычном смысле этого слова. Скорее они склонны к импульсивным действиям, которые ни они сами, ни другие не воспринимают как действия, совершенные свободно, по собственной воле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Anna Freud, *The Ego and the Mechanisms of Defense* (London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1937), p.55. Но иногда они оказываются невероятно переплетены между собой. Хорошим примером такого ограничения является неспособность человека вспомнить детали в состоянии интоксикации. Я не буду затрагивать вопросы сублиминального познания.

В этом отношении полезно ознакомиться с экспериментальной работой I.H.Paul, «Studies in remembering:

The Reproduction of Connected and Extended Verbal Material», *Psychological Issues* 1, Whole No.2 (1959). Здесь нужно отметить то обстоятельство, что большинство истерических личностей составляют женщины.

' Те, кто знаком с тестом Роршаха, знают, как часто у тестируемых истериков появляются образы невесомых плывущих вещей (можно сказать, что это образы их самих).

' Henry James, *The American in Four Selected Novels of Henry James* (New York: The Universal Library, 1946), p.72.

ИМПУЛЬСИВНЫЕ СТИЛИ

Ряд стилей, которые мы собираемся рассматривать, не вполне подпадают под определенный психиатрический диагноз. В одном случае импульсивное поведение может быть основной чертой диагноза, а в другом случае, возможно, очень похожем, в диагнозе будет преобладать иной симптом. Поэтому в обсуждаемую группу входят импульсивные характеры, психопатические характеры и отчасти пассивно-невротические характеры или нарциссические характеры, а также некоторые мужчины-гомосексуалисты, алкоголики и, возможно, наркоманы.

Несмотря на видимые различия, эту группу объединяют общие черты поведения. Объединяют ее и аспекты, связанные с этим поведением: стиль познания, и в особенности, мотивации, и характерный тип восприятия действий.

Отличительной особенностью субъективного восприятия оказывается искажение нормального чувства намерения и воли. Эта особенность проявляется как «импульс, которому невозможно сопротивляться», и как «прихоть», играющая в жизни импульсивных людей важнейшую роль. Субъективное восприятие импульса — не такой уж простой вопрос. Иногда, из-за примитивной природы некоторых импульсивных действий создается впечатление, что импульсивные действия — это настоящие взрывы, в которых обычные системы деятельности или не задействованы или уничтожены. Я вижу другой вывод: субъективное восприятие импульса само по себе является признаком стиля деятельности.

Добавлю несколько слов, чтобы объяснить, почему я включил черты, обычно называемые «пассивными», в число разновидностей импульсивного стиля. Причина в том, что изучение двух формальных противоположностей — импульсивности и крайней пассивности — показывает их близкое родство. Я полагаю, что в связи с их сходством правильно будет сказать об общем пассивно-импульсивном стиле. В определенных

условиях симптоматическое поведение может быть отнесено и к одной, и к другой категории. Не все импульсивные действия — живые и драматичные. Иногда тихое и внешне очень пассивное действие (например, когда алкоголик пьет), формально может быть неотличимо от гораздо более живого и внешне куда более импульсивного. Я также постараюсь показать, что субъективное восприятие крайне пассивными или «слабыми» людьми, своих собственных действий, в особенности, когда они «поддаются» внешнему давлению или искушению, чрезвычайно схоже с субъективным восприятием более типичного импульсивного характера.

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ «ИМПУЛЬСА»

Импульсивный пациент, художник, так рассказывал о своей страсти к азартным играм: «Я *сделан* это просто так — не знаю почему.» Что он имел в виду?

Возможно, пациент хотел сказать :»На самом деле я этого делать не хотел «, или: «Я этого делать не собирался «. Импульсивные люди часто говорят: :»Я просто взял и сделал, почему — не знаю», иногда они говорят это с раскаянием и сожалением, иногда — нет. Такие утверждения, как и отстраненность истерика от эмоциональных взрывов, не всегда вполне искренни. Часто это не только выражение субъективного восприятия, но и оправдание — «Виновен, но намерений не имел».

Но как бы ни был преувеличен этот момент ради оправдания, он все равно отражает субъективное восприятие, отчасти похожее на восприятие истериком эмоциональных взрывов. Важное, необычное действие совершается без ясной мотивации, без решения или намерения. То есть, это действие, за которым не стоит ни конкретного умысла, ни намерения. Но это не принуждение и не подчинение моральным принципам. Это желание, стремление, или даже решение; но эти желания такие внезапные, проходящие и неуловимые, что их едва ли можно сравнить с обычными желаниями или решениями. Они настолько неуловимы, что оправдание «виновен, но неумышленно», очень близко к правде. Это очень похоже на обычную прихоть.

Неуловимая мотивация варьируется у импульсивных и пассивно-импульсивных людей. Иногда она почти неотличима от обычной прихоти, разумеется, за исключением того, что эта «прихоть» может повлечь за собой куда более серьезные последствия. Так, психопат, объясняя ограбление, может сказать: «Мне просто так захотелось», — имея в виду свою внезапную прихоть. Другая разновидность субъективного восприятия — это ощущение «стремления» или «импульса». Но такое стремление или импульс являются не припадком, подчиняющим себе человека, а, скорее, искажением нормального желания, сильным ослаблением намерения, которое потом вообще отрицается ради оправдания. Из этого следует, что типичное определение непреодолимого стремления: «Я не хочу этого делать, но не могу контролировать свой импульс» — можно перевести так: «Я чувствую, что не должен этого делать, и решительно от этого уклоняюсь. Но, если я на них не обращаю внимания, мои руки, ноги и импульсы вдруг делают это сами, едва ли в содеянном меня можно винить».

В других случаях описывается, в сущности, та же неуловимая мотивация. Мы можем предположить (не забывая и о защитной функции), что это ответ на внешнюю провокацию или возможность — «Я этого не хотел, но когда я увидел, что деньги лежат на столе, я их просто взял». У пассивно-импульсивных, «слабых» характеров, которые мы разберем позже, можно выделить еще один тип рефлекторного ответа: «На самом деле я этого делать не хотел, но он настаивал, и я просто сдался». Эти варианты: прихоть, стремление или импульс, податливость — с точки зрения формальных качеств они все очень похожи. Все они описывают сходное искажение нормальной мотивации.

Все внезапные, преходящие, неуловимые желания или решения — это действия, в которых активное намерение заметно ослабленно.

Я уже намекал на то, что подобная модель восприятия дает импульсивным характерам возможность с легкостью проводить определенные защитные операции. Если говорить конкретнее, действительное ослабление намерения дает возможность защититься от личной ответственности перед другими или перед собой. Наверное, самая известная защитная операция — это «перекладывание ответственности».

Например, взломщик объясняет свои повторяющиеся преступления следующим образом: «Получается так, что каждый раз, когда я выхожу (из тюрьмы), мне никто не помогает, вместо этого появляется какой-нибудь парень и сует мне в руки лом».¹

В сущности этот человек говорит, что в действительности он не собирался этого делать; просто он слаб и поддался искушению. Другой вид перекладывания ответственности можно видеть в соблазнительном искушении, например: «... тут лежали деньги...» Здесь такое же оправдание: «У меня в мыслях не было этого делать». Таким образом, перекладывание ответственности является эквивалентом неконтролируемого импульса, поскольку в обоих случаях говорится: «Я это сделал, но, по сути дела, не собирался этого делать». Иначе говоря, от импульсивных и пассивно-импульсивных людей можно ожидать отказа от ответственности, как только они почувствуют потребность в защите, поскольку их субъективное восприятие содержит основания для такого отказа.

Естественно, субъективное восприятие прихоти или импульса есть не только у импульсивных характеров, это часть мышления всех людей.¹ Но в импульсивном стиле такая мотивация доминирует и охватывает психологические области, обычно занимаемые более ровным желанием, выбором или решением. Так что это можно назвать искажением обычного субъективного восприятия. Я постараюсь показать, что природа такого восприятия у импульсивных людей связана с дефицитом активной организации и ментальной организации, а также с другими особенностями. Таким образом, импульс для этих людей не случайное, а регулярное явление; это не результат неисправности какой-либо функции, а составная часть их формы существования. При неуловимой мотивации человек регулярно ощущает свою непричастность к мотивам желания или действия, так же как обычный человек не вполне идентифицируется с каждой своей прихотью.

Такое восприятие мотивации, ощущение непричастности являются жизненно важным элементом во многих общеизвестных проявлениях импульсивных личностей. Например, с таким восприятием связаны поспешные действия людей, чье сознание не позволило бы им совершить подобные поступки намеренно. Возможно, чувство непричастности является также основным элементом в одном из самых интересных проявлений импульсивного характера: в явной самоуверенности и отсутствии беспокойства и тревожности (что при неврозе почти уникально).² Приведу общеизвестный пример: в состоянии опьянения многие обычные люди чувствуют усиление самоуверенности и освобождение от тревог, когда они, как говорится, «не ведают, что творят».

КАЧЕСТВА ИМПУЛЬСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

При размышлении о формальных характеристиках импульсивного действия, они легко приходят на ум. Например, я упоминал, что импульсивное действие поспешно; оно быстро исполняется и, что более важно, промежуток между замыслом и исполнением обычно очень короткий. Кроме того, импульсивное действие внезапно возникает или резко прерывается, в тот момент, когда обычное действие, как правило, стремится к

реальной цели и ему предшествуют соответствующие приготовления. К этим двум характеристикам можно добавить третью, вероятно, более важную. Импульсивное действие — это незапланированное действие. Нельзя сказать, что оно обязательно неожиданное; пьяница вполне может ожидать очередного запоя. Но ожидание (например, ожидание снегопада) — это вовсе не планирование.³ Каждая из этих характеристик: поспешность, внезапность и незапланированность — отражают дефицит процессов мышления, обычно превращающих возникающие мотивы в действия. Похоже, что превращение мотива или склонности в действие «сокращает» («short-circuit»)⁴ активные ментальные процессы. Что это за процессы? Можем ли мы объяснить их дефицитом или «сокращением» субъективное чувство непричастности и ослабления намерения, которые также характеризуют таких людей?

У обычного человека прихоть или полусформировавшееся намерение что-нибудь сделать — это начало комплексного процесса, и если все в порядке, происходит ровный и автоматический процесс. Прежде всего, прихоть появляется в контексте продолжительных интересов и целей. В этом контексте она либо приобретает важность, либо ее теряет, доминирует и, либо привлекает внимание, либо нет. Если она привлекает внимание — то есть, если она интересная, привлекательная или возбуждающая — она в какой-то степени влияет на направление интереса, существовавшего и раньше, и, в свою очередь, направление интереса модифицирует желание. Таким образом, желание интегрируется в ткань текущих целей и интересов. В сущности даже нельзя считать полусформировавшееся желание или намерение началом интеграционного процесса, поскольку форма намерения — это часть существовавшего до того пласта и направления интересов. Человек, интересующийся искусством, по дороге на работу заметит картинную галерею и почувствует желание войти; человек, не интересующийся искусством, может ее даже не заметить. В любом случае, в обычном интеграционном процессе желание будет либо отвергнуто, либо разовьется интерес и эмоциональная и ассоциативная поддержка от существующей ткани целей и интересов. Мне представляется, что такой процесс свидетельствует о трансформации пассивной прихоти (или импульса) в активное и намеренное желание, решение или выбор. То, что могло быть кратковременной прихотью, стало постоянным желанием. Так закладывается основа для планирования, а планирование усиливает намерение.

Процесс интеграции прихоти и постоянных интересов дает одновременно несколько результатов. Во первых, — это трансформация полусформированной прихоти в активное желание или намерение. Во вторых, модификация и развитие содержания прихоти; интеграция с существующими интересами и ассоциативное содержание изменяют прихоть, а активное планирование действия еще больше развивает и изменяет начальное желание. Третье последствие процесса интеграции — изменение отношения к объекту. Так же, как полусформировавшаяся прихоть получает содержание и эмоциональную поддержку существующих интересов, так и объект получает дополнительное значение, существующее и потенциальное; когда прихоть трансформируется в ясное и активное намерение, его сопровождает возросший интерес к внешнему объекту. Так что разница между прихотью и намерением, решением или планом не только в уровне желания, разница — и в степени интереса к объекту.

Это результаты обычного интеграционного процесса, и следует сказать, что ни один из этих результатов не достигается в «сокращенном» интеграционном процессе импульсивной личности. Если прихоть не может получить эмоциональную и ассоциативную поддержку от постоянных целей и интересов, она не может развиться в постоянное активное желание, намерение или выбор. Она остается мимолетным и

неуловимым импульсом. Если постоянные цели не изменяют содержание прихоти или импульса, или если его не обогащают ассоциативные и эмоциональные связи в процессе интеграции, это содержание остается простым и примитивным, ему не удастся укорениться среди постоянных интересов, а импульс остается неуловимым. И, наконец, импульсивная личность испытывает стремление (в то время как другие чувствуют более богатое и устойчивое намерение) и крайне мало интересуется независимым содержанием объекта своего стремления. Человека интересует не объект, а собственное удовлетворение.

Я описывал узость сходного интеграционного процесса у истериков, но ясно, что по сравнению с импульсивным стилем способность к изменению у истериков сравнительно хорошо развита. Сравним, например, романтический интерес истерика к объекту своего увлечения (интерес, конечно, мимолетный и, то что называется «неглубокий») — с еще более мимолетным и, в сущности, эксплуататорским интересом к сексуальному объекту у многих импульсивных личностей.

Даже если очевиден дефицит или «сокращение» интеграционного процесса, остается следующий вопрос: в чем состоит такой дефицит? К этому можно добавить заключительный вопрос: какой же интеграционный процесс происходит у импульсивных людей? Ведь несомненно, что даже самые безрассудные импульсивные действия являются следствием интеграционного процесса. Альтернативную версию о том, что это просто взрывы инстинктивной энергии, в которых не задействованы исполнительные функции, очень сложно обосновать теоретически, и, даже если такие взрывы происходят, то явно только у психопатов. А импульсивные люди вовсе не становятся беспомощными жертвами инстинктивной энергии, и бесцельно эмоционально не взрываются. Они действуют;

и, хотя с обычной точки зрения импульсивные действия кажутся непостоянными и безрассудными, они все же адекватны и иногда дают превосходные результаты. Позже мы вернемся к этому важному моменту, а пока обратимся к бесспорному факту: импульсивное действие является результатом интеграционного процесса, хотя он отличается от интеграционного процесса обычного человека и безусловно более узок.

Если допустить, что этот дефицит является дефицитом интеграции прихоти или импульса с постоянными целями и интересами, то придем к очень важному обстоятельству. При знакомстве с импульсивными людьми часто замечаешь, что им не хватает активных интересов, целей и ценностей, выходящих за пределы повседневных забот. Длительные эмоциональные контакты — крепкая дружба или любовь — у них очень редки. Семейные дела и даже личная карьера обычно не очень их занимают. У таких людей обычно нет долговременных планов и амбиций, не говоря уже о более абстрактных целях и ценностях. Обычно их не интересуют не только культурные и интеллектуальные проблемы, но и проблемы идеологии и политики. То, что обычно вызывает массовый интерес — угроза войны, выборы, и тому подобное — проходит для них почти незамеченным. Есть одно очень важное исключение, пример который я приведу сейчас, а разберу позже.

Однажды подобный пациент, который до того не интересовался международными делами, удивил терапевта тем, что стал проявлять острый интерес к последним новостям. Свежие газеты писали о новой серии атомных испытаний, что было весьма угрожающим и зловещим событием. Пациент возбужденно спросил, читал ли их терапевт. У него возникла идея во время катастрофы торговать медикаментами, и кое-какие шаги он уже предпринял. По этому поводу он был полон энтузиазма.

Поскольку импульсивным людям недостает устремлений, интересов и ценностей,

выходящих за пределы повседневных забот, им не хватает и основных средств. Для успешной модуляции и развития импульса (или прихоти), или для «сопротивления» импульсу (или прихоти). Ровные и устойчивые интересы и цели являются основой для регулярной жизни именно потому, что выходят за пределы непреднамеренных потребностей и желаний. С другой стороны, интересы, связанные с непреднамеренными потребностями и заботами, нацеленные на получение немедленного удовлетворения, всегда изменчивы и преходящи. Долговременные интересы, ценности и эмоциональные связи являются той самой изначальной структурой, стабильным контекстом, в котором у обычных людей появляется прихоть или импульс. Обычно этот контекст с самого начала проводит отбор возникающих склонностей, согласно существующему направлению интересов. Из этого контекста прихоть получает эмоциональную и ассоциативную поддержку, но этот же контекст модулирует содержание прихоти. Например, в контексте существующих пристрастий, готовности к интимным отношениям, определенных жизненных ожиданий и т. п., может развиваться реакция на привлекательную девушку, получить содержание, стать устойчивой; то есть девушка «включила» этот процесс. Без подобного контекста это будет просто сексуальный импульс.

Эти структуры не только являются основой развития и модуляции импульса, но и выполняют стабилизирующую, я бы даже сказал, консервативную функцию. Эти структуры не позволяют внезапным импульсам автоматически, без отбора, превращаться в действия. Когда я говорю «не позволяют», то не имею в виду, что эти структуры заковываются в броню⁵ или просто теряют чувствительность к мимолетным прихотям и провокациям. Я всего лишь утверждаю, что контекст постоянных, долговременных интересов и ценностей создает перспективу, в которой прихоть воспринимается как прихоть:

возможно, возбуждающая, интересная, стоящая или нет, но не как нечто немедленно и автоматически приводимое в действие. Таким образом, эти структуры, развивающие и стабилизирующие импульс, создают основу для осознанных действий.

Такое понимание легко применимо к концепции «терпимости» расстройства или напряжения, и с его помощью можно подкорректировать определенные непсихологические детали этой концепции. Я полагаю, что говоря о низкой «терпимости» импульсивных людей к расстройствам и напряжению, психологи имеют в виду ограниченную способность к выносливости. Мне кажется, что в этой концепции есть и моральные аспекты.^b Но хотя это наблюдение весьма основательное, оно не принимает в расчет, что объективно одинаковые расстройства воспринимаются разными людьми совершенно по-разному.

Нормальный человек «терпит» расстройство, или хотя бы откладывает удовлетворение своей прихоти, поскольку заинтересован и в других вещах; он настроен на цели и интересы для него более важные, чем эта прихоть, и выходящие далеко за ее пределы. Таким образом, выносливость просто зависит от существования подобных интересов и ценностей. Это не просто вопрос интеллектуального выбора. Скорее существование основных целей и интересов автоматически создает перспективу, в которой воспринимается прихоть или временное расстройство. При отсутствии таких целей и интересов возрастает субъективная важность переживаемого расстройства или ожидаемого удовлетворения, и в подобных условиях немислима выносливость или терпимость.

В отсутствие таких высокоразвитых и стабильных структур преобладающие интересы импульсивной личности направляются на немедленное достижение и удовлетворение (что иллюстрирует пример пациента внезапно решившего торговать

медикаментами). Его интересы также мимолетны, они меняются в зависимости от настроения, потребностей или возможностей. Контекст эгоцентричных и изменчивых интересов не создает ни основы для высококачественной модуляции прихоти или импульса, ни основы для отсрочки немедленного удовлетворения. С другой стороны, если преобладает ориентация на немедленное достижение или удовлетворение, то скорее всего, прихоть или импульс получит только отработанный набор средств для немедленного достижения цели. Конечно, это тоже интеграционный процесс, но весьма примитивный по сравнению с интеграционным процессом обычного человека.

Однако следует помнить, что в определенные моменты жизни импульсивный стиль может оказаться незаменимым. Например, если потребуется быстрое действие или выражение, будет очень полезна спонтанность. Например, хорошо известно, что многие импульсивные люди общаются спонтанно, и разговаривать с ними приятно и увлекательно. Часто они хорошо шутят, в отличие, скажем, от тяжелых, чрезмерно сознательных и туповатых обсессивно-компульсивных людей, и при хорошей интеллектуальной основе, они бывают также сообразительными и занимательными. Несомненно, что многие настоящие и выдуманные «люди действия», люди, способные действовать быстро, без колебаний, относятся к этому стилю деятельности. Я постараюсь показать, какую роль в спонтанности играет модель когнитивной деятельности.

ИМПУЛЬСИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ

Я уже упоминал о неумении импульсивных людей строить долговременные планы. Можно вообразить, что этот дефицит автономен и просто следует из склонности к быстрым действиям. Однако, как правило, в импульсивном стиле познания не подвергаются коррекции ни активная концентрация, ни способность к абстракции, обобщению и обдумыванию. Фактически, познание импульсивных людей характеризуется недостаточным активным интегративным процессом, сравнимым с недоста-точностью интеграцией аффектов.

Сначала разберем так называемое суждение импульсивной личности. Любой, кто слышал ее суждение, знает, что оно неглубоко; некоторые добавляют, что оно «произвольно» или «безрассудно». Хорошо известно, что импульсивная личность способна впутаться в сомнительное дело или неподходящий брак. У такого поведения есть когнитивный аспект, связанный со склонностью действовать. Дело кажется ей замечательным, хотя все остальные сомневаются; жениться нужно только на этой девушке (хотя человек с ней едва знаком); и даже — как будет показано дальше — кажется, что удастся совершить самое безнадежное преступление.

У сорокалетнего мужчины до начала психотерапии была богатая история разного рода импульсивных действий. Он в течении нескольких лет очень много играл; внезапно уходил с хорошей работы и часто выписывал фальшивые чеки. Это чередовалось с короткими периодами раскаяния, когда он заявлял (скорее с чувством, чем с убеждением), что такое поведение не доведет его до добра. Он описывал свои мысли во время выписывания фальшивых чеков следующим образом: ему казалось, что «как-нибудь» он избежит наказания; «возможно» ему удастся получить деньги; а если нет, он «рассчитывал», что все так или иначе обойдется. В действительности эти надежды никогда не оправдывались, и теперь он понимает, что они были тщетными, но в тот момент он думал именно так. Он добавил только, что «на самом-то деле он знал, что из этого выйдет».

Несмотря на некую неопределенность, его история звучала убедительно. Иными

словами, его мышление приблизительно соответствовало этому описанию, то есть он без всякой определенности «*рассчитывал*», что все как-то обойдется. Однако следует согласиться с справедливостью его утверждения, что «на самом деле он знал, что из этого выйдет». Его анализ показывает ясное понимание, что шансы на успех у него были крайне малы, но не похоже, что в момент преступления это обстоятельство привлекло его внимание. Сейчас он прекрасно знает ответы и несомненно знал их и раньше. Остается только заключить, что ему удавалось не задавать себе вопросов.

Подобные самокритичные вопросы, активный анализ первого впечатления, организация информации и взвешивание возможностей — все это составляет обычный процесс формирования суждения. И, как правило, «суждению» импульсивной личности подобный процесс не предшествует. У такого человека была необходимая информация, но у него не было активного, анализирующего внимания и организационного процесса, обычно использующего эту информацию. Конечно, этот момент неоднозначный, и у многих импульсивных людей, в том числе, и у этого пациента, происходит определенный самокритичный процесс, который, однако он не слишком развит. Так, этот человек, еще до проигрыша на скачках, трезво оценивает свои шансы, но его внимание занято другой проблемой: на какую лошадь поставить?

Этот активный процесс критического анализа, который мы называем суждением, у обсессивных личностей растягивается и становится ритуалом, у нормальных людей он протекает сравнительно гладко и автоматически, а у импульсивных личностей он сокращается или вовсе уничтожается. Этот процесс совершенно не в их характере. Если что-либо толкает импульсивного человека на быстрое действие, то его суждение (или скорее заменитель суждения) позволяет ему не замечать осложнений, которые любого другого заставили бы задуматься.

Так что неглубокое суждение импульсивной личности относится и к познанию в целом, а именно — к дефициту определенных активных процессов. Обычная личность анализирует, взвешивает и развивает первое впечатление, а импульсивная личность реагирует немедленно; ее первое впечатление или догадка мгновенно, без дальнейшего развития, становится решением. Импульсивное мышление «скачет». Истерический способ познания, в котором есть сходная недостаточность, я бы охарактеризовал как «впечатлительный»; импульсивное же познание, где недостаточность активного, критического внимания гораздо сильнее, можно назвать «пассивным» или «твердым».¹ Я объясню, что под этими терминами имеется в виду, иллюстрируя следующее импульсивное «плохое суждение».

Импульсивной молодой женщине предложили непостоянную и, по всей вероятности, сомнительную работу. Но при этом обещали хорошо платить, а она очень нуждалась в деньгах. В первую очередь ее внимание привлекло обещание хорошей оплаты, что в подобной ситуации характерно для любого другого человека. Но у этой работы были весьма неприятные особенности. Нужно было путешествовать по маленьким городкам без гарантии хороших условий и жить у людей, которых она не знала и которым не доверяла, и т. д.

Эти серьезные осложнения были очевидны при первом знакомстве с работой. Однако для нее они не были очевидными или же она не обратила на них внимания. Тогда она без дальнейших размышлений поступила на работу и через несколько недель уволилась. Теперь неудобства путешествий стали для нее самой насущной проблемой, а счета и кредиторы отошли на второй план.

На этом примере я хочу показать несколько вещей. Во-первых, говоря что внимание импульсивного человека не занимается активным анализом, следует добавить,

что его вниманием очень легко полностью завладеть; он видит то, что его захватило, и это не только начало когнитивного интеграционного процесса, но в сущности и его завершение. В этом смысле его познание можно назвать *пассивным** Во-вторых, если он критически не анализирует разные аспекты, он не может понять потенциальное и логическое значение вещей, и видит только то, что для него важно в данный момент. В этом смысле импульсивный метод познания относительно *конкретный*. Так женщина из приведенного выше примера не замечала потенциальные осложнения, связанные с предложенной работой, она была целиком увлечена возможностью получить деньги.

Ограничения этой модели познания проявляются по-разному; на некоторые из них мы уже указали. Как правило, у импульсивных людей не развиты планирование, концентрация, логическая объективность и анализ; для всего этого требуются модели познания, которые импульсивные люди не используют. Для планирования, как и для суждения, необходимо взвешивать разные возможности и обращать внимание не только на то, что впечатляет сейчас, но и на то, что может стать важным в будущем. Как правило, в твердом познании неизбежно доминирует настоящее и умаляется значение дальнего будущего. Концентрация требует острого, сфокусированного, постоянного внимания; а этого невозможно добиться, если пассивно увлекаться каждым новым событием.¹¹ Для анализа необходимо прокрутить ситуацию в уме, активно обращая внимание то на один аспект, то на другой. Вместе с тем для объективности (чтобы, как говорится, взглянуть со стороны) необходимо направить внимание не только на текущие интересы и насущные заботы, но и на вещи более важные и долговременные. Таким образом, пассивное, твердое познание не является объективным и в целом оно эгоцентрично.

Здесь я снова должен подчеркнуть относительность этих ограничений. То, что сознание импульсивных людей не планирует, не абстрагирует и не анализирует, не означает его бездействия. Наоборот, этим людям часто присущ очень острый практический ум, успешно выполняющий краткосрочные насущные задачи. Даже крайне импульсивные люди, которым абсолютно чужды планирование и анализ, быстро схватывают те аспекты ситуации, которые относятся к их личным интересам, и могут реагировать на них весьма эффективно. Они «действуют» и могут достичь успеха. Рассмотрим следующий пример.

Во время посещения тюрьмы, я шел с тюремным психологом через двор, где было множество заключенных. Мы шли к соседнему зданию, путь занимал всего несколько минут, и в этот момент прямо к моему спутнику подошел заключенный и очень вежливо попросил о личной услуге. Из его поведения было ясно, что он быстро сообразил, что психолог, гуляющий по двору «в компании», — прекрасная возможность попросить об услуге. Позже мне описали этого молодого человека как умную, но крайне импульсивную и психопатичную личность. Он несколько раз совершал преступления и имел неприятности и в тюрьме, и на свободе. И этот человек, не обладавший хорошим суждением, не планировавший и не анализовавший, действовал из сиюминутных, крайне эгоцентрических побуждений и в этом преуспел.

Этот пример заставляет усомниться во всеобщем убеждении, что такие люди не способны к эмпатии. Этот человек весьма впечатляющее продемонстрировал (хотя и очень ограниченное) эмпатическое понимание. Несомненно сами по себе чувства психолога его мало интересовали. Он воспринимал только те из них, которые ему были полезны в данный момент, но при этом он их воспринимал. Наверное не так важно, назовем мы этот феномен «эмпатией» или нет. Но вне всякого сомнения — это психологическая чувствительность, сходная с чувствительностью импульсивно-

нарциссических людей (что звучит парадоксально, если этого не понять). Хотя такие люди крайне мало (и лишь с целью эксплуатации) заинтересованы в других, но если затронуты их интересы, они совершают социальные манипуляции с большим пониманием.

Интересно отметить, что и у нормального, и у импульсивного человека когнитивный процесс занимает разное место в деятельности в целом, особенно если речь идет о его актуальных потребностях и импульсах. Обычно мы считаем, что когнитивный и мыслительный процесс — это один из факторов, поддерживающих стабильность личности. При обычной деятельности планирование, анализ, суждение и объективность стабилизируют изменчивые и импульсивные действия. Например, импульс уйти с работы, потому что она сегодня раздражает, стабилизируется мыслями о том, что в другие дни работа не раздражает, или что это необходимая ступень к переходу на более приятную работу. Иногда анализ борется с импульсом; иногда он развивает желание или импульс в долговременный и активный план. В любом случае познание у обычного человека объединяется со стабильными эмоциональными структурами, чтобы не допустить немедленного освобождения немодулированного желания или импульса.

В импульсивном же характере познание не выполняет стабилизирующей функции. Над осознанностью здесь доминирует все, что связано с текущим интересом или импульсом. Импульсивная личность не заглядывает в будущее, не смотрит «со стороны» и у нее ограничено восприятие логически важного содержания. Такой способ познания не может стабилизировать поспешное действие прихоти или импульса; наоборот, он служит сиюминутной прихоти или импульсу.

Можно пойти и дальше. С точки зрения такого познания, мир выглядит прерывистым и непостоянным: в виде серии возможностей, искушений, разочарований, переживаний и фрагментарных впечатлений. Такое познание и восприятие мира не только не стабилизируют импульсивное действие, но и способствуют ему. Когда над сознанием доминирует раздражение от работы, а восприятие логических соотношений и будущих возможностей отсутствует, никакого сопротивления не будет. В таком субъективном мире сопротивляться будет бесполезно, а у мышления будет только одна функция — воплощение поспешного действия.

Способ познания и способ аффективной деятельности так приспособливаются друг к другу, что их невозможно разъединить. Можно лишь спорить об их психологическом приоритете. Короче говоря, хорошо известно, что импульсивный человек не выходит за пределы настоящего, ибо его интересы и эмоциональные связи ограничены немедленным достижением и удовлетворением. Но вместе с тем можно утверждать, что ограничения познания и доминирование над сознанием текущих впечатлений и личных интересов сталкиваются с развитием долговременных интересов и ценностей. Я полагаю, что это уже частности. И деятельность, и характеризующие ее способы мышления существуют и развиваются вместе: одно трудно представить без другого. У обоих способов основные черты одинаковы; параллельно мгновенному восприятию и выражению импульса идет мгновенная когнитивная реакция. Недостаточным аффективным структурам, составляющим основу интеграционного развития прихоти или импульса, соответствует недостаточность когнитивного процесса. Например у импульсивных людей не хватает таких частей когнитивного процесса, как твердое чувство объективности, независимой реальности, непрерывности, времени и так далее. Однако эту область еще предстоит исследовать.

Прежде чем преступить к рассмотрению двух вариантов импульсивного стиля, я хотел бы вернуться к проблеме, о которой я упомянул во вступлении. Я считаю, что это

основная проблема в понимании импульсивных людей и при общении с ними, а ее решение вместе с тем помогло бы подвести некоторые итоги их стиля.

Проблему можно представить в виде вопроса, заданного импульсивным пациентом.

«Видите ли, я не могу себя контролировать. Я не могу контролировать эти импульсы. Я знаю, что люди правы, говоря, что я наживу себе неприятности, но я ничего не могу поделать. Вы должны согласиться, что я ничего не могу поделать. Я знаю, что вы детерминист и признаете власть бессознательного. Вы со мной согласны?»

Как ответить на этот вопрос, ответить не только пациенту, но и самому себе? Как примирить то, что мы действительно детерминисты и признаем бессознательные силы, — с ощущением, что человек просто пользуется этим фактом? Психиатрический взгляд на человека как на марионетку вряд ли нам поможет; он просто вынудит нас ответить «да». Но есть и другой ответ.

Нет, я не согласен с твоим утверждением, ведь когда ты говоришь, что «не можешь» остановиться, то подразумеваешь, что хочешь остановиться; или, по крайней мере, этого хочет твое сознание. Я не думаю, что это так. Скорее всего, у тебя по этому поводу возникают смешанные чувства. Ты чувствуешь, что другие считают, что тебе следует остановиться; ты и сам чувствуешь, что следует остановиться, тебе неприятно, что ты не останавливаешься, а если ты будешь считать, что не останавливаешься добровольно, тебе будет неприятно вдвойне. Но захотеть остановиться — совсем другое дело.

Ты упомянул об отдаленной возможности появления неприятностей, но об этом я скажу почти тоже самое. Ты чувствуешь, что должен обращать внимание на отдаленные возможности, интересоваться ими больше, чем немедленным удовлетворением. Но я не думаю, что они для тебя важны, что ты в них заинтересован.

Так что я не согласен с твоим утверждением, что ты «не можешь остановиться», поскольку не думаю, что ты сознательно заинтересован в том, чтобы остановиться. Но ты прав в одном: я детерминист и не верю, что кто-то другой может контролировать твою заинтересованность¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

William Krasner «Hoodlum Priest and Respectable Convicts,» *Harper's Magazine*, 222 (February 1961), p. 62.

¹ Но иногда оно крайне замаскировано — например, у обсессивно-компульсивных и параноидальных личностей.

^a Насколько я знаю, эта черта присутствует только еще в одном патологическом случае — у гипоманиака. Ряд других признаков также говорит о важном формальном родстве между гипоманиаком и импульсивным состоянием. Родство другого рода уже известно психоанализу. См. Otto Fenichel, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (New York: Norton, 1945), p.410.

^d Но описание непреднамеренности импульсивного действия следует квалифицировать. У импульсивных людей возникают трудности с долгосрочным планированием. В краткосрочном планировании участвуют другие процессы, и часто оно бывает очень хорошо развито (я разберу это позже).

⁴ Этот же термин был использован Дэвидом Рапапортом в сходном описании. David Rapaport, Roy Shafer, and Merton Gill, *Diagnostic Psychological Testing*, Vol.2 (Chicago: Yearbook Publishers, 1945).

⁵ Под моральным аспектом я имею в виду, что мораль должна как-то подняться над

психологической необходимостью. Правда, я не знаю, понимается ли обычно «терпимость» в этом смысле или в смысле «дозволенности».

^h Недавно Жан Пиаже провел подобный анализ «воли». Он полагает, например, что борьба с отвлекающими желаниями, с целью продолжить работу, основывалась на том, что человек больше заинтересован в продолжении работы, а, значит, воля зависит от существования долговременных целей и ценностей. Он подводит итог: «Иметь волю — означает иметь постоянную шкалу ценностей... И наоборот, не иметь воли — значит иметь только нестабильные и мимолетные ценности, не иметь способности опереться на постоянную шкалу ценностей». Jean Piaget, «Will and Action», *Bulletin of the Menninger Clinic*, 26, No.3 (May 1962), 144.

^l Читатель должен понимать, что подобные описания всегда относительны. Мышление никогда не может быть полностью пассивным или твердым. И, конечно же, этого не бывает у непсихопатов. Я говорю о прослеживаемой тенденции.

^m Здесь значение термина «пассивный» сходно со значением, данным Дэвидом Рапапортом в книге «Some Metapsychological Considerations Concerning Activity and Passivity» (unpublished MS, 1953). Также см. David Shapiro, «Color Respose and Perceptual Passivity», *Journal of Projective Techniques*, 20, No.1 (1956), 52-69.

⁴ Это очень хорошо знакомо людям, которые проводят психологические тесты. Например, у импульсивных людей получаются довольно плохие результаты по арифметическому тесту Wechsler-Bellevue. Кроме того, они характерно ведут себя во время теста Роршаха — смотрят невнимательно, не разглядывая картинку.

¹⁽¹⁾ Эта формулировка многим обязана идеям Хеллмута Кайзера. См. Hellmuth Kaiser, «The Problem of Responsibility in Psychotherapy», *Psychiatry*, 18, No.3 (1955), 208-209.

ИМПУЛЬСИВНЫЕ СТИЛИ: ВАРИАНТЫ

В этой главе мы кратко рассмотрим определенные черты двух особых вариантов импульсивного стиля: а именно психопатический характер и пассивный характер. Эти варианты не только важны и интересны, но и представляют собой две его крайности.

ПСИХОПАТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Психопат во многом представляет собой модель импульсивного стиля. Он постоянно находится в состоянии, в котором другие оказываются только временно. Он действует по прихоти, его цель — немедленное достижение цели, и это единственное, что его интересует. Поведение психопата очень переменчиво, зато весьма эффективно для достижения текущих целей. Я постараюсь показать, что определенные психопатические черты (например, отсутствие совести и склонность к уклончивости и обману) соответствуют общим формам импульсивной деятельности и могут считаться особым случаем в рамках общего стиля.

Мораль и совесть

В психоанализе считается, что суперэго возникает, когда врожденные инстинкты ребенка сталкиваются с внешними авторитетами и запретами, и в результате происходит интернализация (интропроекция) авторитетов и запретов. Таким образом за формирование специфической индивидуальной формы суперэго отвечают два источника: первый — специфическое, индивидуальное качество и интенсивность инстинктивного состояния ребенка, и второй, основной, — природа доступного для интернализации материала. Например, патология суперэго обычно соотносится с отсутствием, несоответствием или чрезмерной жесткостью родительского авторитета.

К двум основным источникам, определяющим качество суперэго, можно добавить и третий: статус различных функций эго (в особенности, существующую модель мышления, преобладающие формы эмоционального восприятия и т. п.), которые могут вовлекаться в процесс трансформации внешнего авторитета во внутренние склонности, восприятия и аффекты. Однако, что бы мы не считали источниками появления суперэго, нет сомнений в том, что взрослая форма суперэго, или, точнее, форма компонентов и проявлений суперэго, присутствующих в сознательном субъективном восприятии личности, — форма совести, моральных ценностей и тому подобного — всегда зависит от модели мышления и восприятия.

Здесь возникает вопрос: какие общие модели мышления и субъективного восприятия необходимы для существования нормальных моральных ценностей и совести? Можно задать и еще один вопрос: возможно ли существование нормальных моральных ценностей и совести в контексте импульсивной модели деятельности? Я постараюсь ответить на эти вопросы, хотя ответы будут краткими и неполными.

С этой целью лучше отделить проблему моральных ценностей от проблемы совести. Сначала давайте рассмотрим природу моральных ценностей — моральных ценностей, выражающихся в интересах или целях. Такие моральные ценности, как справедливость, истина или честность прежде всего являются крайне абстрактными интересами или целями. Это идеалы. Их цель — соответствие абстрактному принципу, они рассчитаны на долгий срок, и получаемое удовлетворение неосяземо и часто неполно. В определенном смысле, это не личные ценности, поскольку они более или менее объективно определены и относительно независимы и отдалены от временных предпочтений и интересов личности. Например, справедливые действия могут принести конкретному человеку пользу, а могут — вред. Но если справедливость является важной ценностью то, даже если она нанесет вред, человек может предпочесть справедливость собственной выгоде. Другими словами, эти ценности и, возможно, идеи, могут рассматриваться, как высокоразвитые цели или интересы; они отличаются от стремления к немедленному удовлетворению не только содержанием, но и формой.

Таким образом, для существования моральных ценностей требуется определенный уровень эмоционального развития, способность аффективного вовлечения в неосязаемые интересы, относительно далекие от личных потребностей. Кроме того имеется сходство, что для их существования необходимо определенное когнитивное развитие — умение видеть перспективу и способность размышлять, — это неотъемлемая часть уважения к принципам. Поэтому неудивительно, что такие моральные ценности как справедливость обычно развиваются у детей медленно и постепенно.¹ Трудно себе вообразить, что подобные ценности разовьются в контексте стиля, в котором интересы ограничены немедленным достижением и удовлетворением, а в сознании доминирует все, что относится к личности.

Можно возразить, что моральные ценности не обязательно основаны на уважении к абстрактным принципам и идеям и могут включать в себя более практичные личные интересы. Так, гуманист может возразить, что его интерес к социальной справедливости, — это не только вопрос принципа, но и сочувствие к людям; социолог может сказать, что уважение к закону и социальной регуляции является социальной необходимостью и потенциально защищает каждого; ученый может сказать, что ценит истину, потому что наука без нее невозможна; художник может сказать, что предъявляет к себе высокие требования лишь потому, что любит искусство.

Безусловно, абстрактные моральные ценности, уважение к принципам и идеям, обычно существуют в контексте других, квазиморальных ценностей и социальных,

идеологических, интеллектуальных или даже эстетических интересов. Но все эти ценности, цели или интересы весьма абстрактны, направлены на перспективу и достаточно удалены от конкретной выгоды, которую человек может получить в ближайшее время. Очень часто эти ценности даже противоречат конкретной выгоде. Иными словами, это высокоразвитые, стабильные и постоянные цели или интересы, для которых требуется относительно высокоразвитая аффективная организация, выходящая вместе с познанием, без особенных волнений за пределы данного момента. Эти квазиморальные ценности и интересы почти неотделимы от моральных идеалов, и потому едва ли могут появиться у импульсивного человека. У него отсутствуют необходимые для этого аффективные и когнитивные структуры.

Наличие совести ни в коем случае не эквивалентно уважению к моральным ценностям. Совесть включает в себя различающее восприятие — «мне следует» или «я должен» (см. Гл.2). «Я должен» всегда подразумевает ссылку на моральный стандарт, иногда в форме общего морального принципа, а иногда — просто в форме конкретного авторитета, уважаемого человека. Для этого нужно посмотреть на себя и свои действия с точки зрения принципа или авторитета, что часто приносит разочарование. Именно этот квази-внешний взгляд на себя мы имеем в виду, говоря о «внутреннем голосе» или «голосе совести».

Таким образом совесть зависит от способности личности отстраниться от себя и самокритично себя исследовать. Самокритичное изучение черты поведения — а в обсессивно-компульсивном случае, изучение всех черт поведения — с точки зрения морального стандарта, иногда включает в себя достаточно абстрактные аспекты. Изучаться может не только практическое значение черты поведения (а также мысли или мотива), но и потенциальная моральная важность: что это «значит» для морали, каковы будут последствия и т. п.

Например, пациент решил, что нехорошо посещать проститутку, потому что этот поступок поддерживает институт проституции, который служит злу и несправедливости; он не рассматривал конкретные последствия такого действия.

Даже если самокритичное изучение исходит из более конкретной точки зрения — например, чтобы мой отец (учитель,...) об этом бы подумал — для него требуется отстраненное внимание, фокусируемое на собственных мыслях или поведении, рассмотрение их с особой точки зрения.

Такое отстраненное и самокритичное внимание более всего характерно для обсессивно-компульсивного стиля; такая форма мышления проявляется в совести, в сомнениях и в характерном обсессивном симптоме, — в беспокойстве. Но эта форма мышления чужда импульсивному стилю. Я не хочу утверждать, что импульсивные люди никогда не испытывают уколов совести. Я лишь хочу сказать, что чем более импульсивным является человек, тем более ограничена у него совесть.

Эгоцентрическая когнитивная ориентация и пассивная конкретность познания несовместимы с таким самокритичным изучением. Я попытался показать, что общие ограничения этого стиля мышления, критической самооценки и активного ищущего внимания таковы, что нарушают даже обычное суждение и логическую объективность. При таких условиях не может развиваться ни самокритичный «внутренний голос», ни совесть. А может ли мышление, отвергающее даже очевидную логическую значимость ради сиюминутных личных впечатлений, обратить внимание на потенциальную моральную значимость? Иначе говоря, человек, поддающийся искушению что-либо сделать и не задумывающийся над тем, какие будут последствия через два месяца, вряд ли будет рассматривать свое действие с точки зрения абстрактной морали и не

задумается, что значило бы такое поведение для социального устройства, если бы так делал каждый и т. д.

Остается добавить лишь одну деталь. Человек, не привычный и не способный к самокритичному мышлению, которое является фундаментом совести, лишен и другого фундамента как в действиях, так и в субъективном восприятии действий. У такого человека почти отсутствует субъективное ощущение свободы воли и намерения, и крайне сжата фаза подготовки к действию. Дело не только в том, что эта подготовительная фаза (планирование, ожидание и тому подобное) создают важнейшую возможность для деятельности совести. Не менее важно то, что для ощущения моральной ответственности требуется чувство реальной ответственности, то есть намеренности, свободы воли и свободы выбора. Если человек действует слишком быстро и не успевает почувствовать груз желания, размышления, решения и последующего действия, то исчезает не только время, но и сам материал для деятельности совести.

Это можно увидеть на примере психопатов. К действию, которое у любого другого вызвало бы муки совести, они относятся по принципу «на войне как на войне». «Это ужасно, но никто не виноват - в этих условиях любой поступил бы так же.» В этом отношении отсутствует не только совесть, но и ощущение свободы действий, свободы выбора.

Например, во время телевизионного интервью у преступника спросили, почему он зверски застрелил стоявшего рядом охранника. Тот, пожав плечами, ответил, что этот (невооруженный) охранник двинулся ему навстречу, и он выстрелил чисто инстинктивно: так сделал бы любой другой. Он явно не догадывался об объективном существовании множества других возможностей — бегства, угрозы и тому подобного.

Таким образом, совесть и моральные ценности не являются отдельными психологическими элементами, а зависят от множества когнитивных и аффективных функций. Лишь в определенном контексте мораль будет развиваться и процветать, и, в свою очередь, влиять на более общие аспекты деятельности. В импульсивном стиле (включая и диагностические категории, которые я выделил в предыдущей главе) моральные ценности сравнительно неразвиты и не оказывают существенного влияния, а совесть оказывается поверхностной. Но эту черту выделяют особо, и она стала основной (хоть это и неверно) отличительной чертой импульсивного стиля, более примитивного в аффективном и когнитивном отношении, который мы диагностируем как психопатический характер. Психопат не обязательно отвергает мораль, и уж конечно, он не отвергает условную мораль принципиально, ради других, независимых ценностей. Вернее будет сказать, что мораль ему просто не интересна. То есть, ему не интересно верить в систему моральных ценностей или принципов, хотя он сознает существование социальной морали и мирится с ней, если ему это выгодно. С точки зрения морали, он — циничный человек; но с его собственной конкретной и практической точки зрения, он всего лишь поступает в соответствии со здравым смыслом.¹²

Психопатическая неискренность и ложь. Неискренность и ложь — обычные психопатические черты, и они явно связаны с дефицитом моральных ценностей и совести. Здесь есть две возможности. Первая: эти черты просто вытекают из отсутствия совести, чувства ответственности, которое заставляет быть правдивым или искренним; я считаю, что это мнение наиболее распространено. Но есть и другая возможность, и мне она кажется более похожей на истину: отсутствие совести и морали с одной стороны, и неискренность и ложь, с другой, независимо друг от друга связаны с одними и теми же психопатическими моделями функционирования. Эту точку зрения подтверждают интересные результаты психологических тестов. Психологи обнаружили, что тенденцию

к фабрикации можно выявить с помощью проективного теста, несмотря на то, что эти тесты требуют лишь воображения, а не фактов. То есть в этих тестах нет необходимости «говорить правду», нет возможности солгать, и совесть никак не может быть задействована; но при этом возможно идентифицировать определенные формы мышления, характерные для людей, склонных ко лжи и неискренности. Тут возникает вопрос: какие специфические формы мышления характерны для психопатической фабрикации?

Сам по себе факт, что психопаты способны лгать и быть неискренними, не отличает их от остальных людей. И то, что они бывают неискренними чаще других, характеризует их лишь приблизительно, поскольку любой человек может оказаться в ситуации, где придется лгать и говорить неправду. Но психопата отличает то, что он врет легко и не задумываясь. Он, то что называется, «трепло».

Слово «трепло» описывает особую и, в некоторых аспектах, крайнюю форму импульсивного стиля мышления и поведения. То есть, мысль не является результатом обдумывания, это лишь впечатление или мимолетная идея, которая выражается без критического изучения. Он говорит то, «что приходит в голову». И на конкретный вопрос, и на чернильное пятно Роршаха он отвечает, что попало, в зависимости от прихоти или обстоятельств данного момента.

Именно из-за этого создается впечатление, что он «на самом деле» не думает то, что говорит, независимо оттого, говорит он правду или нет. И, конечно же, через пять минут он не побоится сказать что-нибудь совершенно противоположное. У него отсутствует объективность, намерение и интерес к логическим связям, которые характерны для обычного человека, даже когда он имеет дело с воображаемыми материалами и отбрасывает привычные стандарты истины. Дело не в том, что у обычного человека есть мораль и совесть, а у психопата их нет; дело в интересе и в автоматической когнитивной тенденции. Болтливость и несамокритичные идеи и мышление психопата сами по себе не являются ложью и неискренностью, но они сужают и замутняют субъективную дистанцию между искренностью и неискренностью и создают основу для бездумной, характерной для психопата неискренности. Болтливость является критической чертой, по которой психолог с помощью проективного теста может выявить склонность ко лжи.

Но хотя болтливость позволяет понять легкость и бездумность такой неискренности, она по-прежнему не объясняет, какова цель этой неискренности с точки зрения самого психопата.

Например, пациент-психопат входит в кабинет психолога, где он должен пройти тест Роршаха. Он заявляет, что ему очень интересно пройти этот тест и он давно уже этим тестом интересовался. Его поведение явно неискренне, а его утверждение — скорее всего ложь;

но что же в действительности заставляет его быть неискренним?

Как правило, ответ очень простой. Весьма вероятно, что его цель — произвести на психолога впечатление, разоружить его или что-нибудь еще в этом роде. Но безусловно такие мотивы присутствуют не только у психопатов; при подобных обстоятельствах эта цель очень распространена. Тогда чем же отличаются в этой ситуации точка зрения психопата и его цели? Ответ подсказывает другая черта его познания, характерная для импульсивного стиля.

В интересах и во внимании импульсивного человека, как правило, доминирует все, что относится конкретно к этому человеку в данный момент времени. У психопата это ограничение интересов принимает особую, крайнюю форму. Он постоянно «действует»,

он стремится к немедленной практической выгоде, и его внимание сосредоточено на тех аспектах ситуации, которые делают его цели достижимыми. Он настолько погружен в возможности и потребности каждой конкретной ситуации, что идея завоевать чье-то доверие, разоружить его или впечатлять, становится центральной и доминирующей целью, а не периферийной и случайной. Это не помогает, но оказывает влияние на общение психопата,

В нормальном общении всегда присутствует определенная отстраненность и объективный интерес к содержанию разговора. Например, вопрос «Когда ты пошел в школу?» можно задать в самых разных условиях, по предполагается, что в любых условиях мы получим один и тот же ответ (если, конечно, это они не какие-то экстраординарные). Конечно, мы не ожидаем совершенства и не удивляемся, когда невротик пытается, сам того не осознавая, использовать мнимое общение, чтобы произвести впечатление на свою аудиторию. Но мы все же ожидаем, что к содержанию общения будет выражен хоть какой-то уровень отстраненного интереса; фактически, отстраненность или объективность настолько неотъемлемы от нормального общения, что очень трудно понять, что произойдет, если они исчезнут.

У психопата же эгоцентрический интерес к конкретным обстоятельствам общения перевешивает отстраненный интерес к объективному содержанию. Попросту говоря, его больше интересует, какие возможности дает эта ситуация, а не то, что ему говорят. Он заинтересован (в том числе и сознательно), не в том, что он говорит, а в том, как это работает. И снова мы понимаем, что дело не в морали и совести, а в ограничениях и направлении интереса и внимания.

Эти две тенденции: с одной стороны, несамокритичная болтливость, интерес — а с другой стороны, осознание, которые направлены на конкретные, относящиеся к самой личности стороны общения, — работают вместе и создают бездумную неискренность психопата. Возможно ли, что в этом стиле деятельности мораль и совесть также имеются в наличии, но не могут проявиться? Скорее всего, мораль и совесть здесь почти не развиты, и ответ на этот вопрос не очень важен. Теперь можно понять, что большая часть «антисоциального» поведения психопатов не просто является следствием дефицита моральных ценностей и совести, но и обусловлена крайними формами различных черт импульсивного стиля — эгоцентричной точкой зрения; отсутствием целей и ценностей, помимо сиюминутных; быстрыми действиями и отсутствием намерения.

ПАССИВНЫЙ, «СЛАБЫЙ» ХАРАКТЕР

Я уже указывал причины, по которым крайне пассивные характеры следует считать вариантами импульсивного стиля, и теперь мне хотелось бы подробнее объяснить свою точку зрения. Это объяснение необходимо, поскольку объединение в одну группу пассивных людей, для которых характерно отсутствие активности, и активно ориентированных импульсивных людей с описательной точки зрения может показаться странным. Но на практике, даже следуя этой точке зрения, различия становятся не так уж велики, и многие люди, например алкоголики, могут быть одновременно названы и «пассивными» и «импульсивными».

И у тех, и у других явно отсутствуют спланированные, долговременные действия, связанные с чувством намерения. Говоря более конкретно, прежде всего, у них наблюдается очень близкое сходство субъективного восприятия действия и мотивации, сходство, которое не отражено обычной описательной терминологией. Характерное пассивное ощущение «слабости» — неспособности противиться искушению — ощущение, что человека соблазнили или подтолкнули к действию, ощущение, что он «не

устоял» — здесь везде содержится одинаковое искажение нормального чувства намерения и частичная или мимолетная мотивация, характеризующая импульсивный стиль в целом. И в пассивном, и в импульсивном характере недостаток намерения формирует ядро защитного отказа от ответственности, особенно в форме так называемой экстернализации ответственности. Более того, и в пассивном, и в импульсивном характере недостаток намерения ассоциируется с «сокращением» интеграционных процессов.

Пассивные характеры можно разделить на две группы: в одной преобладает пассивная импульсивность (неспособность «устоять» перед искушением), в другой доминирует пассивное подчинение (неспособность «устоять» перед давлением). Очевидно, что первая группа связана с общим импульсивным стилем, в то время как вторая, пассивно-подчиненная, является более специфическим вариантом этого стиля и требует дальнейших обсуждений. По сравнению с чисто импульсивными или пассивными характерами, пассивно-подчиненные люди ведут наименее разбросанную жизнь, они не бросаются из стороны в сторону и не плывут бесцельно; они плывут, слегка маневрируя в основном течении. Эти люди находят внешнее давление, которое обретает огромное значение в их субъективном восприятии, именно из-за дефицита автономного направления. Внешнее давление выполняет определенные психологические функции, которые обычно свойственно внутренним системам.

Одним таким пациентом был тридцатипятилетний гомосексуалист. Он был очень способным актером, но работал лишь от случая к случаю, и, естественно, не мог сделать карьеру. Он считал, что течение его жизни (где он жил, с кем общался, кем работал) было обусловлено различными видами давления и случайными обстоятельствами. Короче говоря, он чувствовал, что всю свою жизнь постоянно «сдавался». Так, он был соблазнен к вступлению в гомосексуальную связь, а затем партнеры принуждали его продолжать гомосексуальную жизнь. Такой-то человек «настаивал», чтобы он переехал туда-то или сделал то-то. На самом деле, он вел тихую и (если не считать его гомосексуальности) благопристойную жизнь, но полагал, что это происходит из-за его беспокойства, что могут подумать соседи, босс и другие люди, а не потому, что он хочет вести такую жизнь.

В общем, он считал, что его жизнью управляли внешние обстоятельства и давление; он мог определить, какое обстоятельство или человек ответственны за каждое его действие. Однако, с объективной точки зрения, ни одно из этих обстоятельств не выглядело убедительным. К тому же можно было заметить определенную последовательность и цельность в событиях его жизни, и понять, что он принимал решения и все-таки что-то планировал. Иными словами, пациент преувеличивал степень своей зависимости от случайных внешних обстоятельств; заметно, что все эти обстоятельства были определенным образом отобраны. С другой стороны, несомненно, что внешнее давление влияло на ход его жизни, и он множество раз не мог перед ним «устоять». Это подтверждает то обстоятельство, что в его жизни до определенной степени отсутствовали цели и активные планы. Как следует понимать этот процесс?

Нельзя рассматривать активное планирование с точки зрения «все или ничего». Пассивно-подчиненные люди могут планировать, но планируют они очень смутно.⁴ У них могут быть и относительно долгосрочные намерения, цели и интересы (более долговременные, чем у типичных импульсивных личностей), но тоже смутные и неопределенные. Такое состояние импрессивного искушения или принуждающего давления вызовет не нормальную отстраненную или заинтересованную реакцию, а резкое действие, мгновенную реакцию, в которой «сокращены» все дальнейшие

интеграционные процессы.

В сущности часто пассивно-подчиненные люди находятся в ожидании внешних обстоятельств — давления или искушения (или, как часто бывало в случае с последним пациентом, соблазнения, в котором объединяются элементы давления и искушения) — и это ускоряет преобразование смутного намерения в действие. Иногда ожидание принимает изощренные и специфические формы, как в случае с одним пациентом, который говорил, что не знает, хочется ли ему играть в карты, но он «вроде хотел бы пойти» туда, где, возможно, его будут уговаривать присоединиться к игре, и прибавлял, что он «всегда может принять решение, когда придет время».

Но не только то давление или искушение, которое сталкивается со смутным намерением, кристаллизует его в необдуманное действие пассивно-подчиненного человека. Оказывает влияние даже самое удаленное от смутного намерения давление, поскольку отсутствуют четкие и определенные намерения и цели и критическое, отстраненное отношение. Таким людям довольно легко прочищать мозги.

Я хотел бы обсудить определенные черты этого процесса и проиллюстрировать его на примере вышеописанного гомосексуального пациента.

Этот пациент думал о вечеринке со смутным предчувствием, что может встретить там нового сексуального партнера. Получилось так, что к нему подошел человек, который не показался ему «особенно» привлекательным. Но несмотря на это, когда тот человек стал настаивать, пациент, как он говорит, «не устоял». Он рассказал, что в конце концов подумал: «А почему бы и нет? Он не так уж плохо выглядит. И тот (другой человек) действительно очень сильно этого хотел».

Конечно, можно уступить другому, например другу, потому что он тебе нравится и ты неравнодушен к его благополучию и счастью. Такая уступчивость объективно не выглядит и субъективно не ощущается, как «неспособность устоять». Такая уступка, возникающая из подлинного согласия с чужой точкой зрения, включает в себя активное суждение, внимание к давлению или просьбе, ясное осознание альтернативных вариантов и, наконец, выбор, намеренное и сознательное действие. Однако, этот пациент уступил совсем по-другому. Он, конечно же, не пришел к подлинному согласию с чужим интересом; он ясно выразил это в своей последней фразе: «И он действительно очень сильно этого хотел». Вместе с тем нельзя сказать, что его действие было вызвано вниманием или интересом к нуждам другого человека. Фактически, очень маловероятно, что он проявлял особый интерес к благополучию и счастью этого человека. Его уступка (так же как и уступки подобных людей в целом) основана не на эмпатическом понимании чужих потребностей и не на желании доставить удовольствие другим, а на конкретном ощущении силы, с которой эти потребности преподносятся, и на желании немедленно избавиться от давления. Если эмпатический человек хочет удовлетворить друга, ему не важно, выразил ли тот свою просьбу тихо или громко, но для пассивного человека это имеет решающее значение. Так что, когда пациент говорит: «Он действительно очень сильно этого хотел», в действительности он имеет в виду следующее: «Он очень на этом настаивал».

Когда пассивный человек говорит, объясняя свое действие: «Но он думал, что я так поступлю», можно с легкостью ответить: «И вы явно считали, что обязаны поступить в соответствии с его мнением». Получив такой ответ, пассивный человек часто с удивлением понимает, что ситуация теперь выглядит совершенно по-новому. В фокус его внимания попадает объективный факт, что у него был выбор. Он не смотрел на внешнее давление (мнение другого человека) отстраненно, он его не рассматривал и не оценивал; он просто ощутил силу этого давления.

В результате этого процесса появляется не выбор одного из альтернативных вариантов, а суждение, прерванное неопределенностью альтернативных возможностей; интеграционный процесс не завершается относительно гладким действием, вместо этого происходит психологически незрелая кристаллизация смутного намерения в резкое действие; отсутствует субъективное чувство намерения и желания, его место занимает частичная, неполная мотивация. Короче говоря, это можно назвать импульсивной моделью действия.

Следует добавить, что неспособность пассивного человека «устоять», так же как и «импульс, которому невозможно сопротивляться» импульсивного человека, нельзя считать всего лишь объективным доказательством того, что эти люди хотели бы что-то изменить, но не могут. Они не просто неспособны что-нибудь изменить; они неспособны захотеть изменений. Таким образом, когда человек ощущает, что не может «устоять», он не чувствует, что его захлестывает внешняя сила, просто в этот момент он теряет интерес к сопротивлению этой силе.

Интересно отметить (как можно было понять из вышеприведенного примера), что мужчины-гомосексуалисты часто характеризуются пассивным или пассивно-импульсивным стилем деятельности, а также когнитивными, аффективными и активными системами, которые он в себя включает. Так, эти люди часто ведут подобный образ жизни — плывут по течению без особых планов, хотя и не бросаются из стороны в сторону. Однако особенно интересно, что этот стиль деятельности может помочь нам понять определенные черты их сексуальности.

Отклонения в гомосексуальной сексуальности вовсе не ограничены выбором объекта или доминантной эрогенной зоной, хотя в психиатрических исследованиях именно эти отклонения занимают центральное место. Такие люди часто характеризуются гиперчувствительностью и, в определенном смысле, гиперсексуальностью (по сравнению с нормальной сексуальностью). Часто в их жизни доминирует сексуально-чувственная активность — очень частая сексуальная активность, основанная на прихоти, сексуальность, в которой чувственный интерес преобладает над аффективным, и даже чувственный интерес выглядит очень неясным, крайне эгоцентрической сексуальностью, которая может не включать в себя дальнейшее общение с партнером. Мне кажется, что такую чувственность нельзя удовлетворительно объяснить ни социальными условиями, ни добавочными фиксациями, включающими в себя специфическое содержание.¹¹ Скорее всего, именно такая сексуальная активность и восприятие импульса соответствуют общим формам функционирования этого стиля.

В общем, я хочу сказать, что системы аффектов, действий и субъективного восприятия, характеризующие человека, действуют и в его сексуальной жизни. Теперь мы подошли к более общим вопросам, представляющим для нас определенный интерес. Я имею в виду общую проблему связи между инстинктивной ориентацией или содержанием инстинктов и стилем деятельности, а также более специфическую проблему связи между полом (мужским или женским) и формой (или «выбором») невроза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Jean Piaget, *The Moral Judgment of Children* (Glencoe, 111.: Free Press, n.d.).

² Я знаю, что многие психиатры и психологи, особенно те, у которых не было особого опыта работы в институте, будут отрицать, что в совести или морали есть какие-либо отличия, кроме отличий в содержании, и будут даже отрицать существование

«старомодных психопатов». Я не верю, что в каком-либо стиле существуют чистые типы; но думаю, что такие люди не замечают простых фактов, возможно, потому, что увлечены психологической динамикой и ментальными содержаниями

^я Хеллмут Кайзер выдвинул точку зрения, что такое искажение процесса общения является симптомом любого невроза. См. Louis B. Fierman, ed., *Effective Psychotherapy: The Contribution of Hellmuth Kaiser* (New York: The Free Press of Glencoe, 1965).

⁴ С точки зрения динамики, можно добавить, что они явно уклоняются от более определенных, конкретных планов.

^д Эти люди часто «вроде хотели бы сделать» что-то, они «вроде бы думают», «вроде бы чувствуют голод», и тому подобное. Это не просто вебральные маннеризмы или вебральные защитные операции, это отражение реального дефицита и стремления избежать четкости выражения мотивации или чувства. Например, специфической фиксацией на ощущениях кожи. См. Otto Fenichel, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (New York: Norton, 1945) p.374.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ

В этой главе я хотел бы представить более общий взгляд на стили и рассмотреть некоторые проблемы. Я не хочу сказать, что рассматриваемая здесь теория обязательна для клинических исследований. Я лишь постарался обобщить свои клинические исследования человеческой деятельности и развития стилей и ответить на некоторые (иногда очень трудные) вопросы.

Сначала мне хотелось бы коснуться вопросов, связанных с возникновением и развитием стилей. Где лежат их истоки? Насколько они опираются на врожденные психологические структуры? Как влияют на их развитие инстинктивные влечения? И продолжая тему связи стилей и инстинктов: каково их значение для контроля и регуляции напряжения влечения? И, наконец, как соотносятся стиль и защита?

ИСХОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Как мы себе представляем истоки стабильных психологических стилей? Имеем ли мы право сказать, что некий элементарный стиль существует даже у новорожденного ребенка? А если так, что определяет путь его развития? Можно с уверенностью сказать, что способность и психологическое оснащение для рассмотренных нами общих функций — познания, аффективного восприятия и т. п. — в зачаточной форме является частью человеческой конституции. Элементы этого оснащения — чувствующий и воспринимающий аппарат, аппарат памяти, аффективные или, по крайней мере, воспроизводящие напряжение системы и т. п. — действуют с самого рождения. Кроме того, очевидно, что благодаря индивидуальным различиям во врожденных системах, одни функции развиваются лучше других, поэтому такие различия можно считать независимыми источниками индивидуальных стилей. Это вполне понятно и очевидно.

Но как же более конкретно определить связь между врожденными психологическими системами и происхождением психологического стиля? Огромное расстояние отделяет врожденные, неразвитые психологические системы младенца, находящегося во власти внутренних напряжений, обобщенных, относительно стабильных систем деятельности, которые можно назвать стилями. Однако я попытаюсь показать, что если по-иному скомбинировать элементы этой картины, можно яснее увидеть связь между врожденными системами и методом деятельности, и понять, что врожденные системы создают более прочную основу для развития индивидуального

стиля, чем может показаться на первый взгляд.

Во-первых, нельзя считать, что врожденные психологические системы состоят лишь из нескольких частей — напряжения и сенсорных порогов, когнитивного аппарата и т. п.. Мы еще не в состоянии составить адекватный перечень этих систем, но это не значит, что мы не можем понять их значимость. Фактически, если на секунду забыть об инстинктивных влечениях, именно эти системы составляют человеческую сущность новорожденного ребенка.

Однако неверно считать, что различные элементы этой системы изолированы и не пересекаются между собой. Например, готовность младенца сосать, готовность реагировать на определенный объект и быстрое развитие ожидания по отношению к объекту свидетельствуют об организованной взаимосвязи памяти, аппарата восприятия, паттернов активности и т. д. Иными словами, мы можем сказать, что эти системы включают в себя относительно сложную врожденную структуру. Таким образом, полученная картина далека от нескольких элементов, рассеянных по инстинктивному напряжению. Трудно себе представить, что любое биологическое напряжение может психологически проявиться без посредничества того или иного аспекта этой структуры, даже если это посредничество изначально примитивно и неспецифично. Тем самым я хочу сказать, что структура врожденных психологических систем организует и придает форму влечениям, внешним стимулам и, в общем, всем психологическим напряжениям. Если говорить точнее, врожденный аппарат с самого начала организует и придает форму субъективному восприятию внутренних напряжений и внешних стимулов.

Таким образом, ощущение голода, желания сосать, температуры, света, соска, улыбки, — все это отражает биологические напряжения или внешние раздражители, которые обрели форму в субъективном восприятии благодаря врожденным психологическим системам младенца, системам внешних и телесных ощущений, напряжения, порога чувствительности и т. п. Из-за индивидуальных различий в этих системах возникают различия в восприятии напряжений и раздражителей. Дальнейшие различия, например, способность к ожиданию и пониманию, без которой невозможно узнавание объекта, также включаются в процесс субъективной организации напряжения и благодаря этому, в одном случае, напряжения воспринимаются в более конкретной форме, а в другом — в более размытой. И так далее.

Поняв, что существуют врожденные организационные и формирующие структуры психологических систем (думаю, все эти системы в целом можно назвать «врожденной организационной структурой»), мы уже не можем считать, что младенец является беспомощной жертвой собственных инстинктивных влечений. Поскольку у него есть способности к организации напряжений, он не является только пассивным исполнителем, и его поведение не целиком и полностью зависит от биологических влечений и внешних раздражителей. Можно сказать, что младенец существует психологически, и его психология создает автономный фактор, влияющий на его поведение. Я также считаю, что в определенном смысле можно говорить о зарождении психологического стиля, психологической деятельности, которое является не только результатом влечений и раздражителей, но и результатом ментального организационного процесса личности.

Разумеется, на модификацию, развитие и дифференциацию «врожденной организационной структуры» непосредственное влияние оказывает внешний мир. Существование такой структуры подразумевает не только актуальную деятельность личности, но и ее дальнейшее развитие. Если организация внутренних напряжений и внешних раздражителей существует изначально, тогда все, что успешно влияет на

развитие (включая и внешние и внутренние влияния), организуется в соответствии с формами деятельности, формами субъективного восприятия, познания и т. п., которые преобладают в данный момент. Другими словами, развитие всегда происходит *через* существующие формы, а сами эти формы трансформируются изнутри, а не получая стимулов для изменения извне.

С этой точки зрения, возможно, легче понять *общие формы* деятельности, поскольку каждое новое развивающее влияние попадает под власть существующей организации. Вместе с тем становится ясно, что определенные развивающие влияния «включаются» в стиль, тогда как другие, какими бы мощными они ни были с объективной точки зрения, в него не «включаются», вследствие своей несовместимости с существующими формами деятельности или же им не за что там зацепиться. Если не придерживаться этой точки зрения — а считать, например, что изменение или развитие может произойти только под влиянием мощных внешних событий или объединения целых областей внешней реальности — тогда очень трудно понять само существование стилей или формального соответствия в деятельности.

Прежде, чем закончить с врожденными психологическими системами, я хотел бы добавить несколько слов по поводу того, до какой степени эти системы определяют *взрослые* стили. Я поясню, что имею в виду. Важное место, которое занимают врожденные психологические системы в происхождении психологического стиля, вовсе не означает, что врожденные факторы имеют такое же значение для полностью развитого и высокодифференцированного взрослого стиля. Наоборот, такие врожденные факторы могут отвечать лишь за форму общих, не высокодифференцированных и не специфических склонностей. Как правило, чем более специфична черта стиля, тем меньше ответственности несут за нее врожденные факторы. Однако может быть вполне вероятно, что общие тенденции стиля определяют врожденные факторы.

Интересным (хотя и не безупречным) примером этого является половое соотношение в различных невротических состояниях. Подавляющее большинство истерических пациентов — женщины, а среди обсессивно-компульсивных пациентов больше мужчин. Такое соотношение биологической половой принадлежности нельзя понять ни с точки зрения динамического или симптоматического содержания, ни даже с точки зрения специфических защитных механизмов, характеризующих невротические состояния. С формальной же точки зрения, легко увидеть, что, конечно, не существует специфических врожденных факторов, отвечающих за возникновение невроза, зато есть врожденные половые различия в общих тенденциях стиля, что отражается и на форме невроза, если он появился. Под половыми различиями в тенденциях стиля я имею в виду общую модель активности, определенные черты когнитивного аппарата и тому подобное.

ИНСТИНКТИВНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ И РАЗВИТИЕ СТИЛЯ

Вопрос не в том, влияют ли инстинктивные влечения на развитие психологического стиля, а в том, каким образом и насколько сильно они влияют. Когда появляются новые влечения с новыми потребностями и мотивацией, новым потенциалом субъективного восприятия, новыми объектами интереса и моделями активности, они неизбежно сталкиваются с существующей конфигурацией ментальных организующих форм. Но каков результат этого столкновения?

Наиболее простой вариант: каждая фаза инстинктивного развития переформирует деятельность мышления в соответствии с собственной моделью. Но эта концепция не выдерживает критики. Во-первых, просто отсутствуют факты, подтверждающие, что

таким радикальным изменениям подвержены когнитивные модели, общие формы субъективного восприятия и т. п.. Наоборот, мы видим, что они относительно стабильны и меняются медленно. Во-вторых, эта концепция не учитывает, что организующая структура существовала прежде *любой* новой развивающей силы. Какие бы качества, присущие напряженной потребности, ни пытались направить модифицирующую силу, например, на общую модель аффективного восприятия, эта модель, в первую очередь, сама будет влиять на аффективное качество напряженной потребности. В определенной степени это похоже на то, как люди учатся в соответствии со своими предыдущими представлениями; я не хочу сказать, что эти представления неизменны, но они безусловно порождают человеческую консервативность. В любом случае, столкновение новой напряженной потребности с существующей структурой организующих форм включает в себя их комплексное взаимодействие.

Давайте теперь, позабыв на какое-то время про все остальное, рассмотрим одну сторону этого взаимосвязанного процесса — природу модифицирующей силы, которую напряженная потребность стремится направить на данную структуру или ткань организующих форм. Столкновение заключается в том, что любая появившаяся напряженная потребность противостоит существующим формам всем своим потенциалом новых функций и новых свойственных этому потенциалу качеств восприятия. Он очень велик и не ограничен восприятием и функцией самого влечения. Напряженная потребность и ее модель — это лишь наиболее заметная часть новых проявлений, включающих в себя созревание новых физических и мышечных способностей и новых тенденций поведения.²

Поскольку влечение требует новой активности и интересов, оно затрагивает не только физические и мышечные, но и когнитивные способности. Оно помещает своего субъекта в новые отношения не только с физическим миром, но и с человеческим, социальным миром и таким образом затрагивает аффективные способности. Другими словами, в этом развитии есть потенциал для быстрого и экстенсивного появления новых психологических функций и субъективного опыта. Этот потенциал может произвести радикальные изменения в существующих организационных формах. Но это всего лишь потенциал. Тогда при каких условиях этот потенциал может найти свое проявление?

Напряженная потребность не возникает сразу в полностью развитой, конкретной форме. Напротив, сначала это крайне расплывчатое субъективное желание, направленное на внешние объекты или действия. Но этого расплывчатого желания вполне достаточно, чтобы переместить субъекта во внешний мир, приблизить его к действиям и к объекту, или, в случае с младенцем, заставить его вести себя так, чтобы объект приблизился к нему. В зависимости от внешнего объекта и внешних условий, первоначальное расплывчатое напряжение преобразуется в новое субъективное восприятие, в новые аффекты и удовлетворение, в новое поведение. Например, младенец сначала плачет не потому, что хочет, чтобы пришла мама, не потому, что ждет удовлетворения, даже не потому, что ему что-то нужно: он плачет, потому что испытывает дискомфорт. Мать реагирует, и младенец получает удовлетворение. Этот опыт повторяется, и постепенно расплывчатое напряжение преобразуется в напряжение более направленное, в потребность в матери.³ Вместе с этой направленностью появляется предчувствие удовлетворения, ощущение ожидания и доверия, благодаря которым становится легче переносить отсрочку удовлетворения.

Таким образом появляется множество новых аспектов субъективного восприятия. Развивается способность к предвидению, возникает аффективное восприятие, и под влиянием присущего влечению потенциала и внешних событий создается новая форма

организации напряженной потребности. Таким образом создается возможность удовлетворения.

Однако есть еще один фактор, определяющий особенности новых функций и субъективного восприятия, так как даже при совершенно одинаковых паттернах кормления, у разных младенцев развитие происходит по-разному. Этот добавочный фактор — изначальная структура организующих напряжение форм. Таким образом, влечение воспринимается в соответствии с качествами субъективного восприятия, которое определяется такими факторами, как порог напряжения, степень готовности к сосанию — у некоторых младенцев напряжение выражено в более конкретной форме, а у других в более расплывчатой — и так далее.

Можно найти еще много факторов, в какой-то степени влияющих на функции, задействованные в процессе кормления. Различия способности к предвидению позволяют одному младенцу быстрее, чем другому, развить ожидающую (или доверчивую) направленность напряжения. Из-за различий в двигательной координации и общих различиях в телесной чувствительности одного ребенка нужно качать во время кормления, а другого не нужно, и так далее. Все факторы, определяющие изначальную модель организации напряжения и способа деятельности, не говоря уже о факторах, влияющих на восприятие младенцем матери, определяют не только развитие самой напряженной потребности, но и связанной с ней функцией. Именно из этого начального стиля (если на такой ранней стадии можно говорить о стиле) и выкристаллизовывается в процессе кормления форма влечения и связанных с ним психологических способностей.

Тот же процесс происходит и на более поздних стадиях развития влечения и более поздних стадиях взросления в целом. Фактически, чем более определенным становится стиль деятельности, тем больше заметно, что развитие новых влечений зависит не только от природы этих влечений и внешних условий, но и от специфических тенденций стиля и его способности к саморазвитию. Легко можно себе представить, как изначально живой и активный маленький мальчик становится упрямым, если живет в условиях, которые направлены на лишение его волевых функций, приносящих ему удовлетворение (например, управления мочевым пузырем по собственному усмотрению), в то время как пассивный и инфантильный мальчик при том же режиме из пассивного превращается в подчиненного.

Каковы бы ни были детали взаимодействия между изменяющимися стилем тенденциями, возникшими в результате инстинктивных влечений и взросления, и существующим стилем, результатом может быть только взаимное изменение. Давление инстинктивного напряжения изменяет общий стиль деятельности в ту или иную сторону, а этот стиль организует влечения и связанные с ними тенденции к новому развитию. И в конце концов поведение и субъективное восприятие, свойственное этим влечениям, приходят в соответствие с общим стилем деятельности личности.

КОНТРОЛИРУЮЩАЯ И РЕГУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СТИЛЕЙ

Сначала психоанализ исследовал природу и развитие инстинктивных влечений, а затем обратился к вопросу о том, как сдерживается и контролируется напряженная потребность, требующая немедленного удовлетворения, и каким образом достигается стабилизация личности. То есть внимание психоанализа обратилось на владение «эго». Это прежде всего был клинический интерес, поскольку в невротических состояниях напряженная потребность не требует экстраординарных контрмер и формирования симптомов.

Но способность сдерживать или отсрочить освобождение напряжения имеет и более

общее значение. Развитие мышления и замещение реального действия воображаемым, развитие и усложнение аффектов, развитие всех «высших» и модуляция всех базовых функций и в целом переход личности из состояния относительной беспомощности, находящейся под воздействием напряжений, в состояние целеполагания или «воли» — все это зависит от способности контролировать напряжение. Но это не значит, что контроль осуществляется личностью или «силой воли», это — автоматический контроль со стороны эго.

Психологические стили или структуры, которые они отражают, я причисляю к организующим и стабилизирующим функциям. Эти структуры стабилизируют личность и регулируют напряжения. Какова же роль и функция стилей в развитии контроля над напряженными потребностями?

Сначала психоанализ рассматривал такой контроль в качестве сил, противостоящих и сдерживающих инстинктивные напряжения, но позже остановился на концепции структур (например, защитных), в которых были более или менее сосредоточены эти сдерживающие силы. Ранее считалось, что такие сдерживающие контрсилы возникают при столкновении с внешней реальностью, отрицающей или откладывающей удовлетворение. Позже — благодаря открытию врожденного психологического аппарата — эта точка зрения изменилась. Существование даже самых примитивных врожденных систем предполагает, что психологические структуры изначально до некоторой степени могут контролировать напряжение. Таким образом, считалось, что порог разрядки напряжения (например, порог подключения двигательных аппаратов), устанавливающий предельный уровень напряжения, является ядром, вокруг которого потом формируются более развитые контролирующие структуры."

Эта концепция изначального ядра контролирующих структур снова напоминает, что младенческая беспомощность перед лицом напряженной потребности — всего лишь теоретическая модель, основанная на экстраполяции тенденции. На практике ни одно психологическое (или биологическое) состояние не может быть полностью лишено структур, контролирующих напряжение. Здесь мы можем задать еще один вопрос: не являются ли пороги напряжения только отдельными элементами врожденных психологических структур?

Я предположил, что совокупность врожденных систем можно назвать первичной организующей структурой, которая примитивно организует разрядку напряженных потребностей младенца (а также ответы на внешние раздражители). Теперь я хотел бы показать, что эта первичная организующая структура, примитивное основание индивидуального стиля, может считаться первичной контролирующей структурой благодаря не только порогам напряжения, но и организующим аспектам. Поясню свою мысль.

Говоря в целом, контроль может осуществлять либо особая противодействующая сила или сдерживающая структура, либо некий аспект организации энергии, параллельно осуществляющий и другие цели. Например, основная цель и назначение плотины — создать электрическую энергию, но процесс трансформации энергии обязательно включает в себя сдерживание начальной силы. В определенном смысле, сдерживание и трансформация энергии всегда связаны; без трансформации невозможно постоянно сдерживать возникающую энергию, а трансформация невозможна без сдерживания.

У младенца есть определенные модели восприятия и разрядки (то есть организации) напряжения, несмотря на то что они еще очень примитивны. Например, он способен сосать, у него есть психологическая «готовность» к сосанию, способность отреагировать на сосок. Если эта врожденная «готовность» адекватно соотносится с

определенными физическими способностями и системами, разрядка напряжения проявляется в сосании, а не в бесцельных действиях, а напряжение становится более направленным.

Эту «готовность», это психологическое оснащение, создающее более дифференцированные модели восприятия и разрядки, можно рассматривать как структуру, организующую и поддерживающую напряжение. Говоря иначе, чем лучше этими структурами оснащен младенец, тем выше у него порог разрядки напряжения и тем дольше он способен «терпеть». Здесь, однако, необходимо рассмотреть дальнейшее развитие способности управлять напряжением, чтобы прояснить связь между этой способностью и психологическими организующими структурами.

Давайте вспомним процесс, в ходе которого мало дифференцированные нужды младенца становятся более организованными и направленными. Мало дифференцированное напряжение находит внешний объект, и младенец начинает не только предчувствовать и ждать удовлетворения, но ощущать напряжение более направленно и плакать, *чтобы пришла* мама. Это означает, что появилась новая система, организующая напряжение. Что же произошло с первоначальным напряжением при появлении этой новой организующей системы? Его прежняя форма исчезла; на месте расплывчатого напряжения появилась направленная, ожидающая активность.

Подводя итоги, можно сказать, что при развитии психологических организующих структур и моделей деятельность, переходит из состояния относительной беспомощности перед лицом напряженной потребности в более сознательное состояние, а относительно размытое напряжение превращается в намеренную, направленную активность и ожидание. Один из аспектов этого процесса можно назвать развитием способности и контроля напряжения или сдерживания и откладывания разрядки. Эта способность контроля или сдерживания разрядки напряжения возникает не из-за наличия у младенца силы воли, а потому что изменилась форма напряжения, наличие предчувствия ожидания и направленно сил, так сказать, изменило значение контроля или сдерживания. Пока напряжение недифференцировано (у него нет субъективной организации, цели или направления), его совершенно невозможно сдержать, и в той или иной форме наступает немедленная разрядка. С другой стороны, если напряжение преобразовалось в намерение, предчувствие или направленную активность, то его уже не нужно сдерживать, в определенных пределах оно будет регулироваться автоматически.

Между стилем и защитой существует очень простая связь. Индивидуальный стиль деятельности — на пример, мышления — характеризует защитные операции наряду со всеми остальными и определяет их форму. Примерно то же самое имеет в виду Нольцман «Защитный стиль диктуется общим жизненным стилем личности, вытекающим из органических векторов восприятия и развития». Еще одно утверждение, которое кажется мне еще менее удовлетворительным, постулируется, что защитный процесс «использует» модели мышления, в целом характеризующие личность¹

В общем, все эти формулировки удовлетворительны, но все же очень схематичны, в них многое неясно. Хотя на первый взгляд что и не столь заметно. Проблема заключается в следующем. Можно рассматривать защиту как структуру, контролирующую или регулирующую напряжение, и тогда стили тоже можно считать регулируемыми структурами. Можем ли мы предположить то, что регуляторы «используют» регуляторы. В любом случае лучше конкретно проиллюстрировать что имеется в виду, говоря, что защитная деятельность точно характеризуется общим стилем деятельности. Я попробую описать защитную деятельность которая появляется в относительно нестабильном состоянии.

Когда аффект, напряженная потребность или их производные сопровождаемые чрезмерным дискомфортом или тревожностью, стремятся ворваться в сознание, подключается функция снижения напряжения соответствующая стилю личности. Возникает некое чувство, мысль или действие, одним из результатов которого оказывается извлечение из сознания нежелательного явления и сопровождающего его дискомфорта.

Прежде чем рассмотреть иллюстрацию, я хотел бы обратить ваше внимание на два аспекта этого взгляда на защитный процесс Во-первых, в нем участвует сознательная активность личности просто потому, что такова его природа. Эта точка зрения полностью противоположна «марионеточной» в соответствии с которой считается, что личность пассивно защищается от угрожающих или неприятных напряжений. Во-вторых раз этот процесс автоматически включает некие характерные функции, снижающие напряжение, этот же процесс само стабилизирует и самоподдерживает психическое состояние. Другими словами, эта точка зрения совпадает с мнением тех авторов (в особенности, с Меннигером⁴), которые утверждали, что защитный процесс является «гомеостатическим». Я хотел бы что проиллюстрировать на примере.

Один обсессивно-компульсивный пациент — трезвый, технически мыслящий и активный человек — хронически не чувствовал ни энтузиазма, ни возбуждения в ситуациях, когда они, казалось бы, должны были появляться. Однажды, когда он говорил о том, что, по всей вероятности, его скоро ожидает повышение по службе, у него на лице на миг появилась улыбка. С трудом сохраняя серьезность, он сказал, что о подобных возможностях говорить еще рано. В этот момент он усмехнулся. Затем на его лице снова возникло обычное, несколько озабоченное выражение, и он сказал: «Конечно, нет никаких гарантий, что так выйдет», и по его тону можно было подумать, что это наверняка не получится. После нескольких мимолетных изменений он, так сказать, снова стал самим собой.

Этот человек начал ощущать аффект или идею, которая явно его беспокоила, защитный процесс блокировал или, по крайней мере, снизил интенсивность этого аффекта или идеи, и он снова обрел комфорт. Давайте попробуем воссоздать некоторые аспекты этого процесса.

Ощущение энтузиазма с обычной точки зрения может показаться совершенно нормальным, но с точки зрения этого человека это совершенно не так. Он часто высказывался насчет «преждевременных» надежд или энтузиазма. Питать такие надежды — нереалистичное ребячество. Хотя он не верил, что ощущение энтузиазма магическим образом лишит его шансов на успех, но как-то квазилогически чувствовал, что именно так оно и будет. Согласно его взглядам, энтузиазм может привести лишь в «рай дураков», то есть к беспечному и безрассудному поведению.

Эти взгляды и фантазии сами по себе не могут нести ответственность за блокирование аффекта, поскольку этот человек способен контролировать мысли не больше, чем любой другой. Но они отражают дискомфорт, который вызывают у него именно эти конкретные аффекты. Он чувствовал, что это безрассудно. В прошлом этот человек, ощущая необычный аффект или чувствуя искушение действовать спонтанно, боялся, что «сойдет с ума», «потеряет контроль» или что-то в этом роде; и теперь он ощущал тот же страх, но несколько меньше и по-иному. То есть, согласно его субъективному определению, он чувствовал отнюдь не энтузиазм. Хотя сначала его ощущения были похожи на энтузиазм, они быстро превращались в страх или другое, немодулированное возбуждение, вероятно, искушавшее его действовать безрассудно.

Когда осторожный человек чувствует, что может поступить безрассудно, он

принимает меры предосторожности. Он не решает, что нужно стать осторожным; он просто таким является. Он ищет изъяны и недостатки и с легкостью их находит. Это реальные недостатки, хотя, возможно, и очень отдаленные. Их находит острое, ищущее внимание, которое подключил невроз. Эти недостатки, мухи на стене, полностью овладевают его сознанием, и, что характерно, он теряет чувство пропорции по отношению к картине в целом. Как только это происходит, энтузиазм или возбуждение, а также связанный с этими аффектами дискомфорт — иными словами, ощущение безрассудства — исчезает из сознания или, в худшем случае, значительно снижается. Ему больше не следует сдерживать улыбку; у него больше нет настроения улыбаться. Он не может подключить или отключить этот процесс, поскольку является его частью.

Как мы можем охарактеризовать этот защитный процесс? Это всего лишь автоматическая последовательность действий самого обсессивно-компульсивного стиля деятельности. Неприятный аффект, не совместимый с существующим стилем, воспринимается в рамках этого стиля (то есть как безрассудство) и автоматически подвигает личность на мысли и поведение, снижающие напряжение и ведущие к такому состоянию сознания, в котором исчезает изначальный аффект и связанный с ним дискомфорт. Состояние напряжения организуется в соответствии с преобладающим стилем и функцией, снижающей напряжение.

Таким образом, защитный процесс можно считать специфической операцией общего стиля деятельности, а именно операцией, проходящей в этом стиле в состоянии напряжения. Поскольку любой стиль представляет собой систему, организующую напряжение, то в нем содержатся самоподдерживающие аспекты, то есть способность организовывать необычные напряжения; в состоянии особого напряжения эти самоподдерживающиеся аспекты становятся особенно заметными. Так, например, обсессивно-компульсивный человек, почувствовав необычный энтузиазм, немедленно начинает искать изъяны. Параноик, едва почувствовав склонность забыть о настороженности, немедленно находит ключ к своим подозрениям. Истеричная женщина, едва начав отстаивать свое мнение, вдруг понимает, что ее аргументы неубедительны, и, смутившись, вообще забывает, что хотела сказать. Импульсивный человек, едва задумавшись о серьезном, долговременном плане, чувствует, что это чрезмерный груз, и ему ничего не остается, кроме того, чтобы немедленно выпить.

Невротик воспринимает такие необычные напряжения совсем не так, как нормальный человек. Если параноик забывает о настороженности, то тут же чувствует себя крайне уязвимым, а если человек чувствует себя уязвимым, разве он не будет готовиться к обороне? А это значит, что состояние напряжения всегда воспринимается в соответствии с существующими моделями деятельности, стремящимися это напряжение снизить. Конечно же, такой процесс не уничтожает глубинные источники напряжения, он лишь не допускает, чтобы это напряжение развивалось в сознании.

Защитный процесс, протекающий в состоянии особого напряжения, в состоянии временной нестабильности, отличается от более стабильной защитной деятельности лишь степенью интенсивности. Защитная деятельность является постоянным аспектом невротической деятельности, поскольку любой невротический стиль стремится оградить сознание от нежелательных тенденций. В определенных условиях невротическая модель может функционировать гладко и успешно, блокируя большую часть специфических напряжений. У таких людей (иногда их называют «хорошо интегрированными» невротиками) формы невротической деятельности могут не проявляться так ярко и отчетливо, как у невротиков в состоянии специфического напряжения или нестабильности.

Из такого взгляда на защиту следуют определенные выводы. Я хотел бы упомянуть три из них.

(1) Защитный процесс нельзя рассматривать лишь как деятельность особых механизмов, блокирующих влечения, поскольку он включает в себя весь стиль, организующий напряженные потребности и раздражители. Если верна эта точка зрения, защитные механизмы нужно анализировать, рассматривая связанные с ними процессы мышления и внимания, аффективные модели и т. п., — другими словами, их нужно анализировать, как аспекты или черты более общих моделей деятельности.

(2) Поскольку любой защитный процесс является аспектом организации напряжения, он исключает из сознания не просто специфические ментальные содержания, а их целые классы вместе с субъективным восприятием. Так, например, у компульсивного человека из сознания исключаются не только определенные агрессивные импульсы и их производные (или не только определенные пассивные импульсы и производные от них), но и целые классы аффектов когнитивного и мотивированного восприятия. Этот факт может найти применение в психотерапии, поскольку на защитный процесс можно терапевтически воздействовать через различное психологическое содержание, включая и явно «поверхностное».

(3) Защитный процесс не является полностью внутриспсихическим. Поскольку он включает в себя весь стиль деятельности, то в определенное время он включает в себя и отношения личности с внешней реальностью. Таким образом, модель активности невротика, модель общения и отношение к внешнему миру, время от времени становятся важнейшими элементами защитной деятельности.

ЗАЩИТНЫЕ МОТИВЫ В НЕВРОТИЧЕСКИХ СТИЛЯХ

Если мы утверждаем, что следствием любого невротического стиля является исключение из сознания определенных классов субъективного восприятия и ментального содержания, можем ли в таком случае, что это исключение, эта защита, выступала как причина или мотив возникновения самого невротического стиля?

Очевидно, что среди «причин» возникновения стиля, невротического или любого другого, есть множество факторов, не имеющих ничего общего с мотивацией. Я имею в виду не только врожденные и развившиеся из них факторы, но и огромное количество внешних факторов — физических, социальных и культурных, — создающих климат, в котором развивается врожденный потенциал. Это фрагменты истории, которые влияют на природу психологического стиля, но не связаны с мотивами или инстинктивным конфликтом; то есть нельзя приписывать появление стиля только динамическим факторам (например, защитным требованиям). С другой стороны, источники стиля, не связанные с мотивами, сами по себе не могут нести ответственность за развитие невроза и кристаллизацию невротического стиля. Иными словами, они не отвечают за непрерывное отторжение из сознания новых ощущений и функций, что является неотъемлемой частью любого невротического стиля.

Когда относительно стабильный, зрелый невротический стиль подвергается невыносимому напряжению, усиливается защитная функция, уничтожающая это напряжение. Зрелый стиль справляется с напряжением относительно быстро. А что если подобные события происходят в детстве? Другими словами, что происходит, когда необычному напряжению подвергается ребенок (скажем, появляется новая напряженная потребность, для которой еще нет удовлетворительной модели или организующей формы)? И какие внешние и/или внутренние условия не позволяют возникнуть таким организующим формам, то есть отделиться от существующих форм?

Как правило, ответ простой. Если невозможно возникновение модели, организующей существующую напряженную потребность, осуществляющей разрядку и дающей возможность развиваться аффектам, активности и прочему в соответствии с этим напряжением, возникает модель, которая стремится любым путем уничтожить это напряжение. Новая дифференциация организующих форм восстанавливает стабильность точно так же, как защитные функции зрелого невротического стиля, то есть изгоняя напряжение из сознания. Таким образом, напряженная потребность, непереносимая и вызывающая дискомфорт, подвигает ребенка в соответствии с его стилем к чувствам, мыслям или действиям, снижающим напряжение. Развиваются новые аффекты, методы мышления и поведения, но на стадии развития они не проявляют своего полного потенциала. Таким образом, вместо нового ощущения гордости и желания совершать новые волевые действия, может появиться новая ригидность и стыд; вместо инициативы, ведущей к новым интересам, может возникнуть вытеснение и т. д. Из общего стиля деятельности возникла новая невротическая дифференциация, восстановившая относительную стабильность, сдерживая при этом не только влечения, но и развитие это.

У таких невротических дифференциации есть интересный побочный эффект. С одной стороны, зажимая нормальное, полноценное развитие познания, аффекта и активности и стремясь к самоподдерживающейся стабильности, эти дифференциации ведут в тупик. С другой стороны, защищаясь и тем самым развивая особые искажения функций, они часто ведут к гипертрофированным (по сравнению с нормальными) способностям, дающим особые адаптивные преимущества. Так, например, импульсивный человек может прекрасно разбираться в практических делах, психопат может быть крайне обаятельным в обществе, параноик может быть исключительно наблюдательным, обсессивно-компульсивный человек может быть чрезвычайно работоспособным, и т. д.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что защитные требования безусловно влияют на развитие стиля. Однако не стоит считать, как это делал Райх, что характер формируется исключительно в соответствии с природой внешних запретов. Наоборот, возникшая в результате невротическая дифференциация очень сильно отличается от начальных моделей деятельности. Из клинической практики хорошо известно, что динамическое объяснение хорошо выглядит в ретроспективе, но с его помощью не получается предсказания развития. Одинаковые влечения и внешняя реальность порождают множество различных характеров, и потому мы можем надеяться лишь на частичную связь между условиями и конечным психологическим состоянием.¹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «способы активности» используется здесь в смысле, в котором его употреблял Эриксон. Erik H. Erikson, *Childhood and Society* (New York: Norton, 1950).

² См. Erik H. Erikson, loc. cit.

³ См. обсуждение этого процесса: Hans Loewald, «On the Therapeutic Action of Psychoanalysis», *International Journal Of Psychoanalysis*, XLI (1960), 24. Дэвид Рапапорт подчеркивал этот момент. См. David Rapaport, «The Conceptual Model of Psychoanalysis», *Journal of Personality*, 20 (1951), 56-81.

Я не могу сказать, какое отношение этот процесс имеет к процессу «связывания» («binding»). Возможно, они идентичны. См. Robert R. Holt, «A Critical Examination of Freud's Concept of Bound versus Free Cathexis», *Journal of the American Psychoanalytic Association*, X, No.3 (July 1962), 475-525. Возможно, в определенных пределах, в связи с развитием понимания, можно выделить два параллельных процесса. Иными словами, процесс перехода из состояния пассивности под воздействием внешних раздражителей в

состояние намеренного, мобильного внимания, можно назвать развитием организующих систем понимания и более продвинутых когнитивных моделей. Описание Зендена поддерживают эту точку зрения; см. M. von Senden, Notes on «Raum-und Gestaltauffassung bei Operierten Blindgeborenen vor und nach der Operation» [1932], trans. (Cornell University: Laboratory of Psychology, June 1950), mimeographed. См. также David Shapiro, «A Perceptual Understanding of Color-Response», *Rorschach Psychology*, ed. by M. Rickers-Ovsiankina (New York: Wiley, 1960), pp. 154-201.

В связи с этим легко понять первичный «барьер раздражителей», термин, предложенный Фрейдом. То есть барьер раздражителей не следует рассматривать, как щит, закрывающий от избыточных раздражителей; эта модель скорее похожа на пассивную модель восприятия и едва ли отличается от анатомических защитных приспособлений. Барьер раздражителей следует рассматривать, как аспект или результат внутренней воспринимающей способности; то есть чем более развиты внутренние организующие структуры, тем меньше становится восприимчивость к недефиницированным стимулам извне. Абсолютная возможность младенца в отношении его восприимчивости все еще остается ограниченной, но индивидуальные различия могут по-прежнему иметь больше значение. Мне сдается, несмотря на всю свою уверенность, что некоторое время назад Dr. Siibille Escalona придерживалась той же точки зрения в своей лекции в Austen Riggs Center.

Philip S. Hoizman, «Repression and Cognitive Style», *Bulletin of the Cognitive Clinic XXVI*, No.6 (November, 1962), 277. Там же, p. 281.

Понимание этих определений усложняется путаницей в терминах, в которой и я сам виноват. У психологов, слово «стиль» имеет два значения. Одно описывает формальное соответствие, являющееся результатом формирующих структур. Другое означает сам стиль, как формирующую структуру. Это значение мне кажется более удобным.

Karl Menninger (with Martin Mayman and Paul Pruvser), *The Vital Balance* (New York: The Viking Press, 1963).